

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

ДЖАНАЕВА АННА МИШЕЛЕВНА

**ПОНЯТИЕ РЕСТИТУЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ИНСТИТУТА В РОССИЙСКОЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
СИСТЕМАХ ПРАВА**

Специальность 12.00.03 –
«Гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право»

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Москва
2015

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕСТИТУЦИИ	14
§ 1.1. Реституция в Древнем Риме	14
§ 1.2. Историческое развитие представлений о реституции в странах англо-американской правовой семьи.....	20
§ 1.3. Развитие представлений о реституции в России.....	41
§ 1.4. Реституция в российском праве в свете реформирования гражданского законодательства	46
ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ РЕСТИТУЦИИ	51
§ 2.1. Понятие реституции в России	51
§ 2.2. Понятие реституции в англо-американской правовой семье	65
§ 2.3. Соотношение реституции и неосновательного обогащения	74
§ 2.4. Применение реституции к публично-правовым отношениям	94
ГЛАВА III. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕСТИТУЦИИ	118
§ 3.1. Характер реституционных правоотношений.....	118
§ 3.2. Характер реституции – имущественная природа, спор о вещной и обязательственной природе реституции	128
§ 3.3. Соотношение реституции и виндикации	140
§ 3.4. Реституция как санкция.....	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
БИБЛИОГРАФИЯ	176

ВВЕДЕНИЕ

Недействительность сделок: основания, правовая природа, институт сделок, последствия признания сделки недействительной как логическое завершение изучения института недействительности сделки привлекает большое внимание правоведов в России. Долгие годы количество дел о признании недействительными сделок неуклонно росло, что вызывало все больший интерес к правовой проблеме. Вместе с тем, разработать единый непротиворечивый подход к реституции не удалось.

Целью актуализации современного российского законодательства в свете проводимой реформы является, в т.ч. приведение системы права в соответствие с едиными международными стандартами. В этой связи изучение понятия реституции в развитых как с позиции права, так и с экономической точки зрения, странах англо-американской правовой семьи представляется имеющим научную ценность.

Следует сделать оговорку, что право стран англо-американской правовой семьи неоднородно. Так, английские ученые в большей степени склонны к систематизации и обобщению, а также к созданию теорий, а в США институт реституции преимущественно изучается при рассмотрении конкретного дела, определение понятию ученые не дают. В этой связи большая часть теорий, приводимых в работе, - результат исследований английских ученых. Вместе с тем, их выводы изучаются учеными в Австралии и США, что становится очевидным при прочтении материалов судебных дел, в связи с чем в диссертационном исследовании не делается отличие между странами англо-американской правовой семьи, они изучаются вместе как одна семья. Следует также отметить, что различие между реституцией и неосновательным обогащением также в большей степени проводят английские ученые, однако, данная тенденция может быть обозначена как характерная для большей части стран англо-американской

правовой семьи. В связи с тем, что право Англии, США, Австралии, Новой Зеландии и иных стран, несмотря на общие корни, неоднородно, применяется термин «правовая семья».

Реституция последнее время привлекает большое внимание и со стороны учёных Великобритании, США, Австралии, вызывает оживлённые споры. Курс реституции преподаётся в некоторых университетах, предлагается в качестве курса при получении степени LL.M, изданы учебные пособия и книги по тематике, написано значительное число статей. С конца 1990-х в статьях, посвящённых реституции и смежным институтам, стали отмечать, что аналитический инструментарий реституции находится в постоянном развитии, непрестанно усложняясь, и реституционные права стали в последнее время понятны в гораздо большей степени, чем ранее¹, а в 2000-ых стали писать, что интерес к институту реституции возрастает беспрецедентными темпами².

Всем цивилизованным системам права известен институт реституции. Практически во всех правовых системах, вместе с тем, данный институт отождествляется с институтом неосновательного обогащения. В российском праве реституция исторически рассматривается исключительно в качестве последствия недействительности сделки и существует параллельно с неосновательным обогащением.

Несмотря на то, что издано огромное количество статей, написано множество книг, в той или иной степени касающихся реституции, неосновательного обогащения, их соотношения, правовая природа реституции остаётся неопределённой, опыт зарубежных стран является не в

---

¹ Barker K. Rescuing Remedialism in Unjust Enrichment Law: Why Remedies are Right // The Cambridge Law Journal. – 1998. Т. 57. No. 2. С. 301.

² Wu Tang Hang An Unjust Enrichment Claim for the Mistaken Improver of Land // Conveyancer and Property Lawyer. – 2011. Vol. 1, P. 8.

достаточной степени изученным, часто понимается неправильно. Сфера применения реституционных отношений также не до конца определена.

В свете реформирования гражданского законодательства, когда принципиально меняются подходы к ряду институтов права, исследование проблематики реституции также представляется целесообразным.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена совокупностью следующих обстоятельств:

– сделки исторически играют первостепенную роль в гражданском обороте, а последствия признания сделки недействительной потенциально затрагивают права каждого участника оборота;

– стабильность гражданского оборота в значительной степени определяется тем, что получают стороны сделки, которая была впоследствии признана недействительной;

– реституция в значительной степени соприкасается с вещными правами, нормы о недействительности сделок показывают степень защищённости имущественных интересов участников хозяйственного оборота институтами гражданского права;

– в настоящее время происходит процесс реформирования российского гражданского законодательства, изменение подхода к недействительным сделкам, что заставляет пересмотреть и природу реституции;

– различие подходов к правовым институтам в разных странах зачастую обусловлено различным уровнем, а также и характером социально-экономических отношений. Сравнение принципиально отличных правовых систем позволяет выявить истинную природу правового явления и оценить влияние

экономических и социальных факторов на его возникновение и развитие.

Научная новизна исследования. В предлагаемой плоскости поставленные в исследовании проблемы в цивилистической литературе не анализировались. Данная работа представляет собой первый опыт сравнительно-правового анализа реституционных отношений в странах англо-американской правовой семьи и в российском праве.

Степень разработанности темы. К вопросам недействительности сделок и правовых последствий такой недействительности обращаться начали преимущественно в советский период (такие учёные как Н.В. Рабинович, Г.Н. Амфитеатров, О.С. Иоффе, Д.М. Генкин). Среди современных учёных активно изучали вопрос такие учёные как Д.О. Тузов, К.И. Скловский. Проблематике недействительных сделок и реституции посвящен ряд диссертаций (в частности, таких авторов как М.Н. Комашко, Г.В. Сичинава, Т.Н. Богачева, О.Ю. Савельева, А.В. Черярин, С.Н. Смольков, Д.А. Мындра).

Работ, посвящённых неосновательному обогащению и виндикации также значительное количество, и ряд из них затрагивает вопрос соотношения данных институтов права с реституцией, а в некоторых приводится общий анализ неосновательного обогащения в странах англо-американского права (например, в работе Д.В. Новака Неосновательное обогащение в гражданском праве: сравнительно-правовое исследование), но для целей комплексного исследования проблематики недействительных сделок и реституции данных работ недостаточно.

В странах англо-американской семьи также много трудов, которые посвящены проблематике реституции и неосновательного обогащения, вместе с тем, они преимущественно изучаются в свете других проблем, применительно к конкретным проблемным институтам. Такие учёные как Бёркс (Peter Birks), Эндрю Борроуз (Andrew Burrows) издали ряд монографий, посвящённых реституции.

Объектом диссертационного исследования явились реституционные правоотношения, реституция как мера восстановления прежнего положения сторон, исключая рассмотрение вопроса об уголовно-правовой и международно-правовой реституции.

Целью диссертационного исследования явилась теоретическая и методологическая разработка общего понятия и отдельных проблем реституционных правоотношений в России и странах англо-американской правовой семьи, выяснение соотношения регулирования данного института в указанных странах для лучшего понимания природы реституционных правоотношений и обогащение научных и практических знаний в исследуемой сфере.

Для достижения этой общей цели в диссертации решаются такие задачи, как:

- актуализация и конкретизация понятия «реституция», в частности, в свете реформирования гражданского законодательства в России, а также в связи с изменением ряда принципиальных подходов к реституции, отражённых в последних судебных решениях в странах англо-американского права;
- проведение сравнительно-правового анализа регулирования реституционных отношений в России и странах англо-американского права;
- установление исторических предпосылок появления института реституции в существующем виде в России и странах англо-американского права;
- изучение соотношения реституции с иными институтами права, в частности, виндикацией и неосновательным обогащением;
- определение правовой природы реституции;
- решение вопроса о возможности расширения сферы действия реституции в России и включения иных ситуаций, не

ограничивающихся только последствиями признания сделки недействительной;

– анализ самостоятельного характера реституции.

Методологическая база диссертационного исследования. В диссертации применялись обще- и частнонаучные методы исследования: диалектический материализм, анализ, комплексный и многоотраслевой анализ, синтез, сравнение, аналогия, доказательства, индукция, дедукция, системный подход, метод сравнительного правоведения, метод конкретных социологических исследований, статистический и т.д.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили работы о недействительных сделках, неосновательном обогащении и реституции дореволюционных, советских и современных российских учёных, а также труды правоведов Великобритании, США, Австралии, Канады и Новой Зеландии, а также ряда немецких авторов, проводивших сравнительно-правовой анализ немецкого и англо-американского права.

Общие идеи о гражданском праве, его подотраслях и институтах, о теории гражданских правоотношений, собственности, сделках, гражданско-правовой ответственности, нашедшие свое отражение в исследованиях ученых, также послужили методологической базой исследования.

В числе работ, положенных в основу настоящего диссертационного исследования, можно выделить работы таких авторов как М.М. Агарков, Г.И. Амфитеатров, А.Н. Арзамасцев, П. Бёркс, Э. Борроуз, М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, В.В. Витрянский, Ю.С. Гамбаров, Д.М. Генкин, Р. Гофф, В.П. Грибанов, О.В. Гутников, Д.Д. Гримм, Г. Джонс, Х. Дэган, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, В. Кинер, Е.А. Крашенинников, А.Л. Маковский, Д.И. Мейер, В.П. Мозолин, С.А. Муромцев, И.Б. Новицкий, Дж. Палмер, И.С. Перетерский, Л.И. Петражицкий, Н.В. Рабинович, В.К. Райхер, Н. Растеряев, В.А. Рясенцев, К.И. Скловский, Столджер, Е.А. Суханов, В.С.

Толстой, Д.О. Тузов, Е.А. Флейшиц, Р.О. Халфина, Ф.С. Хейфец, Г.Ф. Шершеневич.

Нормативно-правовой и эмпирической основой диссертации явились Конституция Российской Федерации; международные договоры; российское федеральное законодательство; законы и иные правовые акты СССР, акты и судебная практика российских судов (Конституционного суда, Верховного суда, также судов общей юрисдикции, Высшего Арбитражного Суда РФ и системы арбитражных судов), а также нормативные акты и практика судов стран англо-американской правовой семьи; информация о деятельности органов государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ, размещенная на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В действующем российском законодательстве реституция охватывает отношения, связанные с недействительностью сделки, исключая из правового регулирования ситуации незаключенности сделок, расторжения договора и иные. Реституция в англо-американском праве включает значительный перечень ситуаций, в т.ч. возникает в результате некоторых правонарушений и овладения вещным правом без надлежащего правового основания. Ограничение применения реституции недействительными сделками не характерно для большинства правовых порядков и не находит должного обоснования в историческом развитии института в России. Реституция должна рассматриваться как универсальная мера защиты, применяемая при любом предоставлении, не имеющем правового основания, а также имеющем такое основание, если оно отпало впоследствии.
2. К отличительным чертам реституции в странах англо-американской правовой семьи, не характерных для российского права, относятся:

- отсутствие исчерпывающего перечня ситуаций, когда применяется институт;
- отсутствие критериев;
- широкая сфера применения;
- моральное основание признается достаточным для применения реституции;
- сильная связь между реституцией и неосновательным обогащением;
- использование института к публично-правовым отношениям;
- возможность применения даже когда обогащение не произошло.

3. Реституция в качестве универсальной меры должна применяться к отношениям, носящим публично-правовой характер, при соблюдении критерия «выгоды» (излишне уплаченные налоги, неправомерно наложенные штрафы, ошибочно произведенные платежи за осуществление государственной функции).
4. К неосновательному обогащению в российском праве применяется принцип «отсутствия основания» (нет основания для обогащения – подлежат применению нормы о неосновательном обогащении), для применения реституции необходимо наличие «несправедливого фактора» в виде недействительной сделки (конкретно названо основание для применения норм права). Первый подход характерен для неосновательного обогащения в странах континентальной системы права, второй – англо-американской. Российским законодательством используются, таким образом, одновременно два критерия – большая часть ситуаций охватывается принципом отсутствующего основания, а реституция как следствие признания сделки недействительной выделено отдельно, в этой ситуации используется принцип несправедливого фактора. Смешение двух различных подходов представляется неоправданным. Кроме того, правовые последствия и

сущность реституции и неосновательного обогащения в российском праве, по сути, одинаковы – оба института направлены на восстановление правового положения лица, существовавшего до его нарушения неосновательно обогатившимся лицом.

5. Англо-американская семья права использует принцип «выгоды», обогащения (gain-based theory) применительно к реституции. В российском праве следует применять аналогичный принцип: имущество возвращается не в силу того, что лицо претерпело убытки или потери в имущественной сфере, а в силу того, что основание предоставления не было законным/ отсутствовало/ отпало, и на стороне обогатившегося имеется выгода. Закрепление принципа законодательно означает для добросовестного лица возможность взыскания суммы, на которую лицо обогатилось в результате неосновательного обогащения, а не размер убытков и потерь потерпевшего.
6. Реституция и неосновательное обогащение должны соотноситься как основание и мера защиты права. Первостепенную роль должен играть принцип реституции – сам принцип, который является более общим, нежели основания, которые порождают его. Принцип выгоды демонстрирует, что концепция реституции должна выходить за рамки неосновательного обогащения, хотя большая часть ситуаций и будет связана с неосновательным обогащением. Введение реституции как универсальной меры защиты прав, таким образом, не отменяет необходимости в имеющемся в настоящий момент регулировании неосновательного обогащения. Кроме того, поскольку реституция не относится к формам ответственности, признание реституции универсальным средством защиты не умаляет возмещения убытков как универсальной формы гражданско-правовой ответственности.

7. Согласно теоретическим воззрениям, виндикация в странах англо-американской правовой семьи может быть частично охвачена реституцией как универсальной мерой, в России, наоборот, есть основания рассматривать реституцию как разновидность виндикации при возврате индивидуально-определенных вещей.
8. Виндикационный и реституционный иск/ иск из неосновательного обогащения – различные по своей правовой природе иски. Реституция/ неосновательное обогащение направлены на недопущение обогащения одного лица за счет другого, основаны на принципе «выгоды», которую получает обогащаемый, виндикация основана на принципе «потери», то есть направлена на возврат имущества, которое принадлежит собственнику в связи с тем, что отсутствие правовой возможности владеть и пользоваться имуществом приносит имущественные неудобства собственнику.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные выводы могут быть использованы при чтении лекций и проведении семинарских занятий по гражданскому праву, совершенствовании нормотворчества и правоприменения, а также при разработке пособий и методических изданий по данной проблематике.

Рекомендации по совершенствованию законодательства.

Целесообразно дополнить Гражданский кодекс положением, вводящим принцип «изменившейся обстановки» (change of position), который означает: если лицо, неосновательно обогатившееся за счёт другого лица, при этом вело себя в момент обогащения и впоследствии добросовестно, и потратило денежные средства (вложило их в имущество, заключило сделку, распорядилось им в порядке дарения), при том, что, не имея данных денег, данное лицо не стало бы осуществлять траты, такое лицо

не считается в части произведённых платежей неосновательно обогатившимся, и данную сумму не обязано возвращать.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕСТИТУЦИИ

§ 1.1. Реституция в Древнем Риме

Известное современному как российскому праву, так и праву стран англо-американской правовой семьи понятие «реституция» уходит своими корнями к праву Древнего Рима. Данное понятие (*in integrum restitutio*) было впервые сформулировано в классическом римском праве. Реституцией называлось особое средство преторской защиты в формулярном процессе. Действие реституции заключалось в лишении силы факта, который привёл юридические отношения к существующему состоянию, реституция являлась средством защиты, посредством которого «магистрат, не в силу закона, а на основании своего усмотрения, руководствуясь справедливостью, восстанавливает прежнее состояние гражданских отношений»³.

Использовалось «восстановление в первоначальное положение» – реституция – в исключительных случаях.

Для её применения требовалось:

- 1) наличие имущественного или неимущественного ущерба, причинённого действием или упущением (известный вред, *laesio*);
- 2) наличие у просителя оправдывающего основания;
- 3) своевременная просьба⁴.

К оправдывающим основаниям относили заключение сделки несовершеннолетними (всякий несовершеннолетний, который понёс непоправимый иным путём убыток вследствие действий или упущений, допущенных или совершённых им самим или его представителем, имел возможность обращаться с требованием произвести возврат сторон в

---

³ Хвостов В.М. Система римского права. Семейное право. Наследственное право (конспект лекций). – М.: типография Вильде, 1909.

⁴ Римское частное право. Учебник под редакцией проф. Новицкого И.Б. и проф. Перетерского И.С. – URL : <http://elib.mesi-yar.ru/books/yf-mesi/2009/novitskii.pdf>.

первоначальное положение; впоследствии правило распространилось на церковь, благотворительные организации, фиск, корпорации и общины), обман и насилие (они впоследствии стали порождать самостоятельные иски *actio* и *exceptio doli* и *quod metus causa*), временное отсутствие (например, лицо находилось в плену, болезнь, арест – предполагается, что если лицо не имело времени или возможности назначить себе представителя, в связи с отсутствием оно не могло своевременно принять меры для предотвращения возможной имущественной невыгоды).

К реституции прибегали в случае, если сделка формально соответствовала закону, была оформлена надлежащим, предписываемым законом способом, но содержание требования признавалось справедливым: например, сделки с несовершеннолетними могли полностью соответствовать закону по форме и содержанию, и вместе с тем, требование об их расторжении в связи с необходимостью особой защиты прав несовершеннолетних признавались справедливыми. Поскольку гражданское право не предоставляло на такой случай защиты, можно было обращаться в суд с особым иском о реституции.

Реституции предшествовало предварительное выяснение фактических обстоятельств дела, и основывалась реституция исключительно на соображениях справедливости, каковой последняя виделась претору.

Чрезвычайный характер реституции отражался, в частности, в том, что когда ущерб лица, который обращался за защитой, был гораздо меньше тех «невыгод, которые произошли бы от реституции для других лиц», реституция признавалась неуместной⁵.

В Древнем Риме реституция трактовалась весьма широко: под реституцией понималось восстановление какого-либо состояния. Преторский эдикт, как отмечают ученые, не определял точно случаев реституции⁶.

---

⁵ Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1 М.: Издание Ф.Н. Плевако, 1874.

⁶ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима.

Между реституцией римского права и реституцией современного российского гражданского права мало общего. В Древнем Риме реституция не восстанавливала стороны в первоначальном фактическом положении, задачей было исключить те правовые последствия, которые были порождены законными юридическими фактами, однако, рассматриваемыми как несправедливые. Как отмечает Д.О. Тузов, «претор не мог своей властью отменять или изменять нормы гражданского права, он, в принципе, не мог и уничтожить установившееся на основе этих норм правовые отношения», «поэтому неверно было бы безоговорочно утверждать, что магистрат именно *аннулировал* действительные с точки зрения *ius civile* сделки. Этого он, разумеется, никогда не делал и делать не мог. Производя *in integrum restitutio*, претор просто *отказывал в защите* основанным на таких сделках отношениям, чем, по существу, превращал гражданское право в *nudum ius Quiritum*, хотя и не уничтожал его»⁷. Как отмечал Г.Ф. Пухта, реституция выступала чрезвычайным средством, состоящим «в защите не общего права, а в действиях, противоречащих ему»⁸. Вместе с тем, в Древнем Риме юридический эффект сделки и её действительность фактически означали возможность защиты, в отсутствие защиты смысл сделки утрачивался. По сути, претор, применяя реституцию, аннулировал действие, произведённое во исполнение сделки, отрицал произошедшие в связи с этим изменения, и приводил стороны в положение, аналогичное ранее существовавшему, поэтому и нельзя говорить о восстановлении сторон в ранее существовавшем состоянии. Смысл самого термина «*restitutio*», «*restitution*» – восстановление, реставрация существовавшего состояния, объекта – упускает важную преобразовательную функцию реституционного иска в Риме: претор во имя

---

⁷ Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Томск: Томский государственный университет, 1999. - 211 с. – С. 68.

⁸ Пухта Г.Ф. Там же.

справедливости вносил изменения в существующие в полном согласии с требованиями гражданского права отношения.

Современные учёные, анализируя реституцию в Древнем Риме, отмечают её схожесть скорее с rescissorium actionem (иск о признании недействительной оспоримой сделки/об аннулировании оспоримой сделки)⁹, нежели с реституцией.

Реституция имела широкое применение: с её помощью, например, могли восстановить давностные сроки, восстановить в правах по милости принцепса (в отношении тех, кого взяли в плен враги, кто выслан на острова или сделан рабом).

Самое главное, реституция возвращала стороны в их первоначальное юридическое положение, стороны при этом не были обязаны вернуть друг другу всё приобретённое по сделке, очевидно, это означало, что фактическое положение сторон, существовавшее до исполнения сделки, не восстанавливалось. Для восстановления в правах необходимо было предъявлять иные иски, которых было большое разнообразие.

Ничтожная сделка не порождает правового эффекта, с момента её совершения, а, значит, и предоставление по ничтожной сделке не имеет правового основания, и собственник вещей не меняется, поэтому виндикационный иск достаточен, в случаях, когда его невозможно предъявить можно было воспользоваться кондикционным иском и аналогичными ему.

Если сравнивать институт *in integrum restitutio* с реституцией в российском праве, следует отметить следующее. К ничтожным сделкам в Древнем Риме институт реституции был неприменим, но был применим к сделкам оспоримым, таким как сделки, совершенные «под давлением

---

⁹ Тузов Д.О. Иски, связанные с недействительностью сделок. Теоретический очерк. Томск: Пеленг, 1998. – С. 50.

угрозы», дарение между супругами¹⁰. В России же в настоящий момент реституция рассматривается как последствие признания недействительной сделки (как оспоримой, так и ничтожной).

Ю.Е. Туктаров в статье «Требование о возврате полученного по недействительной сделке» указывает на то, что *restitutio in integrum* обычно имело место в контексте оспаривания договора¹¹. Вместе с тем, по крайней мере, в теории, в римском праве было весьма широкое понимание «*in integrum restitutio*», которое включало в себя различные институты, например, восстановление пропущенных сроков. Реституция не применялась к ничтожным сделкам. Она применялась к формально действительным актам, с точки зрения гражданского права, когда того требовала справедливость. Реституция долгое время была чрезвычайным средством преторской защиты, с помощью которой восстанавливалось юридическое положение сторон. Чтобы восстановить фактическое положение, необходимо было прибегнуть к иным способам защиты. В этой связи сходств между современным российским правом и древнеримским в вопросе регулирования реституционных отношений мало.

Широта применения реституции в Древнем Риме роднит данный институт с реституцией стран англо-американской правовой семьи, но лишь отчасти. В настоящий момент также нет однозначного понимания, относится ли реституция в Англии и США к праву справедливости¹², но сильное влияние права справедливости, очевидно, уходит своими корнями в

---

¹⁰ Барон Ю. Система римского гражданского права.

¹¹ Туктаров Ю.Е. Требование о возврате полученного по недействительной сделке // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. – С. 146 – 147.

¹² В частности, от решения данного вопроса зависит применение или неприменение срока исковой давности. Наиболее распространённая точка зрения заключается в том, что реституция объединяет средства защиты права, которые были накоплены и правом справедливости и общим правом.

представления о реституции в Древнем Риме. Одним из наиболее ранних представлений о реституции в странах англо-саксонского права была теория о квазидоговорной природе реституции, что также отражает влияние римского права.

Представляется, единственное, что действительно объединяет представления о реституции в Древнем Риме и странах англо-американской правовой семьи в настоящий момент – это то, что реституция применяется лишь в случаях, прямо указанных в законе или признанных достаточным основанием для применения реституции в судебном акте (должны быть так называемые *unjust factors* – факторы, формирующие несправедливость обогащения, в то время как континентальная правовая семья признает отсутствие основания обогащения достаточным критерием применения неосновательного обогащения).

Таким образом, для реституции в римском праве были характерны две основные черты:

- 1) реституция объединяла значительное число ситуаций, совершенно различных по своей правовой природе;*
- 2) реституция рассматривалась в качестве чрезвычайного средства преторской защиты для ситуаций, когда «формальное право может сделаться материальной неправдой»¹³.*

Несмотря на то, что термин «реституция» уходит корнями в римское право, современный институт реституции, известный странам англо-американской правовой семьи, а также российскому законодательству, имеет мало общего с реституцией Древнего Рима. Так, в Риме реституция не применялась к ничтожным сделкам, в отличие от современного российского права. Кроме того, она применялась к формально действительным актам, с точки зрения гражданского права, когда того

---

¹³ Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1.

требовала справедливость. Чтобы восстановить фактическое положение, необходимо было прибегнуть к иным способам защиты.

§ 1.2. Историческое развитие представлений о реституции в странах англо-американской правовой семьи

Длительное время реституция в странах англо-американской правовой семьи как институт права был в недостаточной степени изучен, учёные не проявляли к нему должного интереса.

В 1951 г. профессор Джон Доусон (John Dawson) писал, что английское право реституции являет собой хороший пример застывшей теории, особенно по части теоретических разработок учёных, что это область, совершенно не изученная с момента такой заморозки¹⁴. Цитируя Доусона, Джордж Палмер (Palmer) в 1979 г. писал, что несмотря на то, что в Соединённых Штатах Америки ситуация не столь безнадежная, как в Англии, право реституции в США всё же находится в своём зачаточном состоянии¹⁵.

В статье «Широта и значимость реституции» 1988-1989 годов Дуглас Лейкок (Douglas Lausock) писал о реституции как о незаменимом средстве защиты нарушенного права, наряду с деликтным и договорным правом. А вместе с тем отмечал, что в уме большинства юристов реституция состоит преимущественно из пустого пространства с размытыми краями, с редкими рассеянными клочками того, что юриспруденцией изучено и хорошо известно. Самостоятельный курс, посвященный вопросам реституции, преподаётся лишь в незначительном количестве университетов, книга-

---

¹⁴ Dawson Unjust enrichment, 1951. – С. 92-109. Цит. по: Palmer G.E. Book review // Santa Clara Law Review. Vol. 19, 1979. – P. 1142.

¹⁵ Palmer G.E. Book review // Santa Clara Law Review. Vol. 19, 1979. P. 1143.

сборник судебных дел по реституции, не издана¹⁶ – так охарактеризовал положение дел учёный¹⁷.

Действительный интерес и внимание, – отмечает в своей вводной лекции в курс «Право реституции» (The Law of Restitution) профессор частного права Англии в Кембриджском университете Грэхэм Вирго (Graham Virgo), – формальное признание Палаты Лордов реституция получила лишь в 1991 году, а поэтому данному институту права всего 20 лет. Судьи, комментаторы, учёные до сих пор пытаются понять тайный смысл данной отрасли права¹⁸.

Даже после появления на свет в 1937 году в Америке сборника, посвященного реституции – The Restatement of Restitution – Скот Остин (Scott W. Austin) и Воррен Сиви (Warren A. Seavey) отмечали, что ни одна работа с заголовком «реституция» им не известна, а вопросы, изучение которых охватывается реституцией, разбросаны по разным отраслям права¹⁹.

Битсон (Beatson) настаивал на самостоятельном значении реституции и писал, что отсутствие внимания к данному институту до 1960 года было ошибкой, и ему пришлось её исправлять²⁰. Причём после возросшего интереса к институту реституции в Соединённых штатах Америки в 1950-1960-х годах опять произошёл спад научного интереса к реституции, а поэтому уже ближе к 1970-м годам учёные перестали изучать данный вопрос, а через десятилетие он был почти полностью забыт, и плохо известен современным на тот момент учёным.

---

¹⁶ Следует иметь в виду, что в Соединённых штатах Америки некоторых сборники уже появились на тот момент на свет: к примеру, сборник Кинера (Keener), Кука (Walter Wheeler Cook), Турстона (Edward S. Thurston), Вейда (John W. Wade).

¹⁷ Laycock D. Scope and Significance of Restitution // Tex. L. Rev. – 1989. - Vol. 67-1277.

¹⁸ <http://www.law.cam.ac.uk/faculty-resources/summary/llm-subject-forum-2011-law-of-restitution/9096>.

¹⁹ Seavey W.A., Scott A.W. Restitution //L. Q. Rev. – 1938. Vol. 54. – P.29.

²⁰ Civil Justice Quarterly 1992 Publication Review Use and abuse of unjust enrichment: essay on the law of restitution Jack Beatson. Reviewed by Steve Hedley.

В четырёх томах Сборника судебных решений Англии 1992 года (All England Law Reports) появились ранее почти не известные обществу дела по реституции (в частности, одно из ключевых по настоящее время дело *Lipkin Gorman v Karpnale Ltd*²¹), и Сведлинг (Swadling), давая анализ сборнику, писал, что его рассуждения будут более хаотичными и беспорядочными, чем обычно, но он постарается продемонстрировать вид с высоты птичьего полёта, разбирая не только сами судебные споры, но и предмет реституции, поскольку реституция впервые нашла своё место в сборнике судебных решений, и многие читатели могут быть незнакомы с предметом обсуждения²².

На 1992 год было всего несколько книг по английскому праву, посвящённых реституции: в частности, Goff and Jones, *The Law of Restitution*; Birks, *An Introduction to the Law of Restitution*; Burrows, *The Law of Restitution*. Было и незначительное число книг американских авторов по данной проблематике.

В книге 1998 г. Эндрю Бурроуз (Andrew Burrows) «Понятие обязательства: эссе о договорах, деликтах и реституции» (*Understanding the Law of Obligations: essays on Contract, Tort and Restitution*) писал, что рассматривает вопросы реституции – довольно нового института права²³.

Такое положение дел кто-то объяснял распространением течений реализма в юриспруденции, когда теоретические разработки были

---

²¹ [1991] 2 A.C. 548; [1991] 3 W.L.R. 10; [1992] 4 All E.R. 512; (1991) 88(26) L.S.G. 31; (1991) 141 N.L.J. 815; (1991) 135 S.J.L.B. 36; Times, June 7, 1991; Independent, June 18, 1991; Financial Times, June 11, 1991; Guardian, June 13, 1991.

²² Swadling W.J. All England Annual Review/1992/The Law of Restitution. LLM. Lecture in Laws, Queen Mary & Westfield College, University of London.

²³ Burrows A. *Understanding the Law of Obligations: essays on Contract, Tort and Restitution*. 1998.

отброшены, как не имеющие очевидного эффекта на практике²⁴. Возможно, были и иные причины. Как бы то ни было, реституция не изучалась длительное время, да ещё с самого начала оказалась под влиянием ряда ложных представлений, и неверное понимание природы реституции оттеснило этот институт на второй план.

Долгое время учёные были вынуждены заниматься не изучением сложнейшей проблематики реституционных правоотношений, а доказыванием того, что сама данная категория имеет право на существование.

Нередко правоведы писали, что реституция возникла как серия новшеств, чтобы заполнить дыры в других сферах права²⁵, при этом отказывая реституции в самостоятельном значении.

Даже в 1997 году один из наиболее ярких австралийских судей Джеймс Эдельман (James Edelman) описывал реституцию как не более чем неомарксистский тайный заговор с целью нарушить право, которое всегда было просто и понятно под привычными заголовками²⁶.

Вместе с тем, с конца 1990-х и начала 2000-х годов в США прошёл ряд конференций, посвящённых проблематике реституции, а Американский институт права (American Law Institute) инициировал работу над третьим вариантом книги *Restatement of the Law of Restitution*.

В статье «Повсеместность принципа выгоды» (*The ubiquity of the benefit principal*) Ричард Эпстейн (Richard A. Epstein) писал, что курс изучения частного права в американском институте права подразделяется на три части:

---

²⁴ Langbein The later history of restitution, in *Restitution – Past, Present and Future: Essays in Honour of Gareth Jones* 57, 60 (W.R. Cornish et. al. eds., 1998). Цит. по: Klimchuk D. *Restitution and Realism* // *Can. J. L. & Jurisprudence*. – 2007. – Vol. 20. – P. 225.

²⁵ Laycock D. *Scope and Significance of Restitution* // *Tex. L. Rev.* – 1988. – Vol. 67. P. 1277.

²⁶ (перевод мой) *Restatement of the Law Third, Restitution and Unjust Enrichment*. 2011. American Law Institute. Reviewed by James Edelman. *L.Q.R.* 2012, 128(Apr). P. 312.

право собственности, деликтное право и договорное право, и все эти сферы крайне важны, с точки зрения философии права и практической целесообразности. Но как бы привлекательна с правовой позиции и перспективна с философской точки зрения ни была эта система, она, к сожалению, неполна, поскольку не включает в себя право реституции. По мнению правоведа, поезд общего права должен двигаться не на трёх материально-правовых колёсах, а на четырёх²⁷, и включать реституцию.

В 1991 году появилось первое дело, в котором официально признавалась самостоятельность реституции – *Lipkin Gorman v Karpnale Ltd*²⁸. Дело было начато по иску юридической фирмы, в которой ранее работал партнёром Касс (Cass). Касс использовал доступ к счёту компании в банке Ллойдс для оплаты азартных игр в клубе Плейбой. Благодаря пристрастию господина Касса к азартным играм фирма потеряла значительную сумму денег и обратилась за возвратом этих денег к клубу. Разницу между общей суммой денег, которую Касс потратил в клубе, и суммой, которая была выдана ему в качестве выигрыша, была возвращена в качестве реституции. Лорд Темпелмен (Lord Templeman) отметил, что любая цивилизованная система права должна предусматривать меры защиты на случай неосновательного обогащения или неосновательной выгоды одного лица за счёт другого без получения на то согласия этого лица.

Как отмечено во вступительной записке к сборнику положений о реституции (restatement of restitution introductory note)²⁹, предшественниками реституции в Англии выступили еще в XIV-XV веках «иск о долге» (action of

---

²⁷ Epstein R. A. The Ubiquity of the Benefit Principle // S. Cal. L. Rev. – 1993. – Vo.;. 67. P. 1369-1371.

²⁸ [1991] 2 A.C. 548; [1991] 3 W.L.R. 10; [1992] 4 All E.R. 512; (1991) 88(26) L.S.G. 31; (1991) 141 N.L.J. 815; (1991) 135 S.J.L.B. 36; Times, June 7, 1991; Independent, June 18, 1991; Financial Times, June 11, 1991; Guardian, June 13, 1991.

²⁹ Restatement of restitution introductory note. Цит по: Davis, Peter W. "RESTITUTION-CONCEPT AND TERMS." Hastings Law Journal 19.4 (1968): 1167-1198.

debt), применяемый при взыскании определенных денежных сумм, истребуемых вследствие «отпадения встречного удовлетворения» (failure of consideration) и «иск об отчетности» (action of account). При этом еще в 1932 году Эдмунд Белшейм (Edmund O. Belsheim) писал, что несмотря на то что иск об отчетности «официально умер», не стоит забывать, что «в окрестностях права до сих пор бродит его призрак»³⁰. Сам иск об отчетности имел корни к деликтном праве.

Реституция зародилась, как это имело место в Древнем Риме, оттого что формальное право не имело надлежащих средств защиты для ситуаций, которые по праву справедливости признавались требующими правовой защиты. Ханок Дэган, изучающий право реституции и неосновательного обогащения в странах англо-американского права, писал, что в указанных странах парадигма зиждется на архаичной концепции waiver of tort (отказ от права защиты в случае гражданского правонарушения), в рамках которой реституция рассматривается как паразитическое требование, альтернативное деликтному обязательству³¹. Реституция предоставляла ряд процессуальных преимуществ, в частности, связанных со сроком давности. Впоследствии данные преимущества либо вовсе исчезли, либо перестали играть основополагающую роль. Суды стали видеть разницу между деликтом, реституцией и иными институтами и разрабатывать концепцию самостоятельного института реституции.

Исторически первой правовой природу реституцию объясняла теория подразумеваемого контракта.

Предполагалось, что есть договоры (contracts) и обязательства из правонарушений, деликтов (torts), третий же категории изначально вовсе не оставалось места в такой системе.

---

³⁰ Edmund O. Belsheim Harvard Law Review Vol. 45, No. 3 (Jan., 1932)// <http://www.jstor.org/>.

³¹ Dagan H. Unjust Enrichment: A Study of Private Law and Public Values – Cambridge University Press, 1997. P. 5.

Самое известное дело, в котором был сделан такой вывод – *Sinclair v Brougham*³². Спор касался строительного кооперативного товарищества, которое было создано в 1851 году и развивало банковскую деятельность, собственными правилами уполномочив себя занимать деньги под проценты в неограниченных количествах. В 1911 году товариществу было предписано прекратить бизнес, началась процедура ликвидации, что поставило вопрос об очерёдности удовлетворения требований кредиторов, владельцев текущих счетов – денежных средств на всех кредиторов не хватало. Действия товарищества по привлечению денежных средств были признаны неправомерными, как выходящие за пределы правоспособности этого товарищества, и товарищество обязали в равных долях разделить оставшиеся денежные средства между разными категориями кредиторов.

В данном деле важно не только то, что суд признал допустимым применение права справедливости, когда общее право не имеет надлежащих средств защиты нарушенного права, но и выводы судей. Судья Висконт Хелдейн (*Viscount Haldane L.C.*) высказал мнение (которое также совпадает с мнением Лорда Аткинсона (*Lord Atkinson*)) о том, что общее право (в понимании в противовес праву справедливости) в отличие от римского права знает два вида судебных исков: основанные на договоре и основанные на деликте (правонарушении). Когда же речь заходит об исках из обязательств из квазидоговора, то необходимо говорить о виде исков, в теории основанных на договоре, которые приписываются праву в силу правовой фикции. При этом фикция устанавливается лишь там, где возможен правовой результат от договора, который бы имел юридическую силу, если бы он существовал. Отдельная категория – реституция – была тогда (в 1914 году) судом отвергнута.

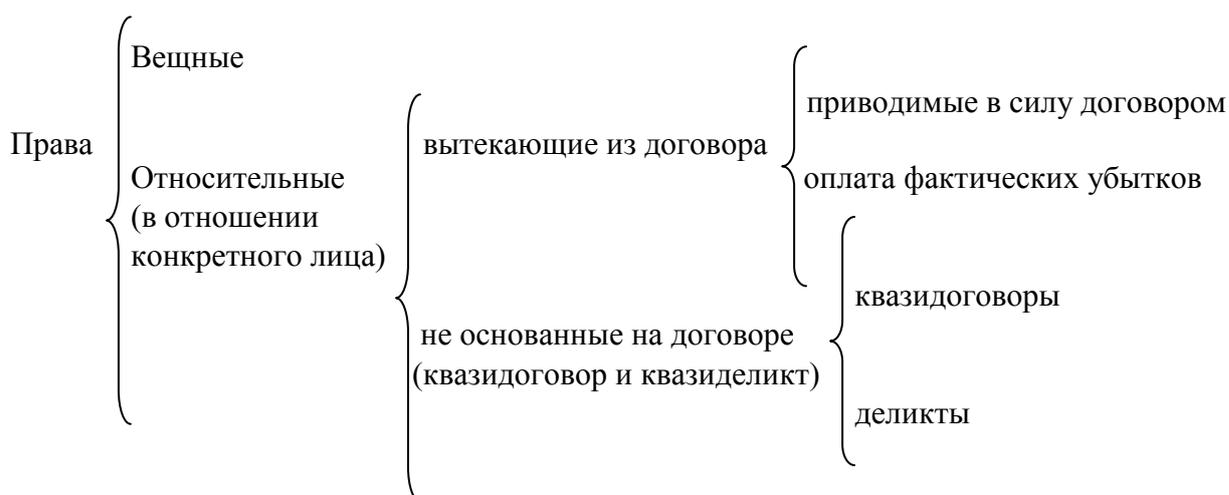
Однако постепенно учёные и судьи стали замещать реституцию квазидоговором.

---

³² [1914] A.C. 398; [1914-15] All E.R. Rep. 622.

Корни английского квазидоговора уходят в «обязательства как бы из договора» (*quasi ex contractu*), которым в Древнем Риме обозначались «обязательства, возникающие при отсутствии между сторонами договора, но по своему характеру и содержанию сходные с обязательствами, возникавшими из договоров»³³. При этом спорные вопросы об условиях и пределах ответственности сторон решались аналогично тому, как они решаются применительно к соответствующим договорам. К видам квазидоговора относили, в частности, обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения одного лица за счет другого, включая обязательства, возникающие из ошибочного платежа недолжного; обязательства возврата того, что получено лицом по определенному, имевшемуся в виду основанию, когда основание не осуществилось; обязательства возврата недобросовестно полученного и прочие.

Профессор Йельской школы права Артур Линтон Корбин писал, что квазидоговор – это обязанность, не основанная на соглашении, приводимая в силу либо напрямую, либо путём принуждения лица, взявшего на себя обязательство, возместить стоимость неосновательного обогащения³⁴, и следующим образом описывал систему квазидоговора в системе прав³⁵:

³³ Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. – М.: «Зерцало», 2007.

³⁴ Corbin A. L. Quasi-Contractual Obligations // YALE L.J. – 1912. – P. 533, 550.

³⁵ Там же, с. 551.

Лорд Райт (Lord Wright) определял квазидоговор как правовые отношения, возникающие в ситуациях, когда ответчик неосновательно обогатился либо получил преимущества за счёт истца в обстоятельствах, при которых была возможность использовать реституцию³⁶. Он уже различал договор, деликт и квазидоговор. Джон Вигмор (John Wigmore) также определял право из квазидоговора как право на восстановление утраченного преимущества, которое полагалось истцу, но незаслуженно (несправедливо) досталось ответчику³⁷.

В деле *United States v Mutual Life Insurance Co.* обязал сторону вернуть другой неосновательно полученную сумму, при этом дал определение квазидоговору как отношению между сторонами, которые не состоят в договорных отношениях, но при этом несут друг перед другом ответственность такую, как если бы между ними был заключен договор.

В деле *Rhodes v Rhodes*³⁸ Лорд Линдли (Lindley) отметил, что в ситуации, когда договор заключен с душевнобольным, и оказаны услуги, которые такой душевнобольной не оплатил, возникает обязательство из как бы договора (*obligations quasi ex contractu*), при этом реального договора между сторонами нет, но между сторонами правом предполагаются такие же отношения, как если бы существовали договорные, назвав квазидоговором реституционные отношения.

Изначально английские учёные приводили простую формулу для объяснения реституции – если А по ошибке дал 10 £ Б (при явно отсутствующем желании подарить 10 £), то в ущерб принципу стабильности

---

³⁶ Lord Wright, *The Study of Law* // 54 L. Q. Rev. 185 at 195 (1938); reprinted in WRIGHT, *LEGAL ESSAYS AND ADDRESSES* 387 (1939). Цит. по: Thurston E.S. *Recent Developments in Restitution: 1940-1947* // Mich. L. Rev. – 1947. – Vol. 45. – No.8. – P. 935-936.

³⁷ Wigmore J.H. *A Summary of Quasi-Contracts* // Am. L. Rev. – 1981. – Vol. 25. – P. 695.

³⁸ (1890) L.R. 44 Ch. D. 94

правовых отношений Б обязано вернуть 10 £ А, поскольку между сторонами возникает «как бы договор», и у Б возникает обязательство вернуть А денежные средства. Такая ситуация может возникнуть если договора между сторонами нет: к примеру, телеграммой А отправило Б предложение заключить договор на определённую сумму, но телеграммой была искажена стоимость, и Б приняло предложение с неправильной ценой, и, уплатив, создало неосновательное обогащение на стороне А, или, к примеру, когда А и Б, заключая договор, имеют в виду различное имущество, либо иные важные обстоятельства, что означает отсутствие между сторонами согласия по всем существенным условиям договора.

В таком понимании теория нашла отражение в позиции, занятой Лордом Мэнсфилдом (Lord Mansfield) в известном деле *Moses v Macferlan*³⁹, о котором спустя 250 лет судья Гуммоу (Justice W.M.C. Gummow) писал, что оно имеет продолжающееся действие, и во многом определило развитие института неосновательного обогащения⁴⁰, Моусес индоссировал 4 долговых обязательства, каждое стоимостью 30 долларов, с целью возврата денежных средств Макферлана от Чепмана Якоба (Chapman Jacob). Макферлан при этом заверил Моусес, что в связи с таким индоссаментом не должно быть никаких проблем, поскольку он не подписывал соглашений, из которых следовала бы обязанность Моусес производить по обязательствам (векселям) выплаты. Впоследствии, однако, потребовал оплаты по обязательствам. Факт неосновательного обогащения был признан судом.

Судьёй Мэнсфилдом в деле был сделан важный вывод о том, что если ответчик связан обязательством выплатить деньги, вытекающим из естественного права (естественной справедливости), право предполагает существование долга, и применяет иск, основанный на праве справедливости

---

³⁹ (1760) 2 Burrow 1005. 97 E.R. 676.

⁴⁰ Gummow W.M.C., *Moses v Macferlan 250 Years On* //AUSTL. L.J. 756. – 2010. Vol. 84.

так, как если бы между сторонами имелся договор, который бы предусматривал такую обязанность ответчика в деле.

Квасидоговором была названа реституционная обязанность сторон в деле *Schillinger v United States*⁴¹. В данном деле правительство США заключило контракт на укладку асфальта с участником торгов, предложившим наименьшую цену, после предупреждения о том, что низкая стоимость услуг отчасти обусловлена тем, что данный участник не оплачивает стоимость патента, который оформлен на Schillinger, касающийся процедуры укладки асфальта. Schillinger заявил иск против США, требуя возмещения неосновательного обогащения (сбережение денежных средств произошло за счёт невнесения платежей за использование запатентованных способов). При этом истцом было обосновано, что в США можно предъявлять иск из договора, либо письменного, либо подразумеваемого (*implied* – по мнению ряда учёных то же, что и квазидоговор⁴²). Суд, однако, пришёл к выводу, что неосновательного обогащения нет, а имеется деликт, и в иске отказал.

В деле *Constanzo Coal Mining Company v Weirton Steel Company*⁴³ истец взыскивал разницу между оплаченной ответчику ценой по договору и минимальными ценами, установленными нормативными актами, положения договора при этом применены быть не могли, поэтому суд сделал вывод, что обязанность вернуть деньги вытекает из подразумеваемого договора.

Ключевым делом, в котором проводится идея подразумеваемого договора, является *Fibrosa Spolka Akcyjna v Fairbairn Lawson Combe Barbour Ltd*⁴⁴. Истец по делу, польская компания, заключила договор на продажу технического оборудования на сумму 4 800 £ с английской компанией. Во

---

⁴¹ 155 U.S. 163 (1894).

⁴² Данная точка зрения часто признаётся неправильной.

⁴³ (C.C.A. 4th, 1945) 150 F. (2d) 929, cert. den. 326 U.S. 765, 66 S. Ct. 147 (1945).

⁴⁴ [1943] AC 32, House of Lords.

исполнение договора, который содержал условие про предварительную оплату, польская компания-истец оплатила 1 000 £. Через пару месяцев, ещё до того, как было направлено оборудование, началась война между Великобританией и Германией. Согласно доктрине тщетности договора, в силу резкого и неожиданного изменения обстоятельств, при которых был заключен договор (*frustration of contract*), договор был отменен. Вместе с тем, Палатой лордов было вынесено решение в пользу истца о необходимости произвести реституцию. Судья Висконт (*Viscount Simon LC*) отметил, что обязанность вернуть аванс, оплаченный в рамках договора, при неисполнении его, из договора напрямую не вытекает, и закон предоставляет средство защиты квазидоговорного характера – вернуть денежные средства, поскольку в сложившихся обстоятельствах ответчик больше не имеет на них права. Судья Райт (*Lord Wright*) отметил, что любая цивилизованная система права должна предоставлять меры защиты на случай неосновательного обогащения, никто не должен без согласия другого безосновательно получать и сохранять деньги, поэтому и право Англии знает не только договоры и деликты, но также существует и самостоятельная категория – квазидоговор или реституция. В деле *Kelly v Solary*⁴⁵ суд признал, что денежные средства, уплаченные страховой компанией, в связи с ошибочным пониманием фактических обстоятельств, должны быть ей возвращены. Так же и в деле, когда имелся договор, и произведённые по нему выплаты не были возмещены встречными действиями другой стороны договорных отношений, возникло реституционное правоотношение. При этом, разбирая упомянутое выше дело *Moses v Macferlan*, Райт подчеркнул, что Лорд Мэнсфилд не писал о том, что право предполагает наличие обещания. Право предполагает наличие долга, или обязательства. Как такового договора нет, есть лишь обязательство, которое имеет такой же эффект, который имеет договор.

---

⁴⁵ [1841] 9 M & W 54.

Вместе с тем, назвать реституцию квазидоговором – почти ничего не сказать. Природа квазидоговора до конца не изучена. Римское право, например, традиционно относило к квазидоговорам неосновательное обогащение и *negotiorum gestio* – ведение чужих дел без поручения. Таким образом, было понятно, что квазидоговор – понятие более широкое, чем неосновательное обогащение.

В англо-американской же правовой системе не сложилось однозначного понимания соотношения реституции и квазидоговора.

Часть учёных исходит из того, что квазидоговор – один из подвидов реституции. В ходе издания *Restatement of Restitution and Unjust Enrichment* в 1933 году Американский институт права (*American Law Institute*) пришёл к выводу, что квазидоговор и доверительная собственность (траст) в силу закона или судебного решения (неопровержимая доверительная собственность) (*constructive trust*) должны быть полностью охвачены разделом реституция и неосновательное обогащение⁴⁶.

Роберт Гофф (*Robert Goff*) и Гарет Джонс (*Gareth Jones*) писали, что право реституции включает в себя все требования, которые носят как квазидоговорный, так и иной характер, если такие требования основаны на неосновательном обогащении⁴⁷.

Так, во «Введении в право реституции» (*An introduction to the law of restitution*) Питер Бёркс (*Peter Birks*) писал, что измерить количественно границу между квазидоговором и реституцией невозможно, но будет создано правильное мнение о предмете разговора, если сказать, что две трети права реституции являются причиной квазидоговора, реституция поглотила квазидоговор, заменила его собою, и дополнила⁴⁸.

---

⁴⁶ Kull A. *Restitution and Reform* // S. III. U.L.J. – 2007. – Vol.32. – P. 89.

⁴⁷ Goff R. & Jones G *Law of Restitution*, i-xxix, 1-540 (1966). Цит. по Wade J. W. *The Literature of the Law of Restitution* // *Hastings L.J.* – 1967. – Vol. 19. – P. 1095.

⁴⁸ Birks P. *An introduction to the law of restitution*. – Oxford: Clarendon Press, 2003. P. 29.

Ряд же учёных, наоборот, полагает, что квазидоговор – понятие более широкое, чем реституция. К примеру, нельзя утверждать, что обязанность платить долг по судебному решению или уплачивать налоги, которые относят к квазидоговору, могут быть названы реституционными. В работе 1893 года Вильям Кинер писал, что к разновидности квазидоговора следует относить и ряд обязательств, возникающих из обязанностей по закону.

В деле *Planche v Colburn*⁴⁹ истец взял на себя обязанность по подготовке работы «Бронетанковая техника Древности» в серии ответчика «Иллюстрированная Библиотека для юношества» за £ 100 за книгу. Вместе с тем, к моменту, когда была написана лишь часть работы, ответчик прекратил выпуск серии «Иллюстрированная Библиотека для юношества» и отказался оплачивать результат работы истцу. Суд пришёл к выводу, что обязанность уплатить £ 50 основана на квазидоговоре. Такой результат не может быть (разве что очень искусственно) назван применением неосновательного обогащения, а квазидоговорная ответственность была применена. Вместе с тем, сейчас данное дело было бы разрешено иначе: истец мог бы обратиться в суд, требуя возмещения убытков, связанных с нарушением договора, в 1831 году же предполагалось, что поскольку договор ещё не исполнен со стороны истца (работа полностью не написана), не может быть нарушения со стороны ответчика, а, следовательно, и убытков быть не может⁵⁰. Вместе с тем, дело показывает, что между квазидоговором и реституцией исторически были отличия, которые отмечали судебные инстанции.

Не понятно, какова природа реституции, если признавать её квазидоговором. Известный правовед, анализировавший проблему квазидоговора Вильям Кинер (*William A. Keener*), например, в статье, посвящённой природе и границам квазидоговора, писал, что согласно наиболее распространённому на момент написания статьи взгляду, все

---

⁴⁹ 131 Eng. Rep. 305 (C.P. 1831).

⁵⁰ Kull A. Restitution as a remedy for breach of contract // *S. Cal. L. Rev.* 1993-1994. P. 1465

договоры делятся на три категории: договоры, скреплённые печатью (contracts under seal), договоры, облечённые в публичный акт (contracts of record) и простые договоры, которые формально не были зафиксированы, и именно к последнему виду договоров относят квазидоговор⁵¹. Сам же он с такой постановкой вопроса был принципиально не согласен, и полагал, что ошибка кроется в ложном ассоциировании квазидоговора (quasi-contract) с подразумеваемым договором (implied contract). В отличие от подразумеваемого договора, который, как полагал учёный, следует относить к договорам, квазидоговор таковым не является. Типичный пример, пишет Кинер, – отношения между сторонами, возникающие в результате ошибочной уплаты денег одним лицом другому. Право в интересах нравственности налагает обязанность вернуть денежные средства на лицо, получившее ошибочный платёж, но сама природа такой операции свидетельствует о том, договора не было, ввиду того, что неотъемлемого признака любого договора – соглашения – не было. Сама приставка «квази», по мнению Кинера, уже показатель того, что речь идёт о различных правовых явлениях, которые лишь схожи между собой, принадлежат к одному виду явлений⁵². Вулворд (Woolward) разводил данные понятия и писал, что квазидоговор отличается от договора, в первую очередь, тем, что договорное обязательство сторона берёт на себя осознанно, совершая волевое действие, направленное на принятие на себя обязанности, квазидоговор же может, наоборот, возникать в ситуации, когда лицо прямо заявляет об отказе исполнять те или иные обязательные действия, никто, в частности, не должен обещать произвести реституцию, чтобы она состоялась⁵³.

---

⁵¹ Keener W. A. Quasi-Contract, Its Nature and Scope. Harvard Law Review. – 1893, Vol. 7. – No. 2. P. 57.

⁵² Keener W. A. Quasi-Contract, Its Nature and Scope. Harvard Law Review. – 1893, Vol. 7. – No.2. P. 59-60.

⁵³ Woodward F. The Law of Quasi Contracts, 1913.

В деле *Dusenbury v Speir*⁵⁴ спор возник по поводу взыскания денежных средств, которые были получены мошенническим способом. Разбирая вопрос о том, имел ли место договор, суд пришёл к выводу, что в чистом виде договора не было, и речь может идти только о квазидоговоре, поэтому арест был признан незаконным. Вывод о том, что нельзя называть квазидоговор разновидностью договора был сделан в делах *O'Brien v Young*⁵⁵, *Louisiana v New Orleans*⁵⁶.

В инструкции присяжным заседателям Верховный суд штата Оклахома процитировал дело *Berry v Barbour*⁵⁷ и пояснил, что квазидоговор - это умозаключение, сделанное правом. При подразумеваемом договоре между сторонами не было согласия на его условия, в договоре же согласие сторон может быть доказано имеющим силу. В квазидоговоре обязанность устанавливает и определяет существование договора, в договорных отношениях договор устанавливает и определяет обязанность⁵⁸.

Но и сейчас есть сторонники того взгляда, что квазидоговор представляет собой разновидность договора (в частности, это правовед Доусон).

Такую же позицию можно встретить и в судебных решениях. В деле *Meem Haskins Coal Corporation v Pratt*⁵⁹ стороны договорились осуществить некоторые строительные работы, однако подрядчик полагал, что работа стоит \$ 1.50 за кубический фут, а заказчик - что 13.50 \$ за кубический ярд, из-за чего при оплате между сторонами возникли разногласия. Истец

---

⁵⁴ 77 N.Y. 144 (1879).

⁵⁵ 95 N.Y. 428.

⁵⁶ 109 U.S. 285.

⁵⁷ 279 P.2d 335, 338 (Okla. 1954).

⁵⁸ Oklahoma Uniform Jury Instructions, Civil, Chapter 23, Article PART ONE, Section Instruction 23.10 - QUASI-CONTRACT (QUANTUM MERUIT OR QUANTUM VALEBANT), found at [Oklahoma Uniform Jury Instructions Website](#). Accessed June 30, 2008.

⁵⁹ 187 SW 2d 435 (1945).

обратился в суд с иском о неосновательном обогащении. Суд отметил, что право предполагает, что ответчик согласился оплатить разумную сумму в рамках исполнения договора, в рамках подразумеваемого договора. Такой предполагаемый в силу фактов договор отличается от положительно выраженного (в устной или письменной форме) договора только характером доказательств, которые требуются для того, чтобы установить договорные отношения, т.к. такое обязательство, предполагаемое в качестве условия положительно выраженного договора, становится его частью и отличается от предполагаемых в силу закона обязанностей, которые налагаются на сторону, независимо от её согласия.

Теория подразумеваемого контракта, исходящая из того, что лицо обязано уплатить сумму неосновательно сбережённого имущества (в частности, переданных по ошибке денег) в силу того, что приняло на себя обязательство уплатить эти деньги обратно лицу, от которого без надлежащего правового основания их получило – одна из первых теорий, объясняющих природу реституции. Она нашла своё отражение в работах Кинера (Keener), Вулворда (Woodward), Винфилда (Sir Percy H. Winfield), Керсли (Robert H. Kersley), Джэксон (R.M. Jackson), Иббетсон (D. Ibbetson), в первом издании «the Restatement» первая глава называлась Реституция (Квасидоговорные и аналогичные средства защиты, основанные на праве справедливости).

Вместе с тем, несмотря на мнение ряда учёных, что к концу XIX века теория начала умирать, нельзя говорить, что данная теория себя изжила в настоящее время.

В 1950 году на свет вышла книга Манкмана (H. Munkman), а в 1952 году Винфилда (Sir Percy H. Winfield), обе посвящённые проблематике квазидоговора в свете реституционных правоотношений.

Большое значение придаёт квазидоговору Столджер (Stoljar). Право квазидоговора он делит на две части: на реституцию вещей (в частности,

денег) и реституцию предоставленных услуг⁶⁰. Термином «квазидоговор» ученый заменяет понятие «реституция». В статье 1987 года Столджер пишет, что реституция настолько же договорное, насколько квазидоговорное средство защиты, причём это единственное квазидоговорное средство защиты, а договорное право знает ряд и иных средств защиты нарушенного права. Правда, затем поясняет, что реституция применяется в договорных отношениях лишь тогда, когда, по сути, речь уже идёт о квазидоговоре, поскольку договор прекращает действие⁶¹.

Джексон расценивает понятия реституция и квазидоговор как равнозначные, называя право реституции квазидоговором⁶².

Ещё в 1947 году во введении к статье Последние изменения в праве реституции 1940-1947 годов Эдворд Турстон (Edward Thurston) писал, что, возможно, для некоторых юристов сам термин реституция стал известен в 1937 году, в связи с изданием новых публикаций по тематике, вместе с тем, ничего нового с его появлением, на взгляд учёного, не появилось, всё, что было сделано – это объединены институты ранее известного общему праву квазидоговора (или подразумеваемого договора) и корреспондирующего ему права на вытекающее из права справедливости средства судебной защиты для недопущения неосновательного обогащения⁶³.

В деле *Craven-Ellis v Canons Limited*⁶⁴ был сделан вывод, что в тех случаях, когда работы были выполнены до заключения договора, сторона

---

⁶⁰ Law of Quasi Contract. 2nd ed. 1989. 1989 S.J. Stoljar. Reviewed by J. Beatson. I.C.L.Q. 1990, 39(3), 730-732 [International & Comparative Law Quarterly].

⁶¹ Stoljar S. Unjust Enrichment and Unjust Sacrifice // Mod. L. Rev. – 1987. – Vol. 50. – No. 5. – P. 604.

⁶² Jackson R.M The Restatement of Restitution // Miss. L.J. – 1937. – Vol. 10. – P. 95.

⁶³ Thurston E. S. Recent Developments in Restitution: 1940-1947 // Mich. L. Rev. – 1947. – Vol. 45, No.8. – P. 935.

⁶⁴ [1936] 2 KB 403 at 412.

обязана оплатить результат работ, при этом судья Грир (Greer LJ) дал описание данной обязанности как квазидоговорной (*quasi ex contractu*).

В 1981 году отделением королевской скамьи (Высокого суда правосудия) было рассмотрено дело *British Steel Corp v Cleveland Bridge & Engineering Co Ltd*⁶⁵. Выводы были резюмированы судьёй Робертом Гоффом (Robert Goff), который отметил, что поскольку, несмотря на ожидания сторон, договор так и не был заключен, выполнение работ по исполнению договора не может быть признано в таковом качестве, и право просто налагает обязательство на сторону оплатить проделанную работу, являющееся квазидоговорным, или как говорят сейчас, реституцией. Выводы данного решения отражены и в деле 2008 года *Haden Young Ltd v Laing O'Rourke Midlands Ltd*⁶⁶. В деле 1998 года *Portman Building Society v Hamlyn Taylor Neck (A Firm)*⁶⁷ был поставлен знак равенства в понятиях реституция и квазидоговор.

Вместе с тем, нельзя не отметить явные недостатки данной теории.

Прежде всего, независимо от того, признается квазидоговор разновидностью договора или самостоятельной категорией, речь идёт об обязательственных отношениях, квазидоговор традиционно признаётся обязательством. Тем не менее, значительное количество учёных признают реституционный иск не только как *action in personam* (то есть личным иском, к каковым следует относить все обязательственные иски), но также и включающим в себя в ряде случаев вещные способы защиты права – являющегося иногда *action in rem*⁶⁸. Известное дело *Lipkin v Gorman*, будучи прецедентным, позволяет использовать реституционное требование против неопределённого круга лиц, что для обязательственных отношений не

---

⁶⁵ [1984] 1 All E.R. 504; [1982] Com. L.R. 54; 24 B.L.R. 94.

⁶⁶ [2008] EWHC 1016 (TCC).

⁶⁷ [1998] P.N.L.R. 664.

⁶⁸ См., в частности, Glover J. *Equity, Restitution and the Proprietary Recovery of Value* // U.N.S.W.L.J. – Vol. 14. – P. 247.

характерно. Хотя для некоторых учёных данный тезис вовсе не проблема: например, Борроуз прямо называет реституцию важнейшим элементом обязательственного права.

Если не признавать квазидоговор разновидностью договора (таких учёных большинство), возникают ещё большие проблемы – к примеру, реституционное обязательство возникает не только в ситуациях, когда договора нет, но и когда договор есть, но он неисполним в соответствии с Актом о мошенничестве, наступила тщетность договора, либо его неисполнимость, договор был аннулирован в связи с ошибкой. Налицо явное игнорирование правовых реалий.

Бёркс указывает и на то, что право всегда ищет причины правовых явлений, использование же конструкции квазидоговора означает отказ от поиска причин, использование фикций. К тому же, как верно отмечают Гофф и Джонс, сложно говорить о предполагаемом договоре, например, при краже имущества.

Некоторые учёные писали о том, что реституция – это не квазидоговор, как равнозначное понятие, а содержание квазидоговора. Так, в статье «Право квазидоговора» Вулворд определял квазидоговор как правовое обязательство, возникающее в связи с получением выгоды, удержание которой у обогатившегося лица несправедливо и требующее произвести реституцию⁶⁹. При таком понимании квазидоговор выступает в качестве правовой формы реституционного обязательства.

На смену теории квазидоговора пришли другие теории. В настоящий момент остались следующие наиболее распространённые подходы к пониманию реституции⁷⁰ (которые зачастую складывались сначала на

---

⁶⁹ Woodward F. The law of quasi contracts. – 1913.

⁷⁰ Взята систематизация, приводимая Эндрю Борроуз (Andrew Burrows), отражённая во многих его работах, а частности, в книге The Law of restitution (2-nd edition, 2002).

практике и находили отражение в судебных делах, а затем были восприняты и теорией):

- 1) Теория Столджера (Stoljar's proprietary theory);
- 2) Теория несправедливого убытка (unjust sacrifice);
- 3) Взгляд Дитриха, Джекмана и Джеффри (the view of Dietrich, Jackman and Jeffrey);
- 4) Взгляд Хедли (Hedley's critique).

Подробнее данные теории будут рассмотрены во второй и третьей главах настоящей диссертации.

Важно отметить общую тенденцию англо-американского права по расширению понятия реституции (неосновательного обогащения).

Так, изначально существовал «иск о долге» (action of debt), применяемый в XIV-XV веках для взыскания денежных сумм по различным основаниям, в числе которых и «иск об отчётности» (action of account) «для истребования, исполненного по ошибке или на основании договора, недействительного по причине отсутствия встречного удовлетворения»⁷¹. В XVI-XVII веках была разработана конструкция иска о принятии на себя (assumpsit), после дела Слейд (Slade's case) иск начал применяться для истребования любого долга, не только прямо выраженного в договоре, но и вытекающего из предполагаемого договора. Позднее появилось понятие квазидоговора, которое объединило ряд требований, тем не менее, в деле *Sinclair v Brougham* было напрямую отмечено отсутствие самостоятельной категории реституции. Затем признали как существующее отдельное самостоятельный правовой институт реституцию. В 1948 году в деле *Nelson v. Larholt*⁷² было признано существование единого принципа реституции, развитого одновременно судами общего права и права справедливости. В 1991 году понятие реституции было официально закреплено (*Lipkin Gorman*

---

⁷¹ Новак Д.В. Перевод термина также приведен в соответствии с диссертацией Новака Д.В.

⁷² [1948] 1 К В. 339.

v Karpnale Ltd). Количество оснований для применения реституции после этого стало расти, и реституцию начали применять в наследственном, семейном, отчасти вещном праве, а затем и в носящих исключительно публичный характер отношениях, для реституции в публичных отношениях было создано специальное основание. После некоторых дел (т.н. swap cases) право стало постепенно отходить от принципа, согласно которому реституция имеет место только в случаях, когда есть несправедливые факторы, который был всегда характерен для англо-американского права. В определённом смысле это также расширяет сферу применения реституции.

Таким образом, в англо-американской правовой семье представления о реституции сформировались не одновременно, долгое время правовую природу реституцию определить ученым не удавалось. Реституция зародилась оттого что формальное право не имело надлежащих средств защиты для ситуаций, которые по праву справедливости признавались требующими правовой защиты. Таким образом, реституция охватывала мало связанные между собой ситуации, предоставляя заявителю ряд процессуальных преимуществ, в частности, связанных со сроком давности. Впоследствии данные преимущества либо вовсе исчезли, либо перестали играть основополагающую роль. Суды стали видеть разницу между деликтом и иными институтами, и реституцией и разрабатывать концепцию самостоятельного института реституции.

§ 1.3. Развитие представлений о реституции в России

Специальных последствий неосновательного предоставления на случай недействительности сделки дореволюционное российское законодательство не предусматривало.

Д.Д. Гримм писал, что поступление вещи в незаконное владение ответчика вследствие исполнения недействительной сделки рассматривается

как одно из трех главнейших оснований виндикации в римском праве⁷³, и находил такое правило справедливым. Один из главных исследователей проблематики недействительных сделок в дореволюционном законодательстве, Н. Растеряев, в догматическом труде о последствиях признания сделок недействительными, писал лишь о том, как такие последствия затрагивают интересы третьих лиц, о возможности исцеления сделки, не рассматривал природу явления, ограничился замечанием, что «только права заинтересованных лиц страдают от пороков юридических действий»⁷⁴, последствия оспоримых сделок определяет суд, а «в случаях, если сделка сама по себе ничтожна, то совершившиеся уже, особенно имущественные последствия, требуют своего восстановления, иначе придется признать переход ценностей от одного лица другому происшедшим помимо сделки»⁷⁵.

Дореволюционные учёные не использовали термин «реституция». Несмотря на универсальную ссылку на то, что Г.Ф. Шершеневич писал о реституции и понимал под ней то, что «на основании сделки было передано одним лицом другому, должно быть возвращено по принадлежности», сам ученый о реституции не писал, термин не использовал, а также нигде не писал об особом характере правоотношений, возникающих в связи с тем, что сделка признана недействительной. Он отмечал лишь, что поскольку сделка недействительна, «все должно быть восстановлено в то положение, в каком находилось до совершения сделки», и всё должно быть возвращено, в рамках ли реституции или виндикации, автор не уточнял⁷⁶. К.Н. Анненков писал, что в законе, действовавшем в тот период, были «только частные указания на

---

⁷³ Гримм Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Выпуск первый. Дерпт, 1891. С. 56.

⁷⁴ <http://www.knigafund.ru/books/77948/read#page40>.

⁷⁵ <http://www.knigafund.ru/books/77948/read#page37>.

⁷⁶ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911.

последствия недействительности сделок и, притом, указания по содержанию их» были «далеко не одинаковы»⁷⁷. Вместе с тем, он отмечал, что все учёные, изучающие последствия недействительности сделок, «высказываются по этому поводу в том смысле, что и у нас последствием недействительности сделок должно быть восстановление прежнего состояния, существовавшего до их совершения»⁷⁸.

Другие учёные также не выделяли отдельно как средство защиты *sui generis* реституцию.

В советском праве реституция уже появилась. Сначала была закреплена в ГК РСФСР 1922 г. в форме обязанности вернуть всё полученное по сделке применительно к отдельным видам недействительных сделок. В случае недействительности договора стороны, либо одна сторона обязывалась вернуть другой всё исполненное. Была предусмотрена специальная норма для сделок, совершенных с целью, противной закону или в обход закона, либо направленных к явному ущербу для государства – в случае недействительности договора как противозаконного или направленного к явному ущербу для государства ни одна сторона не вправе была требовать от другой возврата, исполненного по договору. Неосновательное обогащение взыскивалось в доход государства (ст. 402 ГК РСФСР).

Следует согласиться с учёными, анализировавшими нормы ГК 1922 г., в том, что в этом правовом акте был сделан первый шаг к выделению в качестве самостоятельного правового явления требований о возврате исполненного по недействительной сделке (реституции)⁷⁹. Однако

---

⁷⁷ Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. I. Введение и общая часть – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/73/553.html>.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010.

реституция ещё не была выделена в качестве самостоятельного института, способы возврата имущества оставались прежними⁸⁰.

Д.О. Тузов полагает, что впервые понятие «реституция» в России было введено в научный оборот Д.М. Генкиным в учебнике гражданского права 1944 г. Там же содержалось деление последствий недействительности сделки на одностороннюю реституцию, двустороннюю реституцию и конфискацию⁸¹.

Вместе с тем, важно отметить, что сам Д.М. Генкин не мыслил реституцию как институт аналогичный предусмотренному ГК РФ. В статье «Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону» он пишет: «Изъятие в доход государства определяется не правилами о реституции (виндикации), вытекающими из неосновательного обогащения, а положениями, вытекающими из правовой сущности конфискации»⁸². Т.е. советский ученый полагал, что реституция вытекает из неосновательного обогащения. Он прямо пишет: «Естественным правовым последствием перехода имущественной ценности без достаточного правового основания («несновательное обогащение») по ст. 399 ГК РСФСР является возврат полученного (реституция)»⁸³.

Как отмечают, некоторые современные авторы, даже конфискация иногда рассматривалась с позиции неосновательного обогащения: «в период

---

⁸⁰ Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007.

⁸¹ Речь идёт о книге: Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. Т. I. М. Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – С. 102.

Цит. по Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007.

⁸² Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки. Выпуск 5. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. 1947. С. 55.

⁸³ Генкин Д.М. Указ. Соч. С.51.

действия ГК РСФСР 1922 г. взыскание предоставленного по недействительной сделке в доход государства иногда рассматривалось в качестве реализации обязательства из неосновательного обогащения, с той лишь разницей, что кредитором в этом обязательстве выступает не другая сторона сделки, а государство»⁸⁴.

ГК РСФСР 1964 г., всё ещё не употребляя термина, установил для недействительных сделок в качестве общего правила единое последствие в виде реституции, и уже в отличие от ГК 1922 г. в нем не содержалась ссылка к неосновательному обогащению.

С ГК РСФСР 1964 года и начинается развитие мнение о том, что реституция является самостоятельным средством защиты права.

В советский период (период, когда приоритет отдавался публичному регулированию) реституция носила публично-правовые черты. Как отмечала ученая того времени Т.И. Илларионова, реституция выступала мерой, охраняющей порядок, направленной на восстановление имущественного положения «субъекта (субъектов), существовавшее до совершения сделки, даже если это и не отвечает его настоящим интересам»⁸⁵.

Таким образом, впервые упоминание о реституции встречается в советский период. Изначально ученые рассматривали реституцию как последствие неосновательного обогащения. ГК РСФСР 1964 г. содержал общее правило о едином последствии недействительных сделок в виде реституции. В теории гражданского права с этого времени реституция

---

⁸⁴ Малофеев А.А. Желонкин С.С. Юридическая характеристика конфискационной санкции за совершение сделок, предусмотренных ст. 169 и ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2010, № 4(48).

⁸⁵ Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. Свердловск, 1980.

начинает рассматриваться как самостоятельное явление, как мера, охраняющая порядок, направленное на приведение сторон недействительной сделки в состояние, предшествующее заключению сделки, независимо от действительной воли сторон.

§ 1.4. Реституция в российском праве в свете реформирования гражданского законодательства

В настоящее время гражданское законодательство реформируется. Данные реформы затрагивают, в т.ч. вопросы недействительности сделок. Законопроектом № 47538-6/4 «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» была предложено, в числе прочего, изменение подхода к недействительным сделкам и реституции.

Законопроектом ограничивается круг лиц, имеющих право предъявлять требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Логика законодателя такова: поскольку данное требование рассматривается как иск о присуждении, правом на его предъявление должно обладать только лицо, в пользу которого возможно такое присуждение, возможность предъявления таких требований иными лицами в качестве косвенных исков (т.е. о присуждении в пользу иного лица) должна быть специально предусмотрена законом. Это правило направлено на защиту добросовестной стороны по оспоримой сделке, если эта сторона положила на заверения контрагента и действовала с намерением исполнить данную сделку. Были ограничены многочисленные случаи безосновательного оспаривания сделок по формальным основаниям.

Так называемый «второй блок» поправок в ГК РФ был принят. Федеральный закон от 07.05.2013 (поправки вступили в силу 01.09.2013) внес изменения в регулирование недействительных сделок. Статья 166 ГК РФ

теперь позволяет заявлять требование о признании ничтожной сделки недействительной лицу, не являющемуся стороной сделки только если такое лицо докажет имеющийся у него законный интерес в том, чтобы сделка была признана судом недействительной. По общему правилу, только сторона сделки может оспаривать ее, либо лицо, прямо указанное в законе.

Было также существенно ограничено право судов по собственной инициативе применять последствия недействительности ничтожной сделки. Это возможно, когда такое право предусмотрено законом, либо когда применение последствий недействительности сделки необходимо для защиты публичных интересов. В Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» уточнялось, что в иных случаях будут нарушаться принцип состязательности гражданского (арбитражного) процесса и принцип автономии воли сторон сделки.

Было ограничено право недобросовестной стороны оспаривать сделку.

В целом, все изменения, которые в настоящий момент принимаются и рассматриваются (в частности, к таковым может быть отнесен законопроект, реформирующий деятельность нотариата (предусматривающий повышенную доказательственную силу нотариального акта и устанавливающий невозможность оспаривания в судебном порядке нотариально удостоверенных сделок, по основаниям иным нежели грубое нарушение процедуры нотариального удостоверения) который, однако, не получил пока поддержки), или были приняты должны воплотить принцип «стабильности гражданского оборота».

Вместе с тем, договорная дисциплина зависит не только от возможности оспорить сделку. Кроме того, фактически закрепляется возможность по соглашению сторон заключать недействительные сделки, и императивные положения о договорах во многом теряют смысл.

Реформирование производится во исполнение Указа Президента от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», которым была поставлена задача внести изменения в ГК РФ в целях развития основных принципов гражданского законодательства, соответствующих новому уровню развития рыночных отношений, обеспечения стабильности гражданского законодательства. Указ предусматривал принятие концепции. Такая концепция была принята и действует до сих пор. Принимаемое законодательство опирается на нее.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009) предусматривает некоторые положения, касающиеся непосредственно реституции, которые не нашли отражения в поправках к положениям ГК РФ: о необходимости расширить круг возможных последствий несоответствия договора (сделки) требованиям закона (стороны вправе заключить соглашение о возвращении полученного по ничтожной сделке, реституция возможна только в неисполненной части, возможны соглашения о последствиях недействительности договора) при условии, что применение этих последствий не нарушает общественные интересы и права третьих лиц (п. 7.1 раздела 5). Кроме того, конфискацию предлагается ограничить ситуациями, когда то или иное общественно неприемлемое общественное деяние не получает адекватной санкции в уголовном или административном праве (п. 5.2.2 раздела 1 Общие положения Гражданского кодекса).

Традиционно институт реституции в России носит публичный характер. К.И. Скловский неоднократно подчёркивал, что «механизм реституции, как он сложился в нашем ГК РФ, – это не столько средство защиты частного субъективного права, сколько средство защиты оборота, что не одно и то же.

Защита оборота – это общий, публичный, а не частный интерес»⁸⁶. А предлагаемые поправки позволяют от этого частично уйти, делают реституцию в большей степени соответствующей характеру гражданских правоотношений.

На это же направленно уже принятое на законодательном уровне ограничение возможности судов применять последствия недействительности сделок по собственному желанию. С такой тенденцией следует согласиться как с имеющей положительный эффект. Вызывает недоумение, почему меры ответственности подлежат в российском гражданском законодательстве применению по заявлению заинтересованной стороны, хотя налицо правонарушение, а последствия недействительности сделки долгое время применялись и в ситуации, когда стороны сделки о применении таких последствий не заявляли.

Таким образом, не были приняты, но потенциально заложены в концепции развития законодательства и, полагаем, могут расцениваться как положительные, изменения, направленные на устранение публичного характера реституции.

Таким образом, изменения современного гражданского законодательства в части недействительности сделок направлены на установление стабильности имущественного оборота. Предлагаемые Концепцией развития гражданского законодательства шире и направлены на устранение публичного характера реституции, что, отражено, в частности, в ограничении возможности суда по собственной инициативе применять последствия недействительности сделок. Такой подход может быть оценен положительно.

ВЫВОД:

---

⁸⁶ Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 8.

Предпринятый анализ показал сложность и многоэтапность формирования теоретической модели и практической конструкции реституции и позволяет сделать диссертанту следующие выводы:

- 1. Окончательно процесс формирования представлений о реституции не завершён ни в российской правовой системе, ни в праве стран англо-американской правовой семьи.**
- 2. Реституция изначально сформировалась как средство защиты в ситуации, когда иные средства были бессильны, то есть изначально имела восполняющий пробелы характер.**
- 3. В основе возникновения идеи реституции лежали представления о справедливости.**
- 4. В настоящее время, несмотря на отсутствие законодательно закреплённого понятия реституции, данный институт признаётся как самостоятельный.**
- 5. Присущий реституции, начиная с советского времени, признак публичности и карательности, утрачивает своё значение, как в свете изменившихся общественных отношений, так и в связи с проводимой реформой гражданского законодательства.**

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ РЕСТИТУЦИИ

§ 2.1. Понятие реституции в России

Понятие «реституция» используется довольно широко. Реституция – это и разновидность отношений, возникающих между государствами в связи с перемещением культурных ценностей во время военных действий, вид материальной международно-правовой ответственности государства, совершившего акт агрессии или иное международно-противоправное деяние, заключающийся в обязанности данного государства устранить или уменьшить причиненный другому государству материальный ущерб путем восстановления прежнего состояния, в частности путем возврата имущества, разграбленного и незаконно вывезенного им с оккупированной его войсками территории другого государства (регламентируется, в частности, нормами Федерального закона от 15.04.1998 «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории РФ», международными актами), и «восстановление в уголовном деле материального статуса лица, пострадавшего от преступления, путём возврата ему (в порядке, указанном в законе) вещественных доказательств, а при необходимости – предметов того же рода или уплаты их стоимости, если это возможно без ущерба для производства по делу»⁸⁷ (уголовно-правовая реституция). В этой связи имеется и множество определений понятия «реституция». Так, В.И. Задорожный понимает под реституцией возврат виновной стороной всего полученного ею и возмещение понесенных расходов⁸⁸, В.В. Дубровин под реституцией понимает возмещение причинённого преступлением вреда при активном участии обвиняемого, общественности и государства,

---

⁸⁷ Понарин В.Я. Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. – 1988 г. – №1. – С. 41-46.

⁸⁸ Задорожный В.И. Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики. – Тамбов, 2005. – С. 118.

преимущественно за счёт средств обвиняемого: имущественного вреда, причиненного преступлением, путём возврата собственности или возмещения ущерба и расходов, в случае если возврат невозможен; морального вреда, эмоциональных страданий; а также восстановление ущемленных прав потерпевших от преступлений⁸⁹. В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью 1985 г. под реституцией понимается возврат собственности или выплата за причиненный вред или ущерб, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах (ст. 8).

В праве англо-американской семьи также множество пониманий термина «реституция».

Вместе с тем, в настоящей работе данные разновидности «реституции» не рассматриваются. Речь идёт только о двусторонней реституции, известной гражданскому праву России (и закреплённой в статье 167 ГК РФ) и гражданскому праву стран англо-американской правовой семьи. Рассматривается известный правовым порядкам практически всех стран мира институт возврата сторон в первоначальное положение – реституция.

Несмотря на привычность термина «реституция», ни в одном российском законодательном акте он не упоминается. Действовавшие в разное время Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, Гражданские кодексы РСФСР и РФ ни понятия реституция, ни определения понятия «недействительная сделка»⁹⁰ не содержали.

---

⁸⁹ Дубровин В.В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования): Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2010. – С. 13, 45.

⁹⁰ Нельзя согласиться с «легальным» определением недействительной сделки, которое предложила Шестакова Н.Д. – «недействительная сделка – это сделка, которая не влечёт юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с её

Действующий Гражданский кодекс разделил все недействительные сделки на оспоримые (недействительные в силу признания их таковыми судом) и ничтожные (недействительные независимо от такого признания), и указал, что недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с её недействительностью. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах – если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

На практике вопросы реституции встают очень часто, а разработанные правоприменительной практикой подходы к реституции шире её регулирования нормами гражданского законодательства.

Термин «реституция» используется в работах практически всех учёных, изучающих вопросы недействительности сделок и последствий недействительности сделок, им также свободно оперируют судьи в решениях (и в арбитражных судах⁹¹, и в судах общей юрисдикции⁹², а также Конституционный суд РФ⁹³).

недействительностью» (см. Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Русланова «Юридический центр Пресс», 2008. – С. 14.), поскольку определение не может быть дано через последствия правового явления, а лишь через его существенные признаки.

⁹¹ См. Постановление Президиума ВАС РФ от 25.09.2012 № 5944/12 по делу № А41-13664/07, Определение ВАС РФ от 17.09.2012 № ВАС-11838/12 по делу № А53-845/2011, Определение ВАС РФ от 23.12.2010 № ВАС-17377/10 по делу № А41-9557/10, Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения».

Можно говорить о:

- последствиях недействительности сделки;
- последствиях исполнения недействительной сделки;
- последствиях неисполнения недействительных сделок.

В действующем российском законодательстве реституция рассматривается как последствие исполнения недействительной сделки, а реституционные правоотношения по действующему российскому праву можно определить как вид гражданских правоотношений, возникающих между сторонами такой сделки при исполнении недействительной сделки.

Если сделка недействительна, но к её исполнению стороны ещё не приступили, в связи с признанием сделки недействительной (либо независимо от такого признания, если речь идёт о сделках ничтожных), необходимо предъявление иска о признании сделки недействительной и/или о лишении сделки юридической силы на будущее (либо сторона сделки не нуждается в защите, если это ничтожная сделка – за исключением, разве что ситуации, когда в результате заключения и невозможности исполнить ничтожную сделку у одной из сторон возникают убытки, но это ситуация не является распространённой). Признание оспоримой сделки недействительной прекращает существующее между сторонами обязательственное отношение, и этим исключается возможность возникновения в будущем реституционного обязательства. В этом случае последующее исполнение, как

---

⁹² См. Определение Верховного Суда РФ от 25.09.2012 № 4-КГ12-5, Определение Верховного Суда РФ от 10.05.2011 № 37-В11-1.

⁹³ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Складной, Р.М. Складной и В.М. Ширяева», Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 № 48-О «По жалобе гражданина Щепачева Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации».

справедливо отмечает О.В. Гутников, приводит к возникновению обязательства из неосновательного обогащения в «чистом» виде⁹⁴.

Если законодатель предусмотрел «иные последствия недействительности сделки», реституция не подлежит применению. Например, если сделка признана притворной (статья 170 ГК РФ), то к ней применяются правила той сделки, которую имели в виду стороны, заключая договор, если признание недействительным договора купли-продажи предприятия приведет к тому, что будут нарушены интересы кредиторов продавца и покупателя, других лиц, противоречат общественным интересам, последствия признания сделки в виде реституции не подлежат применению (статья 566 ГК РФ).

Спорным остаётся в литературе вопрос о том, относятся ли к охватываемым реституционными отношениями требования о возврате исполненного при расторжении договора (не в связи с признанием сделки недействительной, а в связи с расторжением по различным основаниям).

В работе К. Цвайгерта и Х. Кетца указывается, что по праву Германии основным элементом иска о возврате (реституции) недолжно исполненного (*Leistungskondiktion*) самим истцом всегда является исполнение (*Leistung*), то есть осознанная передача истцом ответчику имущественной выгоды, которая должна быть отменена по той простой причине, что лежащее в ее основе обязательственное отношение изначально было недействительным или отпало впоследствии⁹⁵. Из этого можно сделать вывод, что поскольку при расторжении договора основание обязательственных отношений

---

⁹⁴ Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. – М., Статут, 2008. – С. 215.

⁹⁵ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х т. Т. 2 / Пер. с нем. М.: Международные отношения. – 1998. – С. 292. Цитата приводится также: Сарбаш С. Возврат уплаченного как последствие неисполнения договорного обязательства // Хозяйство и право. – 2002. – № 6.

прекращается, в Германии допускается применение норм о реституции к случаям расторжения договора. В немецком праве возврат предоставленного по расторгнутой сделке осуществляется на основании специального реституционного требования, которое урегулировано отдельными нормами (статьей 346 ГГУ).

Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи 1980 г. (Венская конвенция) в качестве основного последствия расторжения договора предусматривает реституцию: стороне, исполнившей договор полностью или частично, предоставляется право требовать от другой стороны возврата всего предоставленного или уплаченного ей по расторгнутому договору, если обе стороны исполнили договор, они обе обязываются к взаимному одновременному возврату всего полученного по договору (пункт 2 статьи 81 Конвенции о договорах международной купли-продажи).

Согласно действующему российскому законодательству возврат предоставленного по действительному договору при его расторжении не приводит к возникновению реституционного правоотношения. Такой же позиции придерживаются некоторые ученые, например, М.А. Егорова. «Возврат исполненного при изменении и расторжении договора может быть осуществлен путём установления такого условия соглашением сторон о его расторжении или изменении (п. 1 ст. 450 ГК РФ) в случаях, предписываемых законом (например, п. 3 ст. 488 ГК РФ), путём предъявления требования в судебно-претензионном порядке при существенном нарушении договора одной из его сторон (п. 5 ст. 453 ГК РФ) и путем предъявления требования судебной защиты по признакам неосновательного обогащения (п. 3 ст. 1103 ГК РФ)»⁹⁶.

---

⁹⁶ Егорова М.А. Аннулирование договора в российском законодательстве // Журнал российского права. 2010, № 1.

Согласно пункту 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств», если иное не вытекает из соглашения сторон, расторжение договора влечет прекращение обязательств на будущее время и не лишает кредитора права требовать с должника образовавшиеся до момента расторжения договора суммы основного долга и имущественных санкций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением договора.

В Постановлении от 14.11.2008 по делу № А13-2463/2008 Четырнадцатый арбитражный апелляционный суд отметил: в настоящее время договор расторгнут и применять последствия недействительности сделки невозможно. Такая же позиция была выражена Департаментом налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ в Письме от 05.05.2009 № 03-05-05-03/06: исходя из обращения иск о расторжении договора купли-продажи квартиры имеет конечной целью не получение какого-либо имущества, а двустороннюю реституцию. Однако в соответствии с частью второй статьи 167 ГК РФ двусторонняя реституция является последствием недействительности сделки, когда каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, возместить его стоимость в деньгах – если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Несмотря на реституционный характер требования о возврате предоставленного по расторгнутому договору, последствием расторжения договора по действующему законодательству реституция не является.

Стороны, совершившие сделку, не управомочены на принятие решения о признании сделки недействительной. Как указано в одном из решений ФАС Поволжского округа, из положений статей 422 и 168 ГК РФ следует, что участники договора не вправе по собственной воле констатировать

недействительность договора, если такой договор не противоречит действующему на момент его заключения законодательству. В связи с этим суд пришёл к выводу, что соглашение сторон о расторжении договора, в котором стороны признали договор займа недействительным, должно расцениваться как действия сторон, направленные на расторжение основного договора⁹⁷. Поскольку сделка не является недействительной, реституция к отношениям сторон не могла быть применена.

Из общего правила о невозможности требовать возврата предоставленного по договору могут быть предусмотрены законом исключения. Такова была норма статьи 30 Закона РФ от 03.07.1991 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий», согласно которой в случае расторжения сделок приватизации вследствие невыполнения покупателем условий, на которых объект приватизации был приобретен по конкурсу, применялась двухсторонняя реституция.

В ныне действующем законодательстве также предусмотрены исключения. При расторжении договора купли-продажи недвижимости в случае, когда до произведенной оплаты покупателем к нему переходит право собственности, при нарушении сроков оплаты в силу пункта 3 статьи 488 ГК РФ продавец вправе предъявить требование о возврате недвижимого имущества. Покупатель в случае неисполнения продавцом обязанности передать товар имеет право требования отобрания индивидуально-определённой вещи (пункт 2 статьи 463 ГК РФ – при отказе продавца передать индивидуально-определенную вещь покупатель вправе предъявить продавцу требования, предусмотренные статьей 398 ГК РФ – в случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь в собственность, в хозяйственное ведение, в оперативное управление или в

---

⁹⁷ Постановление ФАС Поволжского округа от 03.11.2005 г. № А49-1097/2005-45/26. Пример взят из статьи: Егорова М.А. Аннулирование договора в российском законодательстве // Журнал российского права. - 2010. - № 1.

возмездное пользование кредитором последний вправе требовать отобрания этой вещи у должника и передачи её кредитору на предусмотренных обязательством условиях).

С.А. Соменков исходит из возможности применения реституции к ситуациям расторжения договора. Согласно пункту 4 статьи 453 ГК РФ стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента расторжения. Вместе с тем, данное правило установлено как диспозитивное. Стороны могут предусмотреть иное соглашением, кроме того, исключения из правила могут вытекать из закона. Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 451 ГК РФ при расторжении договора вследствие существенного изменения обстоятельств любая из сторон вправе потребовать от суда определить последствия расторжения договора. Суд при этом будет исходить из необходимости справедливого распределения между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением договора, что, по мнению автора, означает применение правил о реституции⁹⁸.

По мнению А.Г. Карапетова, теоретически можно выделять несколько вариантов правовой квалификации требований о возврате исполненного при расторжении договора:

- 1) неосновательное обогащение;
- 2) убытки;
- 3) присуждение к исполнению договорного обязательства в натуре;
- 4) виндикация;
- 5) особый реституционный способ защиты прав кредитора⁹⁹.

---

⁹⁸ Соменков С.А. Расторжение договора по гражданскому законодательству: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар. С. 113.

⁹⁹ Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007.

Как верно отмечает ученый, нельзя отнести к убыткам требование, поскольку убытки – мера гражданско-правовой ответственности, и в этой связи подразумевают возложение на нарушителя меры имущественной ответственности, а возврат полученного не нарушает эквивалентность отношений сторон. Для кредитора невыгодна конструкция убытков, размер которых необходимо доказывать.

Понуждение к исполнению договорного обязательства в натуре крайне затруднительно, поскольку договор уже расторгнут, «как правило, ни закон, ни стороны в договоре не прописывают процедуру трансформации изначального обязательства во вторичное обязательство по возврату полученного»¹⁰⁰.

О виндикации также неправомерно вести речь в случае расторжения договора, поскольку право собственности в соответствии со статьей 223 ГК РФ переходит в момент передачи вещи, расторжение договора, по общему правилу, не действует ретроспективно, поэтому сторона по сделке становится собственником переданного ей имущества, а не владеющий несобственником.

Возможность требовать возврата исполненного по договору в качестве неосновательного обогащения то признается (см., например, Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»), то отвергается судами. Ныне действующая редакция ГК РФ (пункт 4 статьи 453 ГК РФ) предусматривает, что в случае, когда до расторжения или изменения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного

---

¹⁰⁰ Там же.

обогащения (глава 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

В пункте 1 Информационного письма Президиума от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» Президиум ВАС РФ указал: положения пункта 4 статьи 453 ГК РФ и абзаца второго статьи 806 ГК РФ не исключают возможности истребовать в качестве неосновательного обогащения полученные до расторжения договора денежные средства, если встречное удовлетворение получившей их стороной не было предоставлено и обязанность его предоставить отпала.

А.Г. Карапетов отвергает кондикционную природу возврата предоставленного по договору и приходит к выводу о реституционной природе требования о возврате предоставленного при расторжении договора. Учёный же пишет о том, что реституция в качестве последствия расторжения договора известна праву большинства развитых стран: «во французской литературе прямо указывается, что расторжение по своим последствиям равнозначно недействительности и в качестве последствия и недействительности, и расторжения указывается реституция»¹⁰¹. Такой же позиции придерживаются и иные ученые (С.В. Сарбаш¹⁰², Д.В. Добрачев¹⁰³, О.В. Савенкова¹⁰⁴).

Законом возврат предоставленного по действительному договору при его расторжении не отнесён к реституции. Суды, как было указано, иногда исходят из возможности применения норм о неосновательном обогащении

---

¹⁰¹ Карапетов А.Г. Там же.

¹⁰² Сарбаш С.В. Возврат уплаченного как последствие неисполнения договорного обязательства // Хозяйство и право. 2002. - № 6. - С. 83.

¹⁰³ Добрачев Д.В. Денежный долг т убытки как реституционные последствия расторжения договора // Адвокат. -2012. - № 2. - С. 40 – 53.

¹⁰⁴ Савенкова О.В. Возмещение убытков в современном гражданском праве // Убытки и практика их возмещения: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 38.

при возврате имущества при расторжении договора (и то в случае, если одна сторона предоставила имущество, а вторая уклонилась от исполнения встречного обязательства, и в связи с расторжением договора исполнение второй стороной своей обязанности не представляется целесообразным): см. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении»; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.10.2010 № Ф07-5503/2010 по делу № А56-22677/2005.

Следует отметить, что есть судебная практика, которая поддерживает указанные ранее выводы ученого. В Постановлении от 19.08.2010 № 01АП-3557/2010 Первый арбитражный апелляционный суд пришёл к выводу, что требование о взыскании неосновательного обогащения в рамках дела производно от требования о расторжении договора и носит реституционный характер (возврат того, что было передано должником кредитору до нарушения обязательства).

Представляется, что в понимаемом в настоящий момент значении реституции, она не возникает при расторжении договоров, что справедливо. Вместе с тем, при изменении подхода к реституции она неизбежно начнет охватывать и ситуации расторжения договора, однако не связанные с нарушением договора стороной договора.

Предоставленное по незаключённой сделке в рамках действующего российского права также не порождает у сторон прав и обязанностей – не передаёт титула на вещь, влечёт у сторон неосновательное обогащение.

Это полностью подтверждается судебной практикой. В Справке по результатам обобщения кассационной и надзорной практики Иркутского областного суда по вопросам применения норм жилищного и гражданского законодательства при разрешении споров о пользовании жилыми помещениями, предоставленными гражданам по договору найма в качестве общежития и утратившими статус общежития в результате приватизации

жилого фонда и перехода его в собственность юридических лиц отмечено: самостоятельно применить последствия незаключённости договора суд не вправе, если же согласиться с обратным, то не будет разницы между правовыми последствиями реституции (возвращением сторон в положение, существовавшее до момента заключения сделки) и признания договора незаключённым. В Постановлении ФАС Московского округа от 10.05.2000 по делу № КГ-А40/1771-00 обоснованно указано: действующим законодательством не предусмотрено применение двусторонней реституции как последствия незаключения договора.

Тем не менее, некоторые ученые признают возможность применения последствий недействительности сделки к незаключённым сделкам, поскольку признают деление на незаключённые и недействительные сделки не имеющим практического значения (В.П. Шахматов, О.В. Берг, М.И. Семенов, О.В. Гутников), адвокат С. Дедиков предлагает применять реституцию к незаключённым сделкам в силу аналогии¹⁰⁵.

Таким образом, в рамках действующего российского права реституционные отношения возникают в результате исполнения недействительной сделки. Ни в результате только заключения, ни в результате расторжения договора, либо исполнения незаключённого договора реституционные обязательства не возникают.

Применительно к соотношению понятий «последствия недействительности сделки» и реституция следует отметить следующее.

Гражданский кодекс РФ предусматривает систему последствий недействительности сделок:

- двусторонняя реституция (восстановление положения, существовавшего до нарушения права), которая предполагает, что

---

¹⁰⁵ http://www.pravosudie.biz/base1/data_de/sudzsgutj.htm. Ссылка на автора взята из статьи: Афонина Е.И. Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. – 2005. - № 3, 2006. - № 1.

каждая из сторон передает другой все полученное по сделке в натуре, и если это невозможно – в виде денежной компенсации;

- односторонняя реституция, при которой одна из сторон возвращает другой стороне полученное по сделке, а другая передает все, что получила или должна была получить по сделке, в доход Российской Федерации;
- недопущение реституции, при которой все, что обе стороны получили или должны были получить по сделке, взыскивается в доход Российской Федерации.

Как при двусторонней, так и при односторонней реституции закон предусматривает в ряде случаев и дополнительные имущественные последствия в виде возмещения расходов, стоимости утраченного или поврежденного имущества.

Реституционные правоотношения не охватывают собой конфискацию. Не охватывается понятием «реституция» возмещение убытков, когда это возможно, и иные аналогичные последствия недействительности сделки.

Таким образом, в действующем российском законодательстве реституция рассматривается как следствие исполнения недействительной сделки, а реституционные правоотношения по действующему российскому праву можно определить как вид гражданских правоотношений, возникающих между сторонами такой сделки при исполнении недействительной сделки. Реституционные правоотношения не охватывают собой конфискацию и возмещение убытков, когда это возможно, и иные аналогичные последствия недействительности сделки. Ни в результате только заключения, ни в результате расторжения договора, либо исполнения незаключённого договора реституционные обязательства не возникают.

§ 2.2. Понятие реституции в англо-американской правовой семье

В странах англо-американской правовой семьи подход к реституции принципиально иной.

Английский правовед Грэхэм Вирго (Graham Virgo) определял право реституции как институт права, который состоит в присуждении сумм в рамках средств защиты права, основанных на выгоде одной из сторон (ответчика).

К отличительным чертам реституции в странах англо-американской правовой семьи (которые, соответственно, отличают данную систему, в т.ч., от российского права) можно отнести:

1. Отсутствие исчерпывающего перечня ситуаций, когда реституция подлежит применению.

Англо-американская правовая семья не знает общей (абстрактной) формулировки реституции. В деле *Orapko v Manson Investments Ltd*¹⁰⁶ судья Диплок (Lord Diplock) отметил, что в Англии нет общей доктрины неосновательного обогащения, право устанавливает конкретные способы защиты нарушенного права.

Вирго выделял три основных ситуации, которые, на его взгляд, составляют содержание реституции¹⁰⁷:

- 1) ответчик получил прибыль от совершения неправомерного деяния (деликта или нарушения обязательства в рамках договора, например);
- 2) ответчик получил имущество, в котором у истца имеется вещный интерес и возможность виндикации имущества;
- 3) имело место неосновательное обогащение.

Гофф и Джонс¹⁰⁸ поделили реституционные иски на несколько групп:

---

¹⁰⁶ [1978] AC 95 (HL) 104.

¹⁰⁷ Virgo G. Restitution from Public Authorities: Past, Present and Future // *Jud. Review.* – 2006. – Vol. 11. P. 370.

- 1) возврат выгод, полученных от действий истца (например, при оплате в силу ошибки, под угрозой, по принуждению);
- 2) возврат выгод, полученных от третьих лиц (например, при суброгации);
- 3) возврат выгод, полученных в результате собственных противоправных действий (например, при посягательстве на чужое имущество).

К примеру, в США в отношении патентного права долгое время велись споры о возможности применения неосновательного обогащения и реституции, несмотря на то, что в большей части стран такая возможность однозначно признаётся. Такая возможность отрицалась не в связи с особенностями данной сферы отношений, а поскольку не было судебного акта, признающего такую возможность.

Право Англии, США отличается большой динамичностью, судебные решения – ориентацией на экономические интересы хозяйствующих лиц. В отсутствие статичности перечень ситуаций использования реституции всегда может быть в любое время дополнен.

2. Отсутствие критериев реституции.

Помимо того, что юристы англо-американской правовой семьи не изобрели формулировки, они не изобрели конкретных критериев реституции. Известно лишь про неосновательное обогащение, что возникает при наличии несправедливого фактора (*unjust factor*). Последнее время, однако, всё чаще анализируют, насколько данный подход правильный. Крис Хант (Chris D.L. Hunt)¹⁰⁹ ратует за сохранение имеющегося в странах англо-американской правовой семьи взгляда на

---

¹⁰⁸ Goff R., Jones G. *The Law of Restitution*. London Sweet & Maxwell. - 1966. - P.26-28.

¹⁰⁹ Hunt C. D. L. *Oxford University Comparative Law Forum Unjust Enrichment Understood as Absence of Basis: a Critical Evaluation with Lessons from Canada*: URL : <http://ouclf.iuscomp.org/artickes/hunt.shtml>.

необходимость изучения основания, причины неосновательного обогащения для применения реституции. Суммируя критические замечания, можно отметить, что, по мнению юристов, применение теории «отсутствия основания» в Англии приведёт к правовой неопределённости, ошибкам и несправедливости в решении дел, увеличит судебные издержки, ослабит безопасность сделок. Бёркс также высказал опасение, что применение новой для правовой системы теории может привести к тому, что правосудие превратится в абстрактную и неконтролируемую пальму первенства¹¹⁰.

В деле *Deutsche Morgan Grenfell v IRC*¹¹¹ судья Волкер (Lord Walker) подметил, что английское право находится на распутье, но последнее время начинает в большей степени сходиться с шотландским правом и правом стран системы континентальной правовой семьи в данном вопросе, хотя и заключил, что тот выбор, который сделает страна, не является принципиальным и на исход дела влиять не будет.

Использование института реституции к публичным отношениям привело к тому, что право начало разрабатывать критерии применения реституции. Например, в Канаде при рассмотрении дела *Garland v. Consumers' Gas Co*¹¹² был введён так называемый тест Гарленда. В деле Гарленд суд пришёл к заключению, что истец в реституционном споре должен первоначально продемонстрировать, что юридического основания для существования сложившейся ситуации в виде обогащения нет, затем ответчик обосновывает наличие иных причин, которые могут служить основанием для отказа в удовлетворении реституционного требования. На последней стадии суд рассматривает

---

¹¹⁰ Birks P. *Unjust Enrichment*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. - P. 78-86.

¹¹¹ [2006] UKHL 49.

¹¹² [2004] SCC 25, [2004] SCR 625.

юридические причины в свете ожиданий сторон. В итоге в стране стал применяться смешанный подход.

3. Очень широкое применение института.

Реституция применяется, в частности:

- 1) при возврате предоставленного по сделке, расторгнутой в связи с её нарушением;
- 2) при признании сделки недействительной по различным основаниям;
- 3) при возврате оплаченного по ошибке чужого долга, переданной по ошибке денежной суммы;
- 4) при неправомерном неоплачиваемом удержании чужого имущества;
- 5) при получении неосновательного обогащения в результате неправомерного действия.

Реституция широко применяется в семейных и иных схожих отношениях, также в отношениях между сожителями.

Одним из известных дел является *Lewis v Lewis*¹¹³. Обстоятельства дела таковы: супруги Кассандра и Сэмми Льюис спустя два года после женитьбы переехали в дом, который купили для них родители Сэмми. Дом родителями был куплен рассрочку, а право собственности зарегистрировано на родителей. Тем не менее, молодожёны участвовали в содержании дома, а также платили ежемесячно значительную сумму родителям. 14 лет семья Льюисов жила в доме как полноправные владельцы, производя ремонт, не консультируясь с родителями Сэмми. Через какое-то время семья распалась, Кассандра с дочерьми переехала в другой дом, после чего родители Сэмми продали дом постороннему лицу. Кассандра предъявила в суд реституционное требование о возврате стоимости дома, и данный иск был удовлетворен.

---

¹¹³ 189 P. 3d 1134 (Colo. 2008).

В качестве основания реституции К. Осакве выделяет обогащение в результате проживания с другим человеком в состоянии фактического брака (enrichment of unmarried cohabitants factor)¹¹⁴. В деле *Burns v. Koellmer*¹¹⁵ два лица сожительствовали, и при этом женщина работала на протяжении шести лет в клубе своего приятеля менеджером с полной ставкой, при этом хоть и получала периодически некоторую сумму денег, но эти денежные средства были значительно меньшими, чем рыночная стоимость таких услуг. После разрыва сожительница обратилась в суд, и реституционное требование об оплате стоимости её работ было удовлетворено.

4. Моральное основание признаётся достаточным для произведения реституции.

В деле *Peter v Veblow* суд удовлетворил реституционное требование об оплате мужем жене домашней работы за двадцать лет совместной жизни.

В проекте третьего издания *Restatement of Law of Restitution and Unjust Enrichment* обсуждалась данная проблема. Часто возникает ситуация, когда один партнёр в отношениях преимущественно работает и, соответственно, имеет возможность приобретения имущества, а другой больше сил вкладывает в семью и отношения, часто прекращает работать по инициативе супруга. Можно ли в случае развода требовать возмещения таких работ. Несмотря на некоторые судебные решения, при определённых обстоятельствах суд может прийти к выводу, что такое действие как домашняя работа хоть и не является дарением (потому что доказать желание производить её безвозмездно, как

---

¹¹⁴ Осакве К. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика // Журнал российского права. – 2007. - № 5.

¹¹⁵ 527 A.2d 1210 (Conn. App. Ct. 1987).

правило, невозможно), но и обосновать, что за такую работу ожидалась оплата крайне сложно, и можно предположить, что это те действия, которые находятся в сфере риска (как азартные игры, любые натуральные обязательства – даже несмотря на признание их существования в силу особой правовой природы данные обязательства лишены защиты).

В деле *Campbell v Campbell*¹¹⁶ обосновал моралью обязанность произвести реституцию матери, ферма которой была улучшена её сыновьями.

5. Сильная историческая связь между реституцией и неосновательным обогащением.

Длительное время в странах англо-американской правовой семьи реституция и неосновательное обогащение рассматривались как идентичные понятия. Подробнее данный вопрос рассмотрен в параграфе 2.3. настоящей диссертации.

6. Возможность применения реституции к публично-правовым отношениям.

Подробнее данный вопрос рассмотрен в параграфе 2.4. настоящей диссертации.

7. Реституция может применяться даже когда обогащение как такового не произошло.

Доктрина и судебная практика исходят из того, что даже если на стороне лица не произошло обогащение, применяются нормы о неосновательном обогащении. Была разработана некоторыми учеными, в том числе, Столджером, так называемая теория несправедливого убытка (*unjust sacrifice*).

Теория исходит из того, что привязывать требование к обогащению не всегда эффективно, правильней говорить о возникновении

---

¹¹⁶ (1999), 179 DRL (4th) 270.

реституционного требования при наличии несправедливого убытка на стороне лица, заявляющего такое требование.

Чарльз Спиллейн (Charles Spillane) писал, что в отношении оказанных услуг теория неосновательного обогащения продемонстрировала несостоятельность, и чтобы не лишить стороны возможности восстановить своё нарушенное право, была предложена теория несправедливого убытка. Пегораро (Pegoraro) вслед за Столджером анализировал этот вопрос, и выделял три обязательных элемента, которые должны существовать, чтобы можно было применить защиту в рамках теории несправедливого убытка: 1) на стороне лица-заявителя имеются материальные потери; 2) эти потери связаны с оказанием услуг ответчику, причём услуги должны быть оказаны с согласия ответчика; 3) отказ в компенсации указанных выше материальных потерь будет несправедливым. Несправедливость заключается в том, что ответчик знал, что услуги оказываются не безвозмездно, и добровольно согласился на получение таких услуг¹¹⁷. Столджер писал, что наиболее применима теория несправедливого убытка при предоставленных по собственной инициативе услугах. В традиционных квазидоговорных отношениях при этом, пишет он, восстанавливается положение до обогащения другой стороны, и она просто возвращает то, что, по сути, осталось в собственности заявителя, при оказании услуг такое восстановление положения невозможно¹¹⁸. При этом, по мнению Столджера, нет необходимости в обогащении, чтобы прибегнуть к теории неосновательного убытка –

---

¹¹⁷ Pegoraro Recovery of benefits conferred pursuant to failed anticipated contracts – unjust enrichment, equitable estoppel or unjust sacrifice? Цит. по: Spillane Ch. Unjust Enrichment and De Facto Relationships: The End of a Marriage of Convenience // Auckland U. L. Rev. – 1999. – P. 318-319.

¹¹⁸ Stoljar Unjust Enrichment and Unjust Sacrifice (1987) // 50 MLR 603.

так, в деле *Cotnam v Wisdom*¹¹⁹ одно лицо оказало медицинскую помощь ребёнку другого лица, который пострадал в автомобильной аварии. Поскольку ребёнок не выжил, и в данной ситуации неприменим принцип неосновательности обогащения, доктор может взыскать размер своей обычной зарплаты, вне зависимости от того, что обогащения на стороне родителей ребёнка нет.

Муир (Muir) писал, что в случаях, когда речь идёт о том, что одна сторона получила выгоду за счёт другой, в ситуации, когда сохранение такой выгоды у себя будет несправедливо, налицо неосновательное обогащение, когда речь идёт о том, что лицо затратило время или усилия для выгоды другого лица в ситуации, когда предполагается, что данная услуга или работа была оказана или произведена не безвозмездно и должна быть оплачена, налицо несправедливый убыток¹²⁰.

В судебных делах данная теория также нашла отражение. Так, в деле *Sabemo Pty Limited v North Sydney Municipal Council*¹²¹ муниципальный совет, нуждаясь в строительных работах, решил провести тендер, по результатам которого наиболее выгодными совету показались условия компании Сабемо. Несмотря на то, что договор не был одобрен и подписан, стороны обсуждали проект и по поручению муниципального совета Сабемо провело большую подготовительную работу, в том числе для оценки возможных схем реализации девелоперского проекта были привлечены эксперты. Однако все предлагаемые схемы были отклонены органами,

---

¹¹⁹(1907) 32 Ark 601.

¹²⁰Muir, unjust sacrifice and officious intervener in Finn, *Essays on restitution* (1990), 297. Цит. По: Burrows, McKendrick, Edelman, *Cases and Materials on the Law of restitution*. Oxford University Press, 2007. P. 103.

¹²¹ [1977] 2 NSWLR 880.

осуществляющими регулирование в сфере строительства, тогда совет обратился за содействием в разработке новой схемы, которая впоследствии была одобрена. Юристы не сошлись в понимании некоторых положений договора, и он так и не был заключен между сторонами. Однако ещё до окончания преддоговорного процесса муниципальный совет в одностороннем порядке отказался от реализации данного проекта. Сабемо обратился за компенсацией произведённых в рамках подготовки к реализации девелоперского проекта денежных средств. Судья Шеппард (Sheppard) пришёл к выводу, что неосновательного обогащения на стороне муниципального совета нет, и данная категория неприменима в ситуациях, когда между сторонами были преддоговорные отношения. Судья рассуждал следующим образом: когда стороны проводят переговоры для заключения в дальнейшем договора, и одна из сторон при этом вносит свой вклад в общий проект, при этом из обстоятельств дела не следует, что данная сторона желает вносить этот вклад безвозмездно, данные затраты должны быть возвращены в порядке реституции.

Схожий вывод был сделан в канадском деле *Peter v Beblow*¹²², в котором женщине, длительное время проживавшей с мужчиной, хотя и не находящейся в браке, удалось взыскать стоимость услуг домработницы и няни для детей, поскольку это было единственной причиной для сожительства со стороны данного мужчины, при этом вопросы наличия приобретения, обогащения на стороне мужчины суд апелляционного уровня не ставил.

Теория имеет, несомненно, определенные недостатки: например, не использует понятие потери, не вполне определённо срабатывает при возникновении отношений де-факто, не отвечает на вопрос, почему

---

¹²² (1993) 101 DLR (4th) 621.

должно быть удовлетворено реституционное требование, почему одна сторона должна оплатить другой определённую сумму денег. Несмотря на это, она отражает сложившееся положение дел, когда для обращения к реституции не требуется обоснование неосновательности обогащения.

Таким образом, к отличительным чертам реституции в странах англо-американской правовой семьи относятся:

- 1) отсутствие исчерпывающего перечня ситуаций, когда реституция подлежит применению;*
- 2) отсутствие критериев реституции;*
- 3) очень широкое применение института;*
- 4) моральное основание признается достаточным для применения реституции;*
- 5) сильная связь между реституцией и неосновательным обогащением;*
- 6) возможность применения реституции к публично-правовым отношениям;*
- 7) реституция может применяться, когда обогащение не произошло.*

§ 2.3. Соотношение реституции и неосновательного обогащения

Соотношение реституции и неосновательного обогащения вызывает споры.

В российской юридической литературе сложилось несколько подходов.

Согласно одной позиции, обосновываемой такими учёными, как В.П. Шахматов, З.И. Шкундин, Ф.С. Хейфец¹²³, неосновательное обогащение является правовым основанием реституции. В.П. Шахматов писал, что

---

¹²³ Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 1999. - С. 144.

поскольку закон относит недействительность сделки к моменту её совершения, то «право на полученное по недействительной сделке имущество отсутствует. Отсюда переход имущества по такой сделке теряет своё правовое основание», исполнение оспоримых сделок при этом, по мнению учёного, приводит к неосновательному обогащению только тогда, когда такие сделки признаются недействительными. «Но во всех случаях недействительности сделок с их исполнением возникает и неосновательное получение имущества»¹²⁴.

Право собственности налагает на своего обладателя ряд существенных обременений, в связи с чем приобретение права собственности помимо воли лица противоречило бы принципам гражданского права, поэтому нельзя говорить о том, что по недействительной сделке происходит переход права собственности¹²⁵. «Изъятие же имущества, полученного по сделке, которая признана недействительной, означает, что правовое основание на приобретение этого имущества отсутствует и фактически лицо лишь обладает чужим имуществом, и притом незаконно»¹²⁶.

М.В. Гордон отмечал, что обязательство из неосновательного обогащения возникает при признании договора недействительным, при этом обязательство из неосновательного обогащения служит для осуществления

---

¹²⁴ Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленными ими последствия. Томск, ТГУ, 1967. - С. 247-248.

¹²⁵ Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискация при недействительности сделок (о возникновении права собственности государства по основаниям, предусмотренным статьями 169 и 179 ГК РФ) // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / Под ред. Д.О. Тузова. М.: Статут, 2008. - С. 419 - 463.

¹²⁶ Шкундин З.И. Реституция в недействительных сделках // Арбитраж. - 1969. - № 13. - С. 19.

права на реституцию, т.е. на возврат сторон по признанному недействительным договору в первоначальное положение¹²⁷.

Согласно другой точке зрения реституция не имеет ничего общего ни с неосновательным обогащением, ни с виндикацией. К.И. Скловский¹²⁸ считает, что реституция обладает присущими только ей чертами: ее взаимный характер, чего не предусматривает ни виндикация, ни кондикция, и наличие в ней черт обязательства; посессорный характер реституции, то есть возврат вещи лицу только в силу факта обладания ею до совершения недействительной сделки независимо от законности и добросовестности владения. В отличие от этого виндикация основывается на субъективном праве, требует доказывания права и защищает его. В Определении от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14-79 Верховный суд отметил, что реституция является самостоятельным гражданско-правовым институтом, отличным по своей правовой сущности от института взыскания неосновательного обогащения, обладающим рядом особенностей (публичный характер, взаимный (двусторонний) характер, наличие некоторых черт обязательства, посессорность и др.). Положения российского законодательства о применении двусторонней реституции (пункт 2 статьи 167 ГК РФ) не связывают обязанность стороны недействительной сделки вернуть другой стороне все полученное с наличием условий, предусмотренных статьей 1102 ГК РФ (факт приобретения (сбережения) имущества, отсутствие правовых оснований такого приобретения (сбережения)). Ранее в п. 11 Информационного письма от 11.01.2000 № 49 Президиум ВАС РФ указывал, что при применении последствий недействительности ничтожной

---

¹²⁷ Гордон М.В.. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 2. Харьков. - 1960. - С. 275.

¹²⁸ Скловский К.И., Ширвис Ю.В. Последствия недействительной сделки // Закон. - 2000. - № 5. - С. 112-113.

сделки необходимо руководствоваться положениями пункта 2 статьи 167 ГК РФ, которые не связывают обязанность стороны подобной сделки вернуть другой стороне все полученное с наличием условий, предусмотренных подпунктом 4 статьи 1109 ГК РФ. В силу статьи 1103 ГК РФ в этом случае применяются специальные правила, регулирующие последствия недействительности сделок.

Есть и позиция, согласно которой реституция может являться либо разновидностью виндикации, либо разновидностью неосновательного обогащения, в зависимости от того порядка, в котором осуществляется изъятие имущества: на основании виндикационного требования, если вещь индивидуально-определенная, или требования о выдаче неосновательного обогащения в отношении вещей определенных родовыми признаками. Ю.К. Толстой писал, что требования о возврате полученного по недействительной сделке являются либо виндикационными, либо предъявляются из причинения вреда или неосновательного обогащения¹²⁹. Такую же точку зрения развивает в своих работах Д.О. Тузов. Он различает реституцию владения и компенсационную реституцию. Реституция владения имеет место в случаях, когда реституционное обязательство направлено на восстановление владения вещью, а компенсационная реституция – в случаях, когда реституционное обязательство направлено на восстановление имущественного состояния предоставившей стороны. Д.О. Тузов приходит к выводу, что, выделяясь лишь некоторой особенностью субъектного состава, реституция владения по своей правовой природе есть не что иное как разновидность виндикации, а компенсационная реституция, также не составляя самостоятельного охранительного притязания, осуществляется

---

¹²⁹ Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. – С. 115.

посредством кондикционного требования¹³⁰. Сходная позиция была высказана О.В. Гутниковым, который писал, что «реституционное требование по своей правовой природе является либо виндикационным требованием, либо требованием о возврате неосновательного обогащения»¹³¹. В.С. Ем писал, что «требование о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества – это форма (способ) осуществления права на реституцию»¹³².

Конгломератом имеющихся средств защиты считала реституцию Н.В. Рабинович. Так, Н.В. Рабинович писала, что «требование о виндикации вещи не только совместимо с требованием о признании сделки недействительной, но и вытекает из этого последнего требования, если предметом сделки является вещь, определённая индивидуально»¹³³. В иных случаях, по мнению автора, прослеживается явная связь реституции и неосновательного обогащения.

Законодательная модель позволяет сделать вывод о различной природе институтов, судебная практика исходит из того, что «к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке нормы о неосновательном обогащении могут быть применены только при наличии доказательства, подтверждающих, что полученная одной из сторон денежная сумма явно превышает стоимость переданного другой стороне»¹³⁴.

---

¹³⁰ Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Томск, 1999. – С. 68.

¹³¹ Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2003. - С. 237.

¹³² Гражданское право: Учебник. Т. 2. Полутом 2 / Отв. Ред. Е.А. Суханов. М., 2002. - С. 458.

¹³³ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Издательство Ленинградского Университета, 1960. – С. 118.

¹³⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 12.10.2010 № 5243/10.

В большинстве стран континентальной правовой системы неосновательное обогащение (понимаемое здесь как равноценное реституции) возникает в отсутствие правовых оснований для обогащения на стороне обогатившегося лица. Это, в свою очередь, означает необходимость доказывания правового основания, при этом бремя доказывания лежит на ответчике. То есть если произошло неосновательное обогащение, доказывать наличие правового основания обладания имуществом, получения безвозмездной услуги (либо, напротив, доказывать оплату таких услуг) должно обогатившееся лицо.

В странах англо-американской правовой семьи иной подход. Обогащение возникает при наличии несправедливого фактора, то есть лишь в случаях, конкретно названных, признанных основаниями для реституции. Бремя доказывания наличия несправедливого фактора, причины, по которой применению подлежит реституция, лежит на истце, лице, требующем возврата ему денежной суммы.

В России согласно статье 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). При этом доказывать, по какой именно причине произошло обогащение – в силу ошибки, в результате расторжения договора и тому подобное, не требуется. То есть применительно к неосновательному обогащению используется принцип «отсутствия основания». Применение реституции (последствий признания сделки недействительной) возможно только после признания сделки недействительной и только применительно к таким сделкам. То есть для применения реституции необходимо наличие несправедливого фактора в виде недействительной сделки.

Как отмечал в статье Крис Хант (Chris D. L. Hunt), подход общего права заключается в том, что истец должен подтвердить и обосновать несправедливый фактор, причины реституции при этом строятся снизу вверх – сначала устанавливается причина, затем применяется реституция, а при подходе, применяемом континентальной правовой семьёй, наоборот, сначала устанавливается неосновательное обогащение (как отсутствие правового основания для передачи имущества), а затем только выясняется, какой факт породил такое неосновательное обогащение¹³⁵. Именно это и необходимо по российскому праву для применения реституции – сначала недействительность сделки подтвердить, а потом указать на данный факт, чтобы иметь возможность применять её последствия.

Представляется, в этой связи, что российским законодательством используются одновременно два критерия – большая часть ситуаций охватывается принципом отсутствующего основания, а реституция как последствие признания сделки недействительной выделено отдельно, и в этой ситуации используется принцип несправедливого фактора – случай применения прямо назван в законе.

Между тем, нет ни оснований для смешения двух различных подходов, ни в целом значительных отличий между реституцией и неосновательным обогащением.

Согласно статье 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах – если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

---

¹³⁵ Hunt C. D. L. Oxford University Comparative Law Forum Unjust Enrichment Understood as Absence of Basis: a Critical Evaluation with Lessons from Canada. URL: <http://ouclf.iuscomp.org/artickes/hunt.shtml>.

Согласно статье 1104 ГК РФ имущество, составляющее неосновательное обогащение приобретателя, должно быть возвращено потерпевшему в натуре, а согласно статье 1105 ГК РФ в случае невозможности вернуть в натуре неосновательно полученное или сбереженное имущество приобретатель должен возместить потерпевшему действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения.

Одним словом, правовые последствия реституции и неосновательного обогащения в российском праве одинаковы. Правовая направленность неосновательного обогащения и реституции в российском праве также одна – это восстановление правового положения лица, существовавшего до его нарушения неосновательно обогатившимся лицом. Не важно, какой факт при этом являлся основанием для умаления интересов и прав такого лица, и по каким причинам произошло обогащение.

Существуют и отличия. Например, реституция носит взаимный характер. В литературе отмечают, что требования сторон по возврату имущества на случай недействительности сделки взаимообусловлены, носят встречный характер. Согласно пункту 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана вернуть другой все полученное по сделке, если иное не предусмотрено законом. Если лишь одна сторона получила что-либо по сделке, реституция будет заключаться в возврате полученного только этой стороной и фактически носить односторонней характер¹³⁶, но это не исключает взаимного характера реституции. Как синонимы двустороннюю – взаимную воспринимают реституцию и суды (см., например, Определение Конституционного Суда РФ

---

¹³⁶ Подтверждается, например, выводом ВАС РФ, выраженном в Постановлении № 6918/09 от 20.10.2009: установив факт уже свершившегося восстановления имущественного положения одной стороны недействительной сделки, суды в целях соблюдения правил о необходимости восстановления имущественного положения обеих сторон такой сделки и неосновательном обогащении восстановили только имущественное положение второй стороны недействительной сделки.

от 04.07.2002 № 182-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черемных Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации», Постановления ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.05.2010 по делу № А58-2743/08, от 24.07.2009 № А58-2743/08). В Постановлении Президиума ВАС РФ от 19.10.2004 № 5905/04 суд сделал вывод, что суд кассационной инстанции, применив последствия недействительности возмездных сделок в одностороннем порядке и возвратив имущественный комплекс Саяно-Шушенской ГЭС в федеральную собственность, нарушил правило, установленное пунктом 2 статьи 167 ГК РФ, согласно которому при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре – возместить его стоимость в деньгах. В Определении от 13.05.2015 № 305-ЭС15-4162 Верховный суд РФ отказал в иске о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в связи с несвоевременным исполнением ответчиком вступившего в законную силу решения суда о применении последствий недействительности сделки, поскольку истец собственное реституционное обязательство в пользу ответчика, возложенное решением суда, в полном объеме не исполнил.

Несмотря на подходы учёных, а также явно выраженную позицию судов находим возможным утверждать, что данный критерий случайный, ситуации, когда реституция как последствие признания сделки недействительной не носит взаимный характер (в частности, и при многостороннем договоре) свидетельствуют о том, что критерий не отражает сущность реституции. Данный признак – лишь следствие того, что, по общему правилу, договор должен носить эквивалентный характер, но, во всяком случае, двусторонний характер, и если было осуществлено предоставление обеими сторонами договора, то и возврат должен осуществляться одновременно обеими

сторонами. Такую же позицию поддерживают ученые: «взаимный характер требований, возникающих из обязательств, определяет взаимообусловленность таких обязательств, возникающих, в свою очередь, из двустороннего договора»¹³⁷, ведь «два различных по своему содержанию обязательства взаимно обуславливают друг друга так, что по общему правилу исполнение одного из них должно быть произведено лишь в случае и в меру исполнения другого»¹³⁸.

Среди российских юристов нет единодушия в понимании оснований возникновения реституции как последствия признания сделки недействительной.

Отчасти это связано с тем, что учёные по-разному определяют «недействительную сделку». Этот вопрос уже не первый век вызывает острые дискуссии. Ряд учёных, в числе которых Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, В.П. Шахматов, И.С. Самощенко¹³⁹ исходят из того, что термин «сделка» должен включать в себя недействительные сделки, поскольку имел место фактический состав действия, направленного на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (даже если этот состав оказался неправомерным). Д.М. Генкин утверждал, что «правомерность или неправомерность действия не является необходимым элементом сделки, а определяет лишь те или другие последствия сделки». И.Б. Новицкий отмечал, что строгое разграничение сделки и правовых последствий необходимо и для противоправной сделки, так как нельзя сказать, что она не вызывает никаких правовых последствий. Она не приводит к тем результатам, на достижение

---

¹³⁷ Соломина Н.Г. К вопросу о соотношении требований о возврате неосновательного обогащения с требованием о возврате исполненного по недействительной сделке // Арбитражный и гражданский процесс. - 2008. - № 2.

¹³⁸ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юриздат, 1940. - С. 66.

¹³⁹ Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1963.

которых была направлена, но в результате её исполнения для лиц, её совершивших, наступают другие, нежелательные, последствия. И.С. Самощенко, исследуя позицию И.Б. Новицкого по данной проблеме, писал: «И.Б. Новицкий оспаривал мнение, что если сделка недействительна, то она вообще не есть сделка».

В противовес такой точке зрения, например, М.М. Агарков писал, что «термин «сделка» должен быть сохранен лишь для обозначения действий, создающих тот правовой эффект, на который они направлены. Кроме этого, следует воспользоваться термином «волеизъявление». Волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, может быть действительным либо недействительным. Если оно действительно, оно является сделкой»¹⁴⁰.

Наиболее распространённая точка зрения заключается в том, что реституционное правоотношение порождает юридический состав: недействительная сделка (иной, прямо указанный в законе факт) и исполнение такой сделки. Не сделка как таковая порождает определённые негативные последствия, а её исполнение. Наиболее распространённое мнение по поводу основания возникновения кондикционного обязательства такое же – о наличии юридического состава. С точки зрения М.А. Гурвича, В.А. Рясенцева, неосновательное обогащение как основание для возникновения кондикционного обязательства представляет собой фактический состав, элементами которого являются наличие обогащения на стороне одного лица, происхождение этого обогащения за счёт другого лица и отсутствие правового основания для такого обогащения¹⁴¹. Думается, что

---

¹⁴⁰ Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. I. М.: АО «Центр ЮрИнфоР». – 2009. – С. 346.

¹⁴¹ Гурвич М. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. – 1925. – № 2 (14). – С. 88 - 89; Советское гражданское право. Ч. 2 / Отв. ред. проф. В.А. Рясенцев. 3-е изд., перераб. и

исполнение по недействительно сделке и представляет собой с юридической точки зрения все эти три составляющие и порождает обогащение одной стороны за счёт другой при отсутствии правового основания; если мы признаём, что недействительная сделка есть правовое ничто, то основания правового нет.

Для применения реституции необходим факт исполнения сделки – предоставления имущества, оказания услуг. Такую позицию поддерживают суды (например, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 18.10.2012 № 7204/12 подчеркивается, что пункт 2 статьи 167 ГК РФ связывает применение реституции с фактом исполнения сделки).

Ситуация существования реституции, принципиально различающейся от неосновательного обогащения довольно нетипичная. В немецкой литературе многие работы по неосновательному обогащению начинаются с приведения примера по недействительной сделке¹⁴². По словам Жака де Плесиера, чуть ли не единственной страной, отвергающей идею о том, что требование о возврате по недействительному договору основано на неосновательном обогащении, является Южная Африка¹⁴³.

В этой связи представляется целесообразным пересмотр реституции. Следует, однако, иметь в виду, что в связи с тем, что реституция основана на принципе «выгоды» (см. ниже), она несколько больший объем ситуаций должна охватывать, нежели только случаи неосновательного обогащения.

Реституция и неосновательное обогащение в англо-американской семье права традиционно признавались взаимодополняющими правовыми

доп. М.: Юридическая литература. – 1987. – С. 429). Цит. также Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут. – 2010.

¹⁴² Krieb T. In Defence of unjust factors. URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/krebs.shtml>.

¹⁴³ Visser D. P. Rethinking Unjustified Enrichment: A Perspective of the Competition and Enrichment Remedies // Acta Juridica. – 1992. – С. 203, 211. Также Ю.Е. Туктаров в статье «Требование о возврате полученного по недействительной сделке» // Статут. – 2006.

институтами, а иногда и единым институтом (в частности, такого мнения придерживался известный правовед Кинер, который между ними ставил знак равенства). Еще в 1966 году вышла в свет книга Роберта Гоффа и Гарета Джонса «Право реституции» («The law of restitution»), где учёные, раскритиковав теорию квазидоговора, заключили, что реституция основана на принципе неосновательного обогащения.

В 1991 году в деле *Lipkin Gorman v Karpnale Ltd* Палата Лордов окончательно признала, то право реституции основано на недопустимости неосновательного обогащения. В *Restatement of the Law of Restitution* 1937 г. (первое издание) был также установлен принцип, согласно которому при неосновательном обогащении одного лица за счёт другого подлежит применению реституция.

Одна из первых теорий соотношения реституции и неосновательного обогащения – т.н. теория «квадратирования» (*quadrature theory*). Её изначально обосновывал в своих трудах Питер Бёркс (*Peter Birks*).

Во «Введении в право реституции» 1985 г. (переиздано в 2003 г.) он писал, что:

- 1) реституция – всегда ответная реакция на произошедшее событие, поэтому реституция не находится в одном ряду с договором и деликтом;
- 2) неосновательное обогащение находится в одном ряду с договором и деликтом и является тем правовым явлением, который даёт жизнь правоотношениям;
- 3) все, что порождает реституцию (ошибочные платежи, платежи в связи с принуждением и проч.) – это всё неосновательное обогащение.

Таким образом, согласно мнению Бёркса, изложенному в указанном труде, реституция соотносится с неосновательным обогащением как причина и результат.

В 1985 году Хедли (Hedley)¹⁴⁴ оспорил традиционный взгляд на влияние неосновательного обогащения на развитие представлений о реституции. Реституцию, согласно мнению учёного, составляют четыре самостоятельные и не связанные между собой категории:

1) виновная ответственность, сродни ответственности, вытекающей из договора или противоправного поведения, основанная на компенсации потерь. В качестве примера такой ответственности приводится обязанность возместить потери, возникшие в связи с преждевременным исполнением условий договора, или по недействительному или не могущему быть принудительно исполненным договору; ответственность за понуждение к договору, неподобающее поведение при заключении договора (введение в заблуждение) или использование в своих интересах положения лица, с которым заключается договор;

2) принцип справедливого совместного использования имущества. Возникает, например, при фрустрации договора (утрате договором своего смысла); в ситуациях, когда закон обязывает внести вклад в дело; одним словом, в тех ситуациях, когда у сторон имелся (или имеется) общий интерес, но в силу определённых обстоятельств он не был надлежащим образом оформлен;

3) принцип заслуживающей оправдания жертвы, когда производятся срочные, неотложные действия;

4) ответственность, основанная на принципе справедливого исхода. Лицо должно вернуть, будучи невиновно, полученные денежные средства, имущество, оплатить оказанные услуги и выполненные работы, если передача произошла по ошибке или в связи с несостоявшимся встречным удовлетворением.

---

¹⁴⁴ Hedley S. Unjust Enrichment as the Basis of Restitution – An Overworked Concept. (1985) //Legal Studies. Vol. 5. – P. 56.

Тем не менее, последняя категория является не совсем определённой, и, как верно указывает Борроуз, для права не характерно привлекать к ответственности за правомерные действия.

Джекман также предлагает своё видение проблемы. Два принципа, пишет учёный, имеют важнейшее значение для реституции:

1) возврат переданных без желания на то правообладателя денег и неоспоримых вещей. Им охватываются случаи передачи имущества по ошибке, реституция при понуждении к договору, неподобающем поведении при заключении договора (введении в заблуждение) или использовании в своих интересах положения лица, с которым заключался договор, и

2) исполнение обещаний, не вытекающих из договора, когда по согласию обеих сторон была передана любая разновидность выгоды. Охватываются случаи преждевременного исполнения обязанностей по договору, исполнение по недействительным и прекращённым договорам¹⁴⁵.

Джеффи (Jeffey) писал, что помимо реституции из противоправных действий, или возвращения незаконно присвоенного имущества, существуют ещё две категории, ни одна из которых не имеет отношения к неосновательному обогащению:

1) (относится к договорному праву)

Ситуации, связанные с потерями из договора фактически действовавшего, либо «приписываемого договора»: возвращение переданного по прекратившему действие договору в связи с тщетностью договора, исполнение не терпящего отлагательства обязательства, без договорных отношений сторон, преддоговорная ответственность;

2) лишённые юридической силы передачи титула

---

¹⁴⁵ Jackman I. M. N. The Varieties of Restitution. – Federation Press, 1998.

Например, передача по ошибке, в силу принуждения, с превышением полномочий¹⁴⁶.

Следует отметить, что в дальнейшем Бёркс отказался от теории «квадратирования» и стал всё обосновывать позицию, согласно которой реституция имеет самостоятельное значение. В любом случае, писал он, даже если признавать справедливость теории «квадратирования», будет опасной ошибкой называть одним именем причину (неосновательное обогащение) и эффект, результат (реституция). Кроме того, теория ведёт к смешению различных по природе правовых явлений – принесшее материальную выгоду противоправное действие и подлежащее возврату обогащение, не основанное на противоправном поведении сторон. Нельзя также не отметить, что реституция шире, чем неосновательное обогащение¹⁴⁷. В своих первых работах Бёркс выделил два вида неосновательного обогащения: «автономное неосновательное обогащение», которое имеет место лишь в ситуациях, когда была прямая передача ценности от одного лица к другому (например, А уплатило по ошибке некоторую сумму В) и неосновательное обогащение, возникшее в результате неправомерного действия (когда одно лицо обогатилось за счёт неправомерно переданных денег, например, если А уплатило некоторую денежную сумму В для того, чтобы В побил С)¹⁴⁸. В более поздних работах Бёркс уже приходит к заключению, что второй вид неосновательного обогащения, выделяемый им ранее в отдельную категорию, порождается не самим неосновательным обогащением, а непосредственно неправомерным действием¹⁴⁹, а, соответственно,

---

¹⁴⁶ Jeffrey P. The nature and scope of restitution. Boomsbury Publishing. – 2000.

¹⁴⁷ Birks P. Property and Unjust enrichment: Categorical Truths // New Zealand Law Review. – 1997. – P. 626.

¹⁴⁸ Birks P. An introduction to the law of restitution. – Oxford : Clarendon Press, 2003. P. 22-24.

¹⁴⁹ Birks P. Equity in the Modern Law: An Exercise in Taxonomy // University of Western Australia Law Review. – 1996. – Vol. 26. - P. 1.

квадратирование снимается, и реституция, продолжая охватывать вторую ситуацию, уже выходит за рамки тех действий, которые порождает неосновательное обогащение.

Дэган (Dagan) писал, что классическое представление о том, что неосновательное обогащение лежит в основе реституции – не более чем несвязная система взглядов. На самом деле в основе реституции лежат совершенно иные принципы, как то автономность, эффективность, совместное участие. Вместе с тем, отвергая существующий традиционный взгляд на соотношение реституции и неосновательного обогащения, Дэган не предложил альтернативной теории¹⁵⁰.

Всего на сегодняшний день в литературе стран англо-американской правовой семьи три лидирующих теории, разъясняющих соотношение реституции и неосновательного обогащения. Представители широкого взгляда придерживаются мнения, что принцип неосновательного обогащения объясняет значительное количество случаев, в частности, случаи прямой реституции (когда истец требует возврата непосредственно переданного ответчику), а также и случаи т.н. непрямой реституции. Представители скептической школы, которая последнее время набирает вес, полагают, что неосновательное обогащение либо вовсе незначимо, либо значение данного института крайне незначительно. Представители узкого подхода считают, что неосновательное обогащение объясняет прямую реституцию, но не находит адекватного объяснения для непрямой. Хотя при этом определения «прямоты» реституции нет: если, например, лицо получило выгоду вследствие незаконной продажи чужой недвижимости третьему лицу, очевидно, что речь идёт о непрямой реституции, но ряд ситуаций вызывают сомнения в своей природе. Юристы, придерживающиеся узкого подхода, как правило, указывают, что ни реституция за неправомерные действия, ни т.н. собственническая реституция (оплата за неправомерное использование

---

¹⁵⁰ Dagan H. The Law and Ethics of Restitution. – Cambridge University Press, 2004.

чужого имущества) не объяснимы с помощью неосновательного обогащения. Приверженцы данной теории Грэнхэм (Grantham) и Риккет (Rickett) предлагают сделать неосновательное обогащение субсидиарным, дополнительным к другим отраслям права, хотя многие учёные оспаривают этот взгляд, полагая, что в каком-то смысле любая мера ответственности и/или защиты субсидиарна к иным институтам права, в частности, к договору, вопрос здесь в сфере действия самого института неосновательного обогащения.

Стив Хедли, являющийся на протяжении более чем пятнадцати лет одним из главных критиков теории, согласно которой неосновательное обогащение – основа реституции, писал, что применение данной теории ведёт к неправильным выводам и результатам и что то, что называется реституцией, является остаточным явлением, охватывается уже известными категориями договора, деликта и вещного права. Необходимо, полагает учёный, изучить уже имеющиеся институты, а не давать им новые названия.

Сложно сказать, какое веяние имеет наибольшее распространение и наиболее сильно в странах англо-американской правовой семьи. С одной стороны, долгое время господствующим мнением было признание наиболее правильным термина реституции (при этом не стоит считать, что название института реституцией означало отказ от придания наиболее значимой роли неосновательному обогащению). Однако в 2011 году на свет появилось третье издание известной книги, впервые изданной в 1930-е годы в США, и в отличие от двух предшествующих данному изданию вариантов наименований книги она называется *Restatement of the Law Third, Restitution and Unjust Enrichment*, то есть уже не просто реституция, как было ранее, а реституция и неосновательное обогащения, тем самым подчёркивается значимость неосновательного обогащения в англо-американской правовой семье. С другой стороны, суды Австралии все чаще отказываются от применения термина «неосновательное обогащение», а в статье довольно

свежей, 2002 года, Стив Хедли¹⁵¹ пишет, что всё более возобладает точка зрения, согласно которой реституции придаётся первостепенное значение и признаётся, что теория неосновательного обогащения ничего не объясняет и не проясняет.

Следует признать верной позицию, согласно которой реституционное правоотношение в странах англо-американской семьи охватывает не только ситуации, возникшие в результате неосновательного обогащения, но и возникшие в результате неправомерных действий и незаконного пользования чужим имуществом (proprietary rights).

Относительно России хотелось бы отметить следующее. Статья 8 ГК РФ, перечисляя основания возникновения гражданских прав и обязанностей, называет неосновательное обогащение (подпункт 7 пункта 1), но, безусловно, не называет ни реституцию, ни виндикацию. Потому что реституцию таковым основанием и не выступает. Зато в статье 12 ГК РФ реституция называется как способ защиты гражданского права (абзац 3), но не называется неосновательное обогащение. Таким образом, законодатель все же косвенно поддерживает позицию: «реституция» отражает идею возврата, восстановления, это способ защиты права, а термин «неосновательное обогащение» показывает лишь то, что лежит в основе такого восстановления. Строго говоря, то же касается деликтных обязательств – порождает возникновение деликтного правоотношения то или иное правонарушение, деликт, причинение вреда другому (статья 8 ГК РФ), а наступает результат в виде обязанности возместить убытки, компенсировать моральный вред и проч. (статья 12 ГК РФ). А в положениях, касающихся неосновательного обогащения, такая логика теряется: причина – неосновательное обогащение, а результат – возратить неосновательно приобретенное или сбереженное имущество отдельно не изучается, хотя для морального вреда, или убытков

---

¹⁵¹ Hedley S. Unjust Enrichment: a Middle Course? // Oxford University Commonwealth Law Journal. 2002. – Vol. 2. – P. 181.

есть свои положения, данные категории рассматриваются как общие для гражданского права, урегулированы в общих положениях ГК РФ. Как представляется, схожую роль может и должна играть реституция.

Ряд судебных решений косвенно подтверждают правильность такой позиции. Так, в Постановлении от 07.06.2011 № 1744/11 Президиум ВАС РФ указал, что собственник может взыскать в обладателя права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком денежные средства, *неосновательно полученные* (подлежащие получению) последним *по правилам реституции*, если они не были перечислены непосредственно в бюджет собственника.

Полагаем, первостепенную роль играет принцип реституции. То есть именно принцип, который является более общим, нежели основания, которые порождают его. В конечном счёте, неосновательное обогащение должно рассматриваться как основа реституционного требования. Восстановление положения, существовавшего до безосновательного перехода имущества от одного лица другому – суть реституции, нашедшая отражение и в самом термине.

Если законодатель найдет уместным сохранить особенности положений о недействительности сделок (включая последствия), это возможно простым указанием на то, что реституция имеет свои особенности при признании сделки недействительной (например, в силу необходимости соблюдения договорной дисциплины, исключения злоупотребления правом, для стабильности гражданского оборота суды могут в исключительных ситуациях самостоятельно применять последствия недействительности сделок, реституция недействительных сделок может быть признана обусловленной исполнением обязанности другой стороной).

В этой связи предлагается исключить противоречие, существующее в законодательстве, заключающееся, в т.ч., как было указано выше, в

использовании одновременно критерия отсутствующего основания и несправедливого фактора, и признать общий характер реституции.

Общий характер реституции признают и некоторые ученые в России. Например, С. Сарбаш пишет: «институт реституции как юридическое средство возврата сторон в первоначальное положение, равно как и институт неосновательного обогащения имеет, как представляется, общее для гражданского права значение»¹⁵².

Таким образом, правовые системы, как правило, используют один из двух критериев неосновательности обогащения либо отсутствующего основания, либо несправедливого фактора. В России же используются одновременно два критерия – большая часть ситуаций охватывается принципом отсутствующего основания, а реституция как следствие признания сделки недействительной выделено отдельно, и в этой ситуации используется принцип несправедливого фактора – случай применения прямо назван в законе. Такая ситуация представляется неоправданной.

Первостепенную роль должен играть принцип реституции. То есть сам принцип, который является более общим, нежели основания, которые порождают его. В конечном счёте, неосновательное обогащение должно рассматриваться как основа реституционного требования.

§ 2.4. Применение реституции к публично-правовым отношениям

Традиционный взгляд на реституцию заключается в том, что данные отношения носят строго гражданско-правовой, а, следовательно, частно-правовой характер.

---

¹⁵² Сарбаш С. Возврат уплаченного как следствие неисполнения договорного обязательства // Хозяйство и право. - 2002. - № 8.

Отношения, регулируемые гражданским законодательством, описаны в статье 2 ГК РФ. Гражданское законодательство, как указано в статье, определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Равенство сторон есть, и нельзя требовать удовлетворения интересов лишь одной стороны (это подтверждается и судебной практикой: например, в Постановлении ВАС РФ от 13.11.2001 № 9180/00 суд отметил, что при недействительности кредитного договора обязанность возвратить всё полученное по сделке лежит на обеих сторонах в соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ). Смысл двусторонней реституции состоит в обеспечении равноценности и эквивалентности возмещения каждой стороне стоимости переданного имущества при невозможности его возврата в натуре (Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 № 48-О «По жалобе гражданина Щепачева Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Субъекты реституционных правоотношений по российскому праву – стороны недействительной сделки. Они не находятся в юридическом, либо служебном или каком-то ином подчинении. Поэтому отношения обладают признаком юридического равенства.

Однако автономии воли в реституционных отношениях нет. «Под автономией воли подразумевается воля участников имущественных и неимущественных отношений на совершение определенных юридических действий, свободная от произвольного вмешательства со стороны других

лиц, государственных и муниципальных образований в процессе ее формирования»¹⁵³. Само то, что суд может помимо воли (даже обеих сторон) применить последствия недействительности сделки, понудить стороны произвести реституцию уже говорит об отсутствии автономии воли сторон реституционного правоотношения.

Имущественная самостоятельность трактуется как обособленность, которая, в конечном счёте, необходима для того, чтобы стороны самостоятельно принимали решение вступать или не вступать в те или иные гражданско-правовые отношения. В случае реституции нельзя сказать, чтобы имущественная самостоятельность имела сколь угодно большое значение. Во-первых, её может не быть, и это не будет означать невозможность существования реституционного правоотношения. Во-вторых, даже когда имущественная самостоятельность есть у сторон отношения (это наиболее распространённая ситуация), она не имеет значения, ведь стороны не решают самостоятельно, вступать им в реституционные отношения или нет, они не создают их своими волевыми действиями (а если создают – можно говорить о злоупотреблении правом).

В.П. Мозолин и А.А. Рябов пишут: «Если руководствоваться исключительно положениями статьи 2 ГК РФ об отношениях, регулируемых гражданским законодательством, то в сферу такого регулирования попадают лишь обязательства, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Все остальные отношения не соответствуют условиям, определенным данной статьей. В то же время, помимо статей 167 и 179 ГК РФ, в статье 307 ГК РФ, формулирующей понятие обязательства и основания его возникновения, предусматривается, что «обязательства возникают из договора, вследствие причинения вреда и из иных оснований, указанных в настоящем Кодексе». В наиболее обобщенном

---

¹⁵³ Мозолин В.П., Рябов А.А. О трех сферах имущественных отношений, регулируемых гражданским законодательством // Законодательство. Юридическая наука. – 2009. - № 6

виде основания возникновения гражданских прав и обязанностей определены в статье 8 Гражданского кодекса РФ. В частности, гражданские права и обязанности возникают вследствие неосновательного обогащения, судебного решения, установившего гражданские права и обязанности, и иных действий граждан и юридических лиц»¹⁵⁴.

На этой основе все имущественные и неимущественные отношения учёные делят на две категории: в первую группу входят отношения, строящиеся на принципах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников и основанные преимущественно на договоре.

Ко второй группе отнесены имущественные и неимущественные отношения, вытекающие из иных оснований, не связанных с применением критериев, указанных для первой группы.

«В горизонтальном плане за пределы действия ст. 2 ГК РФ, посвященной отношениям, регулируемым гражданским законодательством, полностью выведены реституционные отношения, которые по своей правовой природе должны относиться к предмету гражданского права»¹⁵⁵, – делают вывод учёные.

Если придерживаться иной позиции, все внедоговорные отношения необходимо будет вывести из сферы действия гражданского права, что недопустимо, да и никогда и не предлагалось юристами.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации уделила значительное внимание развитию идеи комплексного законодательства.

Имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, носят сложный характер. То же касается реституционных отношений. Они носят значительный публичный оттенок.

---

¹⁵⁴ Мозолин В.П., Рябов А.А. Там же.

¹⁵⁵ Там же.

В валютном законодательстве, законодательстве о приватизации можно найти отсылки к институту реституции. Хотя, безусловно, самую значительную часть норм (хоть и также не многочисленную) содержит ГК РФ.

Реституционные отношения носят характер отличный от иных правоотношений в гражданском праве, вместе с тем, большая часть норм гражданского права может и должна к ним быть применена, что и предлагается Концепцией развития гражданского законодательства.

Если рассматривать действующее законодательство и правоприменение, то следует отметить следующее: реституция как следствие недействительности сделки применима к отношениям с государством, поскольку данные отношения являются гражданско-правовыми.

Если же смотреть более широко и говорить о реституции, включающей в себя неосновательное обогащение, то единого мнения ни среди судов, ни среди учёных о применимости данной категории в публичных отношениях нет, хотя последних данная проблематика не очень и сильно интересует.

В комментарии к Гражданскому кодексу В.А. Белов рассмотрел возможность применения неосновательного обогащения к отношениям, возникающим с участием публично-правовых образований. «Рассматривая подобные споры, – отмечает учёный, – суды, прежде всего, осуществляют квалификацию правоотношений, сложившихся между сторонами спора. В случае если будет установлено, что между сторонами спора сложились гражданско-правовые отношения, суды применяют нормы гл. 60 ГК. Например, по одному из дел окружной суд указал, что взыскание неосновательного обогащения с государственного органа допустимо, поскольку обстоятельства дела полностью исключают квалификацию возникших между участниками спора отношений как отношений, основанных на административном или ином властном подчинении одной стороны другой (см. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от

20.03.2006 № Ф04-717/2005(18867-А45-5))»¹⁵⁶. В Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 17.08.1999 № Ф08-1354/99 был рассмотрен спор между морским портом и судовладельцем о возврате излишне уплаченных портовых сборов. Суд указал, что администрация порта является субъектом гражданско-правовых, а не административных отношений и удовлетворил иски о взыскании суммы неосновательного обогащения.

В одном деле¹⁵⁷ общество с ограниченной ответственностью обратилось к Инспекции Федеральной налоговой службы о взыскании суммы неосновательного обогащения, возникшего в связи с перечислением в бюджет указанной денежной суммы в качестве налога на доходы физического лица, но в удовлетворении указанных требований организации было отказано. Логика суда была такова: в соответствии со статьей 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 ГК РФ. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Согласно пункту 1 статьи 1 НК РФ законодательство

---

¹⁵⁶ Практика применения Гражданского кодекса РФ частей второй и третьей (под общ. ред. В.А. Белова. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Юрайт», 2011.

¹⁵⁷ См. Постановление ФАС Центрального округа от 09.04.2012 № Ф10-387/12 по делу № А23-2072/2011 (Определением ВАС РФ от 30.07.2012 № ВАС-8941/12 отказано в передаче дела в Президиум ВАС РФ, правда, с иной, чем у ФАС ЦО мотивировкой).

Российской Федерации о налогах и сборах состоит из Налогового Кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах и сборах. Налоговый кодекс РФ и принятые в соответствии с ним федеральные законы о налогах и сборах не предусматривают возможность применения к отношениям по возврату уплаченных сумм налога положений гражданского законодательства о неосновательном обогащении. В Постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 16.12.2009 № А29-177/2008 сделан вывод, что возврат из бюджета излишне (ошибочно) уплаченного налога регулируется не статьей 1102 ГК РФ, а статьей 78 НК РФ (с учетом правовой позиции КС РФ, изложенной в определении от 21.06.2001 № 173-О). Постановлением ФАС Западно-Сибирского округа от 15.01.2004 № Ф04/250-1989/А46-2003 было отказано в возврате в порядке неосновательного обогащения излишне уплаченного сбора за природопользование.

Такой же довод применительно к искам о неосновательном обогащении к получателям субсидий и субвенций из государственных бюджетов в случаях, когда денежные средства были выделены из бюджета получателю незаконно, делают суды: в Постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.12.2003 № А78-2094/03-С1-5/53-Ф02-4264/03-С2 отмечено, что бюджетным законодательством не предусмотрено применение норм гражданского законодательства к бюджетным правоотношениям, и учитывая, что иск государственного органа о взыскании с ответчика неосновательного обогащения возник в связи с нарушением последним норм бюджетного законодательства, нормы о неосновательном обогащении в данном деле применению не подлежат, к нарушителям бюджетного законодательства могут быть применены меры принуждения, предусмотренные статьей 282 Бюджетного кодекса¹⁵⁸.

---

¹⁵⁸ Аналогичный вывод был сделан и в иных решениях: см. Постановление ФАС ВСО от 30.06.2005 № А19-32205/04-16-Ф02-3005/05-С2.

Постановлением Президиума ВАС РФ от 25.01.2011 № 8624/10 было отказано в удовлетворении требования о неосновательном обогащении. Судом рассматривалось требование банка к налоговому органу о взыскании неосновательного обогащения, возникшего, по мнению банка, в результате того, что банк был вынужден по решению суда возместить своему клиенту убытки в виде сумм налогов, списанных с расчетного счета на основании ошибочно оформленных инкассовых поручений. По мнению суда, обязанность по восстановлению на счете клиента незаконно списанных денежных средств является мерой гражданско-правовой ответственности банка за нарушение условий договора банковского счета, основанного на риске повышенной ответственности банка. Следовательно, перечисленная банком предприятию денежная сумма во исполнение решения арбитражного суда составляет убыток, возникший в результате неправомерных действий самого банка. Из положений статьи 1102 ГК РФ не следует, что факт привлечения банка к такой ответственности создает условия для квалификации спорной суммы как неосновательного обогащения третьих лиц (в данном случае – инспекции) за счёт его собственных средств. Иное толкование указанной нормы права допускало бы возможность возложения на третьих лиц обязанности по возмещению убытков, возникающих из ненадлежащего исполнения банком договора банковского счета¹⁵⁹.

Тем не менее, данная позиция, отнюдь не однозначна. Определением Конституционного суда РФ от 21.06.2001 № 173-О было указано на необходимость применения к возврату неосновательно перечисленных налогов срока исковой давности согласно пункту 1 статьи 200 ГК РФ. В Определении Конституционного суда от 02.10.2003 № 317-О по отношению к излишне уплаченной сумме косвенного налога – акциза, применительно к

---

¹⁵⁹ Пример взят из Тютин Д.В. Налоговое право. Курс лекций (издание второе, дополненное). - 2012.

ее возврату налогоплательщику Конституционный суд применил термин «неосновательное обогащение».

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 15.07.2010 № 14547/09 суд пришёл к выводу о том, что в ситуации, когда одно лицо платило земельный налог за другое лицо (которое в силу положений закона должно приобрести право на земельный участок), суммы уплаченного налога могут быть взысканы как неосновательное обогащение. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 09.04.2009 № 6318/08 было указано, что у судов нет оснований для отказа во взыскании с продавца сумм неосновательного обогащения в виде излишне полученной суммы налога и процентов за пользование чужими денежными средствами. В Постановлении от 21.12.2010 № 1993/09 Президиум ВАС РФ не только подтвердил такую позицию, подчеркнув, что к требованиям о взыскании сумм налога на добавленную стоимость, уплаченного в составе цены за оказанные услуги по транспортировке товара на экспорт и рассчитанного по налоговой ставке, не предусмотренной законом, подлежат применению нормы о неосновательном обогащении, что предполагает квалификацию отношений как гражданско-правовых, а не налоговых, но и указал, что содержащееся в постановлении толкование правовых норм является общеобязательным и подлежит применению при рассмотрении арбитражными судами аналогичных дел.

Позиция о том, что в случае излишней уплаты налога имеет место неосновательное обогащение публичного субъекта, поддерживается некоторыми учёными, например, Н.А. Шевелева¹⁶⁰. Д.В. Тютин также приводит аргумент в пользу такой позиции: «ст. 2 НК РФ содержит закрытый перечень общественных отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах, но отношения по возврату излишне уплаченного

---

¹⁶⁰ Интервью с Шевелевой Н.А., деканом юридического факультета СПбГУ // Закон. – 2011. – № 5. – С. 13.

(взысканного) налога в него не входят»¹⁶¹. Гринемаер еще до принятия НК РФ отмечал, что является обоснованным вопрос о квалификации излишне уплаченного налога как неосновательного обогащения государства (статья 1102 ГК РФ), а также о предъявлении налогоплательщиком требования об уплате процентов по статье 395 ГК РФ¹⁶².

Поскольку реституция в российском праве носит не исключительно частно-правовой характер, логично сделать вывод, что и применение институт должен находить не только в сфере частного права как следствие недействительности сделки, но и в сфере публичного права.

Широко применяется институт реституции в сфере публично-правовых отношений в странах англо-американской правовой семьи.

Подход, согласно которому реституция применяется в публичной сфере, далеко не сразу нашёл отклик в сердцах учёных и судей в странах англо-американской правовой семьи. В статье конца 50-х-начала 60-х годов Алэн Мьювигт (Alan W. Mewett)¹⁶³ писал, что следует проводить различие между договором, подразумеваемым в силу факта, и договором, подразумеваемым в силу закона. Договор, подразумеваемый в силу факта, может породить реституционные отношения, а договор, подразумеваемый в силу закона – не может.

Например, в деле *Braun v United States*¹⁶⁴ истица обратилась за возвратом суммы, уплаченной сверх установленного законом размера налога на недвижимость, в размере 25 000 \$, но в удовлетворении иска было отказано, поскольку данное обязательство подразумевалось в силу закона, а такие обязательства, как предполагалось длительное время, квазидоговорные

---

¹⁶¹ Тютин Д.В. Там же.

¹⁶² См. Налоги и налоговое право. Учебн. пособие / Под. ред. А.В. Брызгалина. – С. 346.

¹⁶³ Mewett A. W. *The Quasi-Contractual Liability of Governments* //University of Toronto L.J. – 1959. – P. 61.

¹⁶⁴ (1943) 46 F. Supp. 993 (Ct. Cl.).

отношения не создают. В деле *Baltimore and Ohio Railroad Company v United States*¹⁶⁵ суд пришёл к заключению, что подразумеваемый договор (implied agreement), рассматриваемый как основа для компенсации, не может быть договором, подразумеваемым в силу закона, именуемым квазидоговором или конструктивным договором, когда обязательство возникает в силу правовой фикции, обещание одной стороны вытекает из правовой обязанности, налагаемой законом, равно как из обязанности вернуть деньги, полученные в результате мошенничества или противозаконного понуждения под угрозой насилия. Соглашение, подразумеваемое в силу факта, по мнению суда, хоть и закреплено в письменном или ином виде сторонами, демонстрирует соглашение сторон, а поэтому может породить реституционное правоотношение.

Последний вывод всегда подтверждала практика. Так, в деле *Clarke v United States*¹⁶⁶ суд признал наличие обязанности оплатить стоимость судна, предоставленного в аренду Правительству США частной компанией по договору, который в силу несоблюдения формальностей был признан недействительным, поскольку между сторонами был, по мнению суда, подразумеваемый в силу факта договор. В деле *Schepp Company v United States*¹⁶⁷ обстоятельства дела были таковы: стороны планировали заключить договор на поставку кокосов, но во время переговоров часть кокосов была поставлена и принята, договор же так и не был заключен. Суд удовлетворил требование об оплате части поставленных кокосов, поскольку между сторонами был признан существующим подразумеваемым договор.

Суды изначально сформировали позицию, согласно которой государство обязано возмещать денежные затраты частных лиц по подразумеваемым договорам только в случае, если такое возмещение изначально

---

¹⁶⁵ 261 U.S. 592, 597; 43 S.Ct. 425, 426; 67 L. Ed. 816.

¹⁶⁶ (1877) 95 U.S. 539.

¹⁶⁷ (1925) 61 Ct. Cl. 219.

подразумевалось сторонами, и частным лицом, и государством. Поэтому реституция была редким явлением в публичных отношениях на первом этапе развития представлений об обязательствах публично-правовых образований в странах англо-американской правовой семьи.

Тем не менее, еще к первой половине XX века американское право пополнилось рядом судебных решений, в которых возможность применения реституции была признана:

- применительно к возврату оплаченного налога, когда данный налог не подлежал уплате истцом¹⁶⁸;
- применительно к возврату неправомерно наложенного штрафа¹⁶⁹;
- применительно к возврату денежной суммы, незаконно отобранной у невиновного лица¹⁷⁰;
- в ряде случаев, связанных с возвратом платежей, произведённых по ошибке¹⁷¹.

В деле *Kirkendall v United States* суд отметил: когда Правительство незаконно получило денежные средства, которые принадлежат невиновному гражданину, и когда данные денежные средства поступили в Казну Соединённых Штатов Америки, возник подразумеваемый договор, заключающийся в обязанности Правительства произвести реституцию правомерному обладателю данных средств. Правительство забрало деньги истицы и её мужа, и общие требования справедливости и честности требуют, чтобы деньги были возвращены. Соединённые Штаты должны быть честны в отношениях с гражданами, равно как и к гражданам предъявляется требование исполнять честно свои обязательства перед Правительством.

---

¹⁶⁸ *Eastman Kodak Co. v United States* (1941), 34 F.

¹⁶⁹ *Kirkendall v United States* (1940), 31 F. Supp. 766.

¹⁷⁰ *Carver v. United States* (1883), 16 Ct. Cl. 361; affirmed 111 U.S. 609.

¹⁷¹ Данные судебные решения взяты из статьи Алэна Мьивитта.

В английском деле *Feather v The Queen* судья Кокбёрн (Cockburn C.J.) писал, что единственные случаи, когда петиция о праве в адрес Короны подлежит удовлетворению – это ситуации, когда земля или товары оказались у Короны, и предъявляется иск о реституции. В частности, подлежали возврату оплаченные по ошибке государству денежные средства¹⁷². На возврат неправильно оплаченных налогов данные нормы не распространялись¹⁷³. В деле *Sebel Products Ltd. v Commissioners of Customs and Excise*¹⁷⁴ судья Вейси (Vaisey J.), рассматривая спор о возврате ошибочно уплаченных сумм налога, отметил: «как правило, не так просто найти лицо в департаменте правительства (только так я могу определить ответчиков), которое выступает лицом, наделённым властью связывать весь департамент правовыми обязательствами, либо отказываться от каких-либо прав. В настоящем деле я не могу обнаружить выраженный договор, даже если предположить, что должностное лицо имеет на это право. Вопрос, который действительно должен быть задан, заключается в том, с какой целью были уплачены деньги, и было ли намерение у ответчика получать эти денежные средства. Если намерение было у обеих сторон, обязательство признаётся существующим»¹⁷⁵.

На первом этапе, когда реституция в публичных отношениях была признана допустимой, она применялась только если на то было частноправовое основание (например, ошибочный платёж).

В настоящий момент в странах англо-американской правовой семьи приняты следующие основополагающие судебные акты:

---

¹⁷² *Stern v The Queen*, [1896] 1 Q.B. 211.

¹⁷³ См. *Holborn Viaduct Land Company, Limited v. The Queen* (1887), 2 T.C. 228, 52 J.P. 341; *William Whitely Limited v. The King* (1909), 101 L.T.R. 741.

¹⁷⁴ [1949] Ch. 409.

¹⁷⁵ Перевод мой (А.Дж.)

1) Woolwich Equitable Building Society v Commissioners of Island Revenue¹⁷⁶

В деле был сделан вывод, что денежные средства, выплаченные гражданином государству в виде налогов или иных обязательных платежей, наложенных на лицо публичным органом с превышением своих полномочий, подлежат возмещению такому лицу. Причём уплата налога не зависит от того, была ли допущена ошибка, было ли понуждение со стороны публичного образования, и был ли заключен договор.

Вместе с тем, как справедливо указывается в литературе¹⁷⁷, не определены пределы действия «принципа дела Вулвич» (Woolwich principle) – распространяет ли он своё действие только на суммы сверх уплаченного налога, что имело место в рассматриваемом деле. Лорды Гофф (Lord Goff) и Броун-Вилкинсон (Lord Browne-Wilkinson) предположили, что данный принцип подлежит применению ко всем ситуациям, когда публичная власть действует с превышением своих полномочий. Судебными решениями «действие принципа дела Вулвич» было распространено на взыскание уплаченных правительственных сборов¹⁷⁸ и уплаченных налогов, когда такая уплата противоречила законодательству Европейского Союза. Не содержит судебный акт ответа на вопрос о том, в каких формах может проявляться превышение полномочий – в самом деле речь шла об издании незаконного акта.

Судебное решение принципиально важно тем, что суд ввёл новое основание реституции – публичное основание – превышение

---

¹⁷⁶ [1993] AC 70.

¹⁷⁷ Halliday P. Restitution and public bodies: overview and update // Jud. Rev. – 2007. Vol. 12. – P. 178.

¹⁷⁸ См. Waikato Regional Airport Ltd v. A-G.

полномочий публично-правовым образованием. В целом можно утверждать, что в данном деле отражена в зачаточном состоянии теория абстрактного основания, используемая системами континентальной правовой семьи.

2) *Deutsche Morgan Grenfell Group Plc v Her Majesty's Commissioners of Inland Revenue and Another*¹⁷⁹

В деле был сделан вывод, что наличие специального основания для применения реституции в виде превышения полномочий государственным органом не лишает налогоплательщика, ошибочно произведшего налоговые платежи, требовать применения реституции по основанию ошибки (последняя опция является более выгодной для истца в связи с иным порядком исчисления срока давности).

3) *Sempra Metals Limited v HM Commissioners of Inland Revenue*¹⁸⁰

Судом был сделан вывод, что требование о возмещении сложных процентов подлежит удовлетворению вне зависимости от того, сможет ли истец доказать их.

4) *British Steel plc v. Custom Exercise Commissioners*¹⁸¹

Судья Ричард Скотт (Sir Richard Scott V-C) в деле сделал следующий вывод: любое незаконное требование осуществить действия/оплатить денежные средства, по сути, является действием публичной власти с превышением своих полномочий. Независимо от того, предъявляется ли незаконное требование по уплате налога в связи с изданием недействительного нормативного акта, в связи с ошибочными представлениями о правовом действии имеющих силу правовых актов, либо в связи с ошибочными представлениями о фактических

---

¹⁷⁹ [2006] UKHL 49, [2007] 1 AC 558.

¹⁸⁰ [2007] UKHL 34.

¹⁸¹ [1997] 2 All ER 366.

обстоятельствах, такое требование делается с превышением полномочий налогового органа. В таких ситуациях налогоплательщик имеет право в рамках общего права на реституционное возмещение оплаченных денег.

5) *Auckland Harbour Board v R*¹⁸²

Судья Халдейн (Viscount Haldane) заключил, что любые выплаты из консолидированного фонда без согласия Правительства незаконны и совершены с превышением полномочий, и могут быть взысканы с Правительства.

6) *Metropolitan Borough Council v Svenska International plc*.

В настоящем деле местная власть, платившая деньги по обменному договору, вернула денежные средства по основанию «отпадения встречного удовлетворения» (total failure of consideration).

7) *Kleinwort Benson Ltd v Lincoln City Council*¹⁸³

Суд в данном деле отказался от устаревшего представления и признал основанием реституции ошибку в праве.

8) *O'Reilly v Mackman*¹⁸⁴

Апелляционный суд в деле сделал вывод, что частному иску о возврате уплаченных топливных платежей не обязательно должно предшествовать оспаривание полномочий органа, в пользу которого была исполнена обязанность, этот вопрос может быть решён одновременно с удовлетворением иска.

9) *FII Group Litigation v Commissioners for Her Majesty's Revenue and Customs*¹⁸⁵

---

¹⁸² [1924] AC 318.

¹⁸³ [1998] 3 W.L.R. 1095.

¹⁸⁴ [1983] 2 AC 237.

¹⁸⁵ [2008] EWHC 2893 (Ch), [2008] STI 2726.

Судья Хендерсон (Henderson J) заключил, что теория изменения позиции (the change of position) не подлежит применению в ситуациях, связанных с незаконным взиманием налогов.

При этом сделаны следующие принципиальные выводы:

- на публично-правовые образования распространяет действие частное реституционное право;
- в ряде случаев применяется статутное право на реституцию против органов государственной власти (например, за неправильно уплаченный подоходный налог, корпоративный налог, налог на прибыль юридических лиц, транспортный налог);
- дополнительно к гражданско-правовым основаниям для реституции, которые применимы к реституции в публичном праве, существует ещё одно основание: превышение публично-правовым образованием своих полномочий.

Таким образом, реституция в публичной сфере – достаточно распространённое явление в странах англо-американской правовой семьи. Вместе с тем, данные страны не могут быть названы первопроходцами в данном вопросе.

В Постановлении ЕСПЧ от 16.04.2002 по делу «Данжвиль» против Франции¹⁸⁶ сделан вывод о том, что сумма налога, подлежащая возврату со стороны властей заявителю в связи с неправомерно уплаченными суммами НДС, по сути, представляет собой имущественное право и, таким образом, может считаться «имуществом» в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Право на возмещение косвенного налога из бюджета расценивается ЕСПЧ сходным образом: в постановлении ЕСПЧ от 22.01.2009 по делу «Булвес» АД против Болгарии сделан вывод, что заявитель может ссылаться на нарушение статьи 1 Протокола № 1 только в случаях, когда оспариваемые решения затрагивают его «собственность» в

---

¹⁸⁶ <http://echr.ru/documents/doc/2462777/2462777-006.htm#11021>.

смысле указанной статьи. Собственность может включать как «существующую собственность», так и активы, включая требования, в отношении которых заявитель может утверждать, что у него имеются, по крайней мере «правомерные ожидания» осуществления своего имущественного права. Такое понимание налога позволяет применить к нему реституцию. Применительно к европейскому законодательству вывод о применении реституции был сделан в деле *Lady & Kid A/S v Skatteministeriet (C-398/09) and Ministre du Budget, des Comptes Publics et de la Fonction Publique v. Accor SA (C-310/09)*¹⁸⁷.

Реституция широко применяется в публичной сфере во Франции и в ряде других стран.

С теоретической точки зрения стоит проблема – найти баланс между публичным интересом (потому что зачастую денежные средства, подлежащие возврату в качестве неосновательного обогащения вместе с процентами за неправомерное пользование – это огромные суммы, которые, к тому же, на момент предъявления иска могут быть потрачены на общественные или государственного/иного уровня важности дела, либо отражены в бюджете для конкретных целей) и частным интересом лица, произведшего платежи без надлежащего правового основания. В деле Вулвич судьи пришли к заключению, что если налогоплательщик оплатил налоги, полагая, что законодательство предусматривает право на реституцию излишне и неправильно оплаченных налогов, право суда или трибунала определять возможность применения реституции, основываясь на соображениях целесообразности – слишком существенное дискреционное полномочие такого суда/трибунала.

Комиссия по праву в Англии (Law Commission) в этой связи предложила ограничить действие реституции в публичной сфере:

---

¹⁸⁷ [2012] S.T.C. 438 (ECJ (1st Chamber)).

- в ситуациях, когда её применение повлечёт существенные фискальные трудности для соответствующего публичного образования;
- создать специальные суды для рассмотрения таких споров;
- рассматривать изменение подхода к правовой проблеме – изменение позиции судов или государственных органов – как основание для отказа в удовлетворении иска о применении реституции.

Компромисс отчасти заключается в позиции, согласно которой, в случае, если лицо не несло никаких расходов в связи с неосновательным обогащением государственного органа, реституция не осуществляется (например, хоть налог был незаконно оплачен, но бремя его несли покупатели).

Реституция в публичной сфере может иметь широкую сферу действия и применяться, в частности:

- когда речь идёт о неправомерно взысканных налогах, иных обязательных платежах в бюджет любого уровня, таможенных, акцизных сборах, регистрационных сборах (за регистрацию объектов недвижимого имущества и сделок с ним, регистрацию юридических лиц и прочее, при незаконном отказе в регистрации), плате за проведение экспертизы, когда её проведение не было обязательно по закону, но государственный орган потребовал проведения экспертизы под угрозой невыдачи разрешительной и иной аналогичной документации, плате за оказание государственной услуги, если в осуществлении государственной функции было отказано по не указанным в нормативных актах основаниям, либо если она была оказана с превышением полномочий (в частности, неуполномоченным органом);

– во всех случаях неосновательного обогащения публично-правового образования за счёт частного лица.

В широком смысле реституция – это и возмещение собственнику изымаемого земельного участка его стоимости. Реституцией должны охватываться все ситуации незаконного использования чужого имущества публично-правовыми образованиями: размещение муниципального или государственного участка частично на земельном участке, находящемся в частной собственности, возложение на частное лицо (равно как и создание таких условий, когда лицо вынуждено осуществлять такие действия) социальных обязательств – по созданию сетей инженерно-технического обеспечения жилых домов, любые формы строительства, когда государство неосновательно обогащается за счёт действий частных лиц (например, строительство автодороги с использованием проложенного частным лицом участка дороги).

Так, в отношении излишне уплаченных налогов в Налоговом кодексе действует специальная норма – статья 78 НК РФ. В первую очередь применению подлежит она. Но во всех ситуациях, когда случай не описан в законе, нормативные правовые акты не предусматривают специальные основания для применения реституционного требования, применению подлежат общие нормы о реституции. К тому же, если законодатель специально не оговорил иное, к любому реституционному требованию, в частности, существующему в публичной сфере права, применяются общие гражданско-правовые принципы и нормы (например, сроки давности, принцип соразмерности, нормы о необходимости уплаты процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами).

Поскольку реституция также должна сохранить субсидиарный характер, нормы об особенностях неосновательного обогащения в частном праве, об особенностях неосновательного обогащения, произошедшие в связи с признанием сделки недействительной, могут сохраниться, если законодатель

сочтёт такие особенности существенными (например, в настоящее время суд имеет в ряде случаев право применять самостоятельно последствия недействительности сделок, но не имеет право применять самостоятельно последствия незаконного перечисления денежных средств в бюджеты разных уровней – если действительно такое различие обоснованно, оно может сохранить силу как на законодательном уровне, так и на уровне толкования права, в частности, даваемого судебными органами).

Реституция, кроме того, может быть расширена, за счёт включения в себя гражданско-правовых последствий коррупционных правонарушений. В настоящий момент Россией ратифицирован ряд конвенций против коррупции. Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию ETS № 174 от 04.11.1999 Россия не ратифицировала, однако данная конвенция содержит ряд интересных положений, в частности, согласно статье 5 лицо, понесшее ущерб в результате акта коррупции, совершенного публичными должностными лицами в ходе осуществления ими своих функций, имеет право требовать возмещения ущерба от государства. Цитируя данную норму, М.Н. Илюшина отмечает: «как самостоятельная правовая форма гражданско-правовой ответственности за коррупционное правонарушение может быть использован гражданско-правовой институт обязательств вследствие причинения вреда, предусмотренный гл. 59 ГК РФ», поскольку этот институт «пригоден для принуждения коррумпированных чиновников к полному или частичному возмещению имущественного вреда, нанесённого государству или муниципальному образованию»¹⁸⁸. Тем не менее, в ряде случаев реституция более выгодна была бы для публично-правовых образований, поскольку для применения неосновательного обогащения, очевидно, не требуется доказывать наличие и размер вреда.

---

¹⁸⁸ М.Н. Илюшина Недействительность сделок как гражданско-правовое последствие коррупционных правонарушений // Законы России: опыт, анализ, практика – 2009. – № 12.

Необходимо, принимая положение о реституции к публично-правовым отношениям, указать специально в законе, что применение реституции не исключает возможность предъявления заявителем иска об убытках, в размере, превышающем выплачиваемые суммы в рамках иска о реституции (то есть сделать исключение для частного случая из принципа недопустимости конкуренции исков).

Таким образом, в странах Европы и в англо-американской правовой семье признается возможность применения реституции к публичным отношениям. Поскольку реституция в российском праве носит не исключительно частно-правовой характер, логично сделать вывод, что и применение институт должен находить не только в сфере частного права как последствие недействительности сделки, но и в сфере публичного права. Реституция должна найти применение в части бюджетных, налоговых отношений, включить в себя гражданско-правовые последствия коррупционных правонарушений.

ВЫВОД: Проведенный анализ понятия реституции в России и странах англо-американской правовой семьи показал существенные отличия данного института в рассматриваемых правопорядка и позволяет сделать диссертанту следующие выводы:

- 1. В действующем российском законодательстве реституция охватывает только отношения, связанные с недействительностью сделки, исключая из правового регулирования ситуации незаключенности сделок, расторжения договора и иные. Реституция в англо-американском праве включает значительный перечень ситуаций, в т.ч. возникает в результате некоторых правонарушений и овладения вещным правом без надлежащего правового основания.**

- 2. Применительно к неосновательному обогащению в российском праве используется принцип «отсутствия основания», а для применения реституции необходимо наличие «несправедливого фактора» в виде недействительной сделки (конкретно названо основание для применения норм права). Первый подход характерен для неосновательного обогащения в странах континентальной системы права, второй – англо-американской. Российским законодательством используются, таким образом, одновременно два критерия. Между тем, нет оснований для смешения двух различных подходов.**
- 3. Реституция должна рассматриваться как универсальная мера защиты, применяемая при любом предоставлении, не имеющем правового основания (либо имеющем такое основание изначально, если оно отпало впоследствии).**
- 4. К отличительным чертам реституции в странах англо-американской правовой семьи, не характерных для российского права, относятся:**
  - отсутствие исчерпывающего перечня ситуаций, когда реституция подлежит применению;**
  - отсутствие критериев реституции;**
  - очень широкое применение института;**
  - моральное основание признается достаточным для применения реституции;**
  - сильная связь между реституцией и неосновательным обогащением;**
  - возможность применения реституции к публично-правовым отношениям;**
  - реституция может применяться даже тогда когда обогащения как такового не произошло.**

5. Есть все основания для расширения сферы применения реституции и использования ее в качестве универсальной меры, применимой к отношениям, носящим публично-правовой характер (излишне уплаченные налоги и аналогичные платежи, неправомерно наложенные штрафы, неправильно произведенные платежи за осуществление государственной функции).

ГЛАВА III. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕСТИТУЦИИ

§ 3.1. Характер реституционных правоотношений

Гражданские права и обязанности существуют в рамках гражданских правоотношений. Реституционное правоотношение так же, как и любое иное правоотношение предполагает наличие у обеих сторон прав и обязанностей. Однозначно следует согласиться с Д.О. Тузовым, который указывает на то, что «несмотря на отсутствие в пункте 2 статьи 167 ГК РФ упоминания о *правах*, последние также составляют содержание реституционного правоотношения наряду с корреспондирующими им обязанностями».

Единого мнения по вопросу о характере реституционного правоотношения в современном российском праве в литературе нет, высказано множество точек зрения. Разногласия касаются, в том числе, вопроса о том, является реституционное правоотношение материальным или процессуальным.

Ряд учёных рассматривает реституционное правоотношение как процессуальное. Так, Г.Л. Осокина, полагая, что гражданское, семейное, трудовое и жилищное законодательство (законы) помимо материально-правовых норм (регулятивных и охранительных) содержат также гражданско-процессуальные нормы, отмечает: «ст. 11, 12, 152 ГК РФ носят гражданский процессуальный характер»¹⁸⁹, и относит реституционные отношения к предусмотренным гражданским законодательством гражданско-процессуальным отношениям.

Р.С. Бевзенко, описывая принцип приобретения и осуществления физическими и юридическими лицами гражданских прав своей волей и в своём интересе (норма пункта 2 статьи 1 ГК РФ), ссылается на весьма своеобразную судебную практику. Истец обратился в суд с иском о

---

¹⁸⁹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М. – Издательство «НОРМА», 2-е издание, переработанное. – 2008.

взыскании с ответчика процентов за пользование чужими денежными средствами, предусмотренных статьей 395 ГК РФ, и указал, что он является кредитором по денежному обязательству, возникшему на основании исполнительного листа арбитражного суда, который не был исполнен должником в добровольном порядке. Суд первой инстанции, выводы которого поддержал окружной суд, в удовлетворении исковых требований отказал, указав, что неисполнение исполнительного листа регламентируется не нормами ГК РФ, а нормами АПК РФ и другими федеральными законами. Далее суд указал, что спорные правоотношения не имеют признаков, присущих гражданским правоотношениям, в частности, в отношениях по исполнению вступившего в законную силу решения суда отсутствует признак осуществления своих гражданских прав своей волей и в своем интересе. Исполнение решения суда на основании исполнительного листа не является, по мнению окружного суда, свободным волеизъявлением участников процесса, так как в данном случае после принятия судом решения наступает следующая стадия арбитражного процесса – исполнительное производство, регулируемое нормами закона об исполнительном производстве. В итоге окружной суд пришел к выводу, что обязанность должника исполнить судебное решение не является гражданско-правовой обязанностью. Окружной суд указал, что, получив исполнительный лист, истец должен был обратиться за принудительным исполнением решения суда к судебному приставу-исполнителю, а не ждать добровольного исполнения решения с тем, чтобы причинить вред другому лицу предъявлением дополнительных санкций¹⁹⁰.

---

¹⁹⁰ Постановление ФАС ЗСО от 29.03.2001 № Ф04/885-245/А45-2001. Пример приведён в Практике применения Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой (под общ. ред. В.А. Белова) – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство «Юрайт». - 2011. - С. 59-60.

Ученый отмечает неправильность данной позиции, указывая, что подобное толкование пункта 2 статьи 1 ГК РФ «является грубейшей ошибкой, свидетельствующей о совершеннейшей некомпетентности судей»¹⁹¹. Вместе с тем, наличие такого судебного акта – показатель того, что и среди судей иногда встречается мнение, следуя логике которого приходишь к выводу о том, что реституционные отношения – гражданско-процессуальные, поскольку их возникновение часто не вытекает из принципа осуществления прав в своём интересе. Часто реституция осуществляется по решению суда (гораздо чаще, чем исполнение по иному рода обязательствам). Следуя той же логике, которая была высказана в приведенном примере судом, можно любое исполнение обязанности назвать противоречащей гражданско-правовым принципам, как, например, возврат арендованного имущества по истечении срока действия договора – вряд ли в этом случае можно говорить о том, что всегда будет налицо интерес арендатора в возврате имущества, а тем более его волеизъявление на это.

Если же вернуться к высказанному Г.Л. Осокиной мнению и его обоснованию, то с посылом – гражданское законодательство содержит нормы иных отраслей права, следует согласиться. Однако из этого вовсе не следует, что к таким нормам относится статья 12 ГК РФ, и что реституция носит процессуальный характер.

Одним из важных признаков гражданско-процессуальных правоотношений традиционно называют (первой же особенностью называет его и Г.Л. Осокина) то, что обязательным субъектом выступает суд. Как справедливо указал В.П. Мозолин, «выделение суда из числа всех остальных субъектов гражданско-процессуального правоотношения, помимо указания на властный характер гражданско-процессуального правоотношения, подчёркивает ещё и другую его особенность. В определении правоотношения нами указывается, что оно является отношением между судом, с одной

---

¹⁹¹ Там же, с. 59-60.

стороны, и участвующими в деле заинтересованными лицами и органами государства, с другой. Это значит, что в гражданском процессе нет *процессуальных* правоотношений ни между самими участвующими в деле заинтересованными лицами и органами государства (истцы, ответчики, третьи лица с самостоятельными исковыми требованиями, третьи лица без самостоятельных исковых требований, представители сторон и третьих лиц, прокурор во всех его формах участия в процессе, стоящий на страже интересов государства и трудящихся масс), ни между ними и свидетелями, экспертами, переводчиками, так как по отношению друг к другу у них нет процессуальных прав и обязанностей. Во всех случаях одним из субъектов процессуального правоотношения является суд. Так, например, истец без разрешения суда не может в судебном заседании задать вопрос ответчику, не говоря уже о совершении других процессуальных действий. Даже при наличии разрешения суда ответчик даёт ответ не истцу, а суду»¹⁹².

В этой связи реституционные отношения не могут быть признаны гражданско-процессуальными, они возникают между сторонами недействительной сделки, а не стороной сделки и судом.

Гражданско-процессуальные отношения всегда носят властный характер. Гражданско-процессуальное правоотношение «изначально возникает и существует как отношение *юридическое*, за которым нет фактического, т.е. такого, которое могло бы существовать в абсолютно свободном от правового воздействия виде»¹⁹³. Процессуальные отношения не существуют без нормы права, пока не появится норма, нет правоотношения.

Очевидно, что и без властного принуждения стороны сделки могут привести своё положение в первоначальное. Суды часто исходят из

---

¹⁹² Мозолин В.П. О гражданско-процессуальном правоотношении // Советское государство и право. Издательство академии наук СССР. – 1955. – № 6. - С. 56.

¹⁹³ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М. – Издательство «НОРМА», 2-е издание, переработанное. – 2008. - С. 62.

признания возможности заключения сторонами добровольно соглашения о порядке произведения реституции по признанной недействительной сделке¹⁹⁴. Авторы Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации указывают, что на законодательном уровне необходимо расширить круг последствий несоответствия договора (сделки) требованиям закона по сравнению с общими последствиями недействительности сделки (статья 167 Кодекса) для сторон договора, исполнение которого связано с осуществлением предпринимательской деятельности, позволив сторонам заключать соглашения о возвращении полученного по недействительной сделке, заключать соглашения о последствиях недействительности договора¹⁹⁵.

Представляется, что правильный вывод делают из Концепции О.Н. Ермолова и Е.А. Мотыван: «рассуждая логически, соглашение сторон о последствиях недействительности договора является одним из условий договора либо самостоятельным договором. Что будет составлять предмет такого соглашения, если не реституция: передача иных вещей, прощение долга, предоставление прав, отказ от прав, совершение иных действий, воздержание от совершения?»¹⁹⁶.

---

¹⁹⁴ В отличие от соглашения о признании сделки недействительной – такое соглашение, включая мировое соглашение, не имеют правовой силы (например, в Постановлении ФАС Поволжского округа от 24.05.2005 по делу № А65-18693/2004-СГЗ-13 суд пришёл к выводу, что признание сделки недействительной по основаниям ее ничтожности и признание недействительной государственной регистрации права собственности на объект недвижимого имущества) не позволяет в силу ч. 2 ст. 139 АПК РФ, ст. 168 ГК РФ разрешить спор с использованием примирительных процедур).

¹⁹⁵ П. 7.1. Концепции развития гражданского законодательства РФ (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

¹⁹⁶ Ермолова О.Н., Мотыван Е.А. Общие положения о договорах в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. – 2011. – № 1.

Процессуальные отношения производны от материальных, они предусматривают процедуру осуществления прав и обязанностей субъектов права, порядок разрешения юридического дела, носят управленческий характер. Существо дела – содержание материальных отношений. Реституционные отношения определяют права и обязанности сторон недействительной сделки.

На этом основании следует отвергнуть теорию о том, что реституционные правоотношения суть процессуальные. Реституционные отношения в действующем российском праве являются материальными. Данный подход следует признать оправданным.

Природа реституционных отношений в англо-американском праве крайне сложна. Довольно часто учёные, анализируя природу реституции, отмечают сильный процессуальный аспект, например, Стефан Смит (Stephen A. Smith) писал, что реституция может рассматриваться как способ защиты права, и в этом смысле является процессуальным правоотношением¹⁹⁷. Осакве писал, что реституция может рассматриваться в двух ипостасях – как обязательство (*obligation*) и как универсальная мера защиты (*remedy*).¹⁹⁸ Обязательство – материально-правовое, мера защиты – процессуальное правоотношение.

Следует отметить, что понимание реституции как универсальной меры защиты права в России не изменит материальной природы данного правоотношения, реституция останется материальным правоотношением.

Спорным является и вопрос о том, к какому виду отношений относятся реституционные правоотношения – регулятивным или охранительным.

---

¹⁹⁷ Smith S. The Structure of Unjust Enrichment Law: is Restitution a Right or a Remedy // *Loyola of Los Angeles Law Review*. – 2002. – Vol. 36. – P. 1037.

¹⁹⁸ Осакве К. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика // *Журнал российского права*. 2007. - № 5.

Большое число исследователей проблемы недействительности сделок и применения последствий недействительности сделки называют существующие в современном российском праве реституционные отношения охранительными. «Регулятивная функция права заключается в установлении моделей поведения субъектов правоотношений»¹⁹⁹, когда поведение выходит за рамки модели и противоречит нормам права, речь начинает идти об охранительных отношениях – так объясняют охранительный характер реституционного правоотношения.

Регулятивные нормы права предусматривают права и обязанности субъектов права. «В рамках регулятивных правоотношений субъекты права реализуют свои права и исполняют свои обязанности согласно правовому предписанию, в целях упорядочения и развития данной системы общественных отношений, а государство вмешивается только в случае необходимости помощи субъектам в реализации их прав и свобод. Регулятивные правоотношения направлены на закрепление и регламентацию социальных связей в их нормальном, желательном для общества состоянии, на удовлетворение законных прав и интересов субъектов права»²⁰⁰.

В свою очередь охранительные правоотношения возникают в результате противоправных действий, служат защите нормального порядка отношений, всегда, если возникают, свидетельствуют об аномальности возникших отношений. В качестве исключения гражданское законодательство предусматривает наступление охранительного правоотношения и в результате правомерного поведения.

---

¹⁹⁹ Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок. – М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ». – 2002. – С. 39.

²⁰⁰ Томилова Ю.Ю. Охранительное правоотношение в механизме правового регулирования: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2004. – С. 108.

Охранительные и регулятивные отношения отличаются по социальному назначению, по основаниям возникновения, содержанию субъективных прав и обязанностей, правовым последствиям, наступающим при неисполнении охранительной обязанности²⁰¹. Считается, что только регулятивные отношения могут быть направлены на достижение положительного результата, охранительные – защищают уже созданное.

Охранительные отношения преследуют цель защиты интересов общества. Можно сказать, что такую цель отчасти преследуют и реституционные отношения, поскольку тесно связаны с институтом недействительности сделок, к которым в нашем правосознании сложилось резко отрицательное отношение, и которые часто признаются авторами правонарушением.

Охранительные отношения направлены на воздействие на нарушителя. В них есть всегда управомоченный и обязанный, и при этом государство всегда присутствует в таких отношениях. Родоначальник теории охранительных правоотношений Н.Г. Александров, писал, что «нарушение правовой нормы ведёт к возникновению между правонарушителем и компетентным органом государства особого (правоохранительного) правоотношения, имеющего целью применение к нарушителю определённой санкции в случае подтверждения неправомерности совершённого действия»²⁰². Данная позиция впоследствии претерпела изменения, некоторые авторы начали говорить лишь о потенциальной связи, взаимодействии с государством, и если придерживаться такой позиции, то все перечисленные признаки присущи и реституционным отношениям.

---

²⁰¹ См. подробнее: Томилова Ю.Ю. Охранительное правоотношение в механизме правового регулирования. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук или Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург. – 2010.

²⁰² Александров Н.Г. Законность и правоотношение в советском праве. М., 1955. – С. 134.

Реституция может исполняться добровольно, вместе с тем, возникать добровольно реституционные отношения не могут. Государство имеет возможность вмешаться, применив санкцию.

Как правило, в регулятивных отношениях субъективное право выступает как правомочие (юридические возможности, предоставленные субъекту), а в охранительных – как притязание (возможность управомоченного лица обратиться к компетентным государственным органам за защитой своего права).

Часто отмечают, что для охранительных отношений характерно, что одна сторона является только кредитором, а другая только должником. Например, О. А. Чаусская пишет: «В большинстве обязательственных правоотношений каждый из участников наделен и правами, и обязанностями, т.е. является и кредитором и должником», но «в некоторых обязательствах один из участников является только кредитором, а другой только должником», это характерно «и для охранительных обязательств, в которых потерпевший выступает кредитором, а правонарушитель – должником»²⁰³. Двусторонняя же реституция – отношение взаимообязывающее, двустороннее, каждая сторона может быть названа одновременно и должником и кредитором, и это могло быть основанием для того, чтобы опровергнуть отнесение реституционного правоотношения к охранительным отношениям. Вместе с тем, следует признавать более правильной позицию, согласно которой реституция состоит из двух отношений, в каждом из которых есть сторона-кредитор и сторона-должник.

Д. Н. Кархалев провёл большой анализ охранительных правоотношений и в своей классификации отнёс реституцию к восстановительным

---

²⁰³ Чаусская О.А. Гражданское право. Учебник. М.: Дашков и К, 2007.

охранительным правоотношениям²⁰⁴. Восстановительные охранительные отношения, по его мнению, характеризуются тем, что направлены на обеспечение защиты конкретного нарушенного субъективного права; они не прекращают существующие регулятивные отношения; их отличает императивный характер правового регулирования, а при неисполнении обязательств «возникает также субохранительное правоотношение²⁰⁵ по уплате процентов годовых или возмещению убытков»²⁰⁶.

С такой позицией следует согласиться. Действительно, есть основания для того, чтобы рассматривать реституционное отношение как охранительное.

В связи с тем, что, в отличие от континентальной правовой системы, для стран англо-американской правовой семьи характерно отсутствие четкого деления на отрасли права, а изучаются преимущественно правовые институты, рассмотрение вопроса о том, относятся реституционные отношения к процессуальным или материальным, не представляется имеющим научную ценность.

Таким образом, в российском праве реституционное отношение рассматривается как материальное, и должно регулироваться нормами гражданского законодательства, а не процессуального права. Реституционное отношение – суть охранительное правоотношение: оно не возникает добровольно, направлено не на достижение положительного результата, а на защиту уже возникших отношений, в конечном счете,

---

²⁰⁴ Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург. – 2010.

²⁰⁵ О возможности применения «субохранительного правоотношения» к реституционному свидетельствует практика: например, содержится в Постановлении ФАС Московского округа от 15.03.2010 № КГ-А40/1578-10 по делу № А40-23520/09-102-272.

²⁰⁶ Кархалев Д.Н. Указ. Соч., - С. 9.

преследует цель защиты интересов общества, право при реституционных отношениях выступает не как правомочие (юридическая возможность, предоставленная субъекту права), а как притязание (возможность управомоченного лица обратиться к компетентным государственным органам за защитой своего права).

§ 3.2. Характер реституции – имущественная природа, спор о вещной и обязательственной природе реституции

Действующее российское законодательство не дает однозначного ответа на вопрос о том, имеет ли реституционное отношение имущественный характер.

ВАС РФ неоднократно высказывался против признания имущественной природы реституции. В частности, в Постановлении ВАС РФ от 26.03.2013 № 15069/12 суд рассматривает позиции судов и приходит к выводу об ошибочности позиции об имущественном характере реституционного требования, поскольку «требование по своей сути является требованием не о взыскании долга, а о приведении сторон в первоначальное положение, существовавшее до совершения сделок, с возвратом продавцу отчужденных им акций, а покупателям – денежных средств и векселей, переданных в счет оплаты акций (двусторонняя реституция)». При этом какова же природа реституции, решено не было.

В юридической литературе можно встретить мнение о том, что реституция имеет вещный характер, а иски о применении последствий недействительности ничтожных сделок в виде истребования имущества выступают в качестве гражданско-правового средства защиты интересов собственника и иных титульных владельцев²⁰⁷. Объясняется это направленностью реституции на возврат вещи, которая находилась во владении. Вместе с тем, такое мнение не является преобладающим. По

---

²⁰⁷ Тузов Д.О. Реституция и виндикация: проблемы соотношения // Вестник ВАС РФ. - 2002. - № 3. - С. 119.

мнению Д.И. Степанова, реституционные требования, «строго говоря, вообще не являются исками, направленными на защиту владения или вещных прав», а представляют собой «не более чем технический прием для приведения сторон в то положение, которое существовало до совершения недействительной сделки»²⁰⁸. С.А. Сеницын также оспаривает данное мнение по той причине, что оно не вытекает из закона, и «требование о применении реституции всегда адресовано конкретному лицу, независимо от того, имеется ли у него право на спорную вещь», вместе с тем, отмечает, что «с позиций современной судебной практики иски о применении последствий недействительности сделок играют не последнюю роль в механизме защиты права собственности»²⁰⁹.

Возьмём характерные черты вещных прав (как они традиционно воспроизводятся российскими учёными)²¹⁰:

- Закрепление принадлежности вещей субъектам гражданского права, т.е. статика имущественных отношений, а не динамика; обладатель вещного права имеет хозяйское властное господство над вещью.

Ни о чём таком речи не может быть при реституционных отношениях. Более того, не важно, обладает ли хотя бы из сторон сделки правом собственности на имущество. Нет и статики в отношениях.

---

²⁰⁸ Степанов Д.И. Защита прав владельца ценных бумаг, учитываемых записью на счете. М.: Статут, 2004 // Цит. по Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010.

²⁰⁹ Сеницын С.А. Виндикация, реституция и кондикция: проблемы соотношения // Законодательство. - 2003. - № 3.

²¹⁰ Взято из статьи: Гаврилов Е.В. Понятие и признаки права собственности: комплексный подход // Законодательство и экономика. – 2010. - № 11. - С. 8 - 11. Указанный набор принципов универсален, приводится рядом учёных.

- Абсолютный характер права: уполномоченному лицу корреспондируют обязательства неопределенного круга лиц. Изначально определен только один субъект – обладатель вещного права.

В реституционных правоотношениях всегда известны заранее обе стороны, которые выступали сторонами сделки. Даже отношения, возникающие при предъявлении виндикационного иска, нельзя относить к абсолютным отношениям.

- Бессрочный характер права: изначально точно не известно, когда вещное право прекратится, и прекратится ли вообще.

Снова не характерный для реституции признак.

- Наличие «права следования»: вместе с переходом вещи к другому лицу переходит и вещное право на эту вещь.

Как верно указывает В.Н. Соловьева, при утрате приобретателем владения, даже при наличии вещи в натуре, в ее возврате в рамках реституции должно быть отказано. «Основание утраты владения значения не имеет: не важно, утрачено владение в силу сделки отчуждения (Постановление ФАС Центрального округа от 03.05.2006 по делу № А14-1184/05-25/22), в частности договора купли-продажи, сделки по передаче права пользования и (или) владения имуществом, например договора аренды, либо вообще без правового основания (например, в результате неосновательного обогащения)»²¹¹.

- Публичность: закон очерчивает пределы хозяйского властного господства лица над вещью, не допускает беспредел в интересах

---

²¹¹ Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость: науч.-практич. пособие по применению гражданского законодательства (под общ. ред. В.Н. Соловьева). - М.: «Издательство Юрайт», 2010.

частных лиц (например, соседей) и в общегосударственных интересах.

Реституции присущ только последний признак – многие ученые совершенно справедливо выделяют публичность реституции как характерный её в современном российском праве признак (в частности, К.И. Скловский, Д.И. Мындра, Смольков). То, что в институте недействительных сделок и реституции много публичных моментов, доказывается подходом судов к применению последствий недействительности сделки: даже если сторонами не были заявлены такие требования, суд применяет реституционные отношения по собственной воле (п. 2 ст. 166 ГК РФ). Вместе с тем, в настоящее время, как было указано, данное право суда было ограничено.

Помимо этого публичность реституции хорошо видна на примерах отказов в применении последствий недействительности сделок. Например, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 19.10.2004 № 5905/04 был сделан вывод о том, что имущественный комплекс Саяно-Шушенской ГЭС не может быть возвращен, поскольку такое изъятие повлечёт банкротство общества, значимого для экономики региона, что существенно нарушит права и охраняемые законом интересы акционеров и кредиторов акционерного общества, других лиц и противоречит общественным интересам.

Субъектами, принуждаемыми к реституции, могут быть и правопреемники стороны сделки, признанной недействительной²¹². Это также не характерно для вещно-правовых способов защиты права.

---

²¹² Данный признак справедливо выделен авторами статьи: Потапенко С.В., Зарубин А.В. Признание сделки недействительной и применение последствий её недействительности в

Вещно-правовые способы защиты и реституция противопоставляются и российскими судами (см., например, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.08.2011 № 15АП-7840/2011 по делу № А53-3921/2011).

Вещную природу реституции видят и некоторые ученые в англо-американском праве. В рамках данной правовой системы даже появилась т.н. собственническая теория.

Основателем собственнической теории является профессор Столджер (Samuel Stoljar). Автор теории признавал, что она весьма ограничена, но важность теории велика, так как она, по словам профессора, позволяет понять истинную природу предмета обсуждения – реституции не как хранилища неклассифицированных правовых остатков, а как самостоятельного института права²¹³.

Он писал, что большая часть того, что традиционно относится к квази-договору, например, возврат ошибочно уплаченного или переданного по сделке, совершённой под влиянием насилия, подлежит возврату в порядке реституции исключительно благодаря тому, что лицо получило имущество от другого лица без согласия последнего.

Идея собственнической теории заключается в следующем: возврат чего угодно – будь то деньги, движимое имущество либо земельный участок, основано на праве заявителя (№1) вернуть вещь, на которую он имеет большее право, чем тот, у кого данная вещь находится (№2). Это основано на тезисе о том, что если на передачу имущества не было дано надлежащее, предусмотренное законом согласие, не может идти речь о переходе правового титула на это имущество. Теория права становится неряшливой, по мнению Столджера, если применять лишь теорию неосновательного

виде реституции как способы защиты гражданских прав (Окончание) // Нотариус. - 2010. - № 3.

²¹³ Stoljar S. Unjust Enrichment and Unjust Sacrifice // Mod. L. Rev. - 1987. – Vol. 50 (603).

обогащения и признавать квазидоговорное основание реституционного требования. Так, в любой ситуации можно сказать, что лицо №2 обязано вернуть имущество лицу №1 в связи с тем, что обогащение было несправедливо, но в действительности мы признаём несправедливость обогащения №2 как раз потому, что №2 не приобрёл права собственности на это имущество. Несправедливость заключается в удержании имущества, которое принадлежит другому лицу. Также неправильно утверждать, что произошло обогащение, если имущество не перешло в имущественную массу №2.

Столджер говорит о том, что №1 обращается с требованием о возврате ему того, что ему принадлежит по праву. В книге *Bullen & Leake & Jacob's Precedents of Pleadings* применительно к реституционному требованию возврата денежных средств отмечено, что право обязывает лицо, которое имеет деньги, которые по праву справедливости принадлежат другому лицу, вернуть их ему²¹⁴.

Основной посыл теории – право группирует институты не по принципу схожести применяемых средств защиты, а по основанию, которое породило данное явление, и чтобы понять природу реституции, основанием необходимо назвать беститильное владение чужой собственностью.

Отчасти подтверждением собственнической теории может служить дело *Rowland v Divall*,²¹⁵ в котором одно лицо, не имея титула на машину, продало её другому лицу, которое использовало машину несколько месяцев, а затем, после прекращения действия договора купли-продажи, которое произошло в силу того, что полиция обнаружила, что машина была когда-то украдена (что означало отсутствие права на распоряжение такой машиной со стороны нескольких последних продавцов), не было обязано, по решению суда, оплачивать продавцу по договору обогащение за счет использования

---

²¹⁴ *Bullen & Leake & Jacob's Precedents of Pleadings* C.J.Q. 2005, 24 (Jan), 163.

²¹⁵ [1923] 2 K.B. 500.

машины, поскольку использование не произошло за счет средств или в ущерб продавцу. И все же стоимость машины по договору была возвращена.

Вместе с тем, дело *Hewett v Court*²¹⁶ – показатель обратного. Английское право, в отличие от традиционной континентальной правовой системы, не знает ограниченного (закрытого) перечня видов вещных прав, и признаёт также вещные права, вытекающие из права справедливости.

Суть спора в деле *Hewett v Court* такова. Строительная компания осуществляла строительство дома, а затем транспортировала и устанавливала его на земельный участок заказчика. Изначально титул на дом возникал у строительной компании, а затем должен был быть зарегистрирован на заказчика, сразу после передачи и установки дома на земельном участке заказчика и полной оплаты стоимости произведённых работ. В ходе строительства заказчик производил лишь некоторые платежи. До того, как дом был построен, но уже после того, как ряд подобных платежей был произведён, строительная компания оказалась в сложном финансовом состоянии, и вскоре в отношении неё была начата процедура банкротства. Суд удовлетворил требования заказчика и признал наличие вещного интереса в доме, тем самым поставив вещный иск заказчика выше личных исков других кредиторов строительной организации. У истца даже не было титула на дом, поскольку последний не был достроен и полностью оплачен заказчиком, но суд удовлетворил его реституционные требования и признал притязания на стадии банкротства носящими вещный характер.

У собственнической теории есть целый ряд противников. Например, Гловер (John Glover) писал, что у требования возврата денежных средств не вещная природа, тем самым оспаривая теорию Столджера²¹⁷. Давая характеристику труду Столджера, Атия (Atiyah) писал, что, несмотря на ряд

---

²¹⁶ (1983) 149 CLR 639.

²¹⁷ Glove J. Equity, Restitution and the Proprietary Recovery of Value // U.N.S.W.L.J. – 1991. – Vol. 14(249).

преимуществ работы, её практическая значимость вызывает сомнения²¹⁸. Борроуз радуясь, что реституция в современное время заняла достойное место в правовой системе, отмечал, что длительное время в отношении реституции применялись различные правовые фикции: наиболее печально известной была теория подразумеваемого договора, пишет юрист, но куда более упрямо, поскольку вредоносность теории не была очевидна, доказывалась теория сохранения титула собственности при объяснении причин реституции²¹⁹. Бёркс писал, что совершённо неправильно называть титул на имущество, которое возвращается в порядке реституции, в момент предъявления требования аналогичным и(или) равноценным тому титулу, который имелся на данное имущество до момента неосновательного обогащения, либо тому, который у истца будет при положительном решении суда в отношении реституционного требования²²⁰.

Собственническая теория не отвечает на вопрос о том, как происходит реституция вещей при оказании услуг (выполнении работ), да и в принципе ограничена лишь рядом ситуаций, не затрагивает ряд тех случаев, которые традиционно реституцией охватываются.

К тому же можно утверждать, что переход титула не произошёл, если имелось существенное нарушение условий заключения договора, была допущена существенная ошибка при его заключении, но реституция допускается и при не столь значительном нарушении или допущенной ошибке²²¹.

---

²¹⁸ Atiyah, Book Review, 29 Mod. L. Rev. 347 (1966). Цит. по: John W. Wade, The Literature of the Law of Restitution // Hastings L.J. – 1968. – Vol. 19.

²¹⁹ Andrew Burrows, Proprietary restitution: unmasking unjust enrichment // L.Q.R. - 2001.

²²⁰ Birks P. Property and Unjust enrichment: Categorical Truths // New Zealand Law Review. – 1997. - P. 628.

²²¹ Данный аргумент в качестве критики собственнической теории использует Борроуз, см. Andrew Burrows), The Law of restitution (2-nd edition, 2002). P. 9.

Следует иметь в виду, что собственническая теория не подразумевает, что неосновательное обогащение относится к вещному праву, а восстановление права квазидоговорными способами аналогично виндицированию вещи²²².

Данная теория, несмотря на свои недостатки, поставила актуальный вопрос – о соотношении реституции и вещных требований, о возможном вещном характере реституции. Этот вопрос оказался непростым.

В противовес вещной природе реституции существует позиция об ее обязательственной природе.

В российской литературе точка зрения об обязательственной природе реституционного правоотношения высказывается часто. Такая позиция была поддержана такими учеными, как В.А. Белов, Р.О. Халфина²²³, Д.М. Генкин²²⁴, К. Скловский²²⁵, С.В. Потапенко, А.В. Зарубин, В.С. Толстой, Д.О. Тузов, А.М. Михайлич.

Между тем, называя реституцию обязательственным правоотношением, учёные разошлись во мнении о том, к какой именно разновидности обязательств следует её относить. А.М. Михайлич высказывал точку зрения, что «складывающиеся между сторонами недействительной сделки отношения по возврату имущества являются внедоговорными деликтными обязательствами», В.С. Толстой называл реституцию самостоятельным видом обязательства, Д.О. Тузов писал о том, что реституция – обязательство, которое проявляется либо в виде кондикции (истребовании неосновательного обогащения) либо в виде виндикации (при истребовании индивидуально определённой вещи).

---

²²² Тем более в свете того, что англо-американское право не знает виндикации движимых вещей – на этот случай используется специальный деликт (tort of conversion).

²²³ Халфина Р.О. Право личной собственности граждан в СССР. М. 1955. С 178-179.

²²⁴ Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М. 1961, С 193-194.

²²⁵ Скловский К. Собственности в гражданском праве. М. Дело. 1999. С.105.

Судами поддерживается обязательственная природа реституционных отношений. ВАС РФ уже давал разъяснения по этому вопросу. Так, в п. 6 Обзора практики применения арбитражными судами статьи 409 Гражданского кодекса Российской Федерации Информационного письма от 21.12.2005 № 102 суд отметил: если соглашением об отступном не нарушены права и интересы третьих лиц или публичные интересы, предоставлением отступного может быть прекращено и обязательство по возврату полученного по недействительной сделке, возникшее в силу статьи 167 ГК РФ. В Постановлении от 11.10.2005 № 6325/05 Президиум ВАС РФ расценил реституционное правоотношение как имеющее обязательственную природу, указав, что субсидиарная ответственность собственника имущества учреждения наступает по обязательствам учреждения вне зависимости от оснований его возникновения, в т.ч. и при признании договора недействительным. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 08.02.2000 № 1066/99 прямо указывается, что исходя из смысла статьи 307 ГК РФ и положения статьи 167 ГК РФ можно делать вывод о наличии между сторонами обязательственных отношений, так как сторона, получившая исполнение по недействительной сделке, обязана произвести в пользу другой стороны определенные действия – возвратить полученное. Данный тезис послужил поводом для вывода о возможности применения к отношениям норм об уступке права требования. Вместе с тем, в информационном письме, посвященном вопросам цессии (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 № 120 «О практике применения арбитражными судами положений главы 24 ГК РФ»), данный вопрос не нашел ответа.

Вывод об обязательственной природе реституционного требования содержат в себе и иные многочисленные судебные акты²²⁶.

---

²²⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 08.09.2009 № 5477/09 по делу № А19-5536/08-10, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.07.2011 № 15АП-13639/2010-НР по делу № А32-20980/2010-55/411.

Если исходить из обязательственной природы реституционного правоотношения, следует делать однозначный вывод о том, что уступка права требования по таким обязательствам допустима. Так, Д.Н. Кархалев пишет, что «уступка права требования в реституционном обязательстве возможна (если оно не носит личный характер). Кредитор вправе уступить свое право требования реституции как вещи, так и денежных средств. Согласие должника на это не требуется. Запретов на совершение подобной сделки действующее законодательство не содержит»²²⁷.

Действительно, если исходить из определения обязательства, данного ГК РФ, можно многое отнести к обязательствам: в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 307 ГК РФ).

М.Н. Комашко приходит к выводу, что делить на вещные и обязательственные отношения можно только регулятивные правоотношения²²⁸. Поскольку, как было отмечено ранее (§ 3.1.), нет оснований не относить реституционные правоотношения к охранительным, следует опровергнуть предположение о том, что они являются обязательственными.

Противником обязательственной природы реституции выступил Ю.Х. Калмыков, который отмечал, что «не говоря уже о том, что при совершении незаконной сделки каждая из сторон обычно не заинтересована в признании её недействительной, а потому не имеет каких-либо претензий к своему

---

²²⁷ Кархалев Д.Н. Реституционное охранительное правоотношение // Налоги. – 2009. - № 27 (<http://www.lawmix.ru/bux/25554>).

²²⁸ Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Москва, 2010. – С. 20-23.

контрагенту, факт предъявления претензии не превращает участника подобной сделки в кредитора, так как возвращение в первоначальное положение достигается не в результате совершения действий должника, а с помощью правоохранительных органов»²²⁹. Хотя Д.О. Тузовым такая позиция критикуется, действительно, интерес имеет решающее значение для отнесения того или иного отношения к обязательственному. Охранительный характер и отсутствие интереса у сторон сделки в возникновении реституционных отношений (а если такой интерес есть, можно говорить о злоупотреблении правом и на основании этого отказывать в удовлетворении требований о возврате предоставленного по недействительной сделке) не позволяют относить реституционные отношения к имеющим обязательственный характер.

Существующая в настоящее время в России модель реституционного правоотношения не предполагает обязательственного характера реституции. Не была признана обязательственная природа реституции и Концепцией развития гражданского законодательства (поскольку там указано, что законодательное определение понятия «обязательство» не позволяет в определенных случаях отграничить обязательство от иных относительных правоотношений, и в качестве таких «иных» относительных правоотношений названы реституционные и корпоративные).

Вступившие с июня 2015 года изменения в ГК РФ (статья 307.1) свидетельствуют о том, что в результате реформы не была признана обязательственная природа реституции: к требованиям, вытекающим из недействительных сделок, подлежат применению общие положения об обязательствах, поскольку иное не вытекает из ГК РФ и других законов и не противоречит существу отношений. Применимость положений об

---

²²⁹ Калмыков Ю.Х. Принцип всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве. Саратов, 1987. - С. 51.

обязательствах, несмотря на природу отношений, следует признать целесообразной, а нововведения оправданными.

В странах англо-американской правовой семьи нет устоявшегося представления о реституции. Есть ученые, рассматривающие реституцию как обязательство, наряду с правонарушениями и контрактами, однако наиболее частый взгляд (особенно среди ученых Великобритании)²³⁰, что реституция – мера защиты, а как таковая не имеет обязательственную природу.

Таким образом, имеются судебные решения в пользу обязательственной природы реституции в современном гражданском праве России. Такой же позиции придерживаются и многие ученые. Вместе с тем, обязательственная природа не вытекает из действующего законодательства напрямую.

§ 3.3. Соотношение реституции и виндикации

Сложность соотношения виндикационного и реституционного требований в странах англо-американской правовой семьи была обусловлена, кроме прочего, действующим длительное время правилом о невозможности применения виндикации к движимым вещам.

Сведлинг (Swadling) полагал, что не может быть неосновательного обогащения, если титул на имущество не перешёл. Это так называемый абстракционистский взгляд на проблему²³¹. Неосновательное обогащение не влечёт возникновение вещных прав. Переход правового титула, пишет

---

²³⁰ См. Kull A. Restitution as a remedy for breach of contract. //S. Cal. L. Rev. - 1993-1994; Roberts CL The case for restitution and unjust enrichment remedies in patent law //Lewis & Clark Law Review. – 2010; Sherwin E. Reparations and unjust enrichment // Boston University Law Review. – 2004. – Vol.84. – P. 1143-1165.

²³¹ Данный термин был дан теории, например, Birke Häcker в статье Proprietary Restitution After Impaired Consent Transfers: A Generalised Power Model, опубликованной в The Cambridge Law Journal, 68 [2009]. - P. 327.

Сведлинг, бывает двух видов – полностью несостоявшимся, недействительным, и совершенно правомерным. В первом случае, например, при существенной ошибке или активном физическом понуждении к заключению договора, титул не переходит, и неосновательности обогащения не происходит. Во втором случае, охватываемом многочисленными ситуациями, титул переходит, причём всегда безвозвратно, и реституционные требования в таких ситуациях могут быть заявлены.

Борроуз высказывал альтернативное мнение, утверждая, что вмешательство в собственность другого лица – само по себе несправедливый фактор, влекущий возникновение на стороне вмешивающегося лица неосновательного обогащения. Более того, оспаривая мнение Сведлинга, он подкреплял свою позицию судебной практикой, приводя в пример дело *Westdeutsche Landesbank Girozentrale v Islington LBC*²³². Бёркс писал, что от того, что кто-то нашёл деньги, он не становится их собственником, с правовой точки зрения, тем не менее, приобретает возможность ими распорядиться, и лишает собственника этой возможности. Фактическое обогащение налицо, даже если не вполне корректен термин «в ущерб» собственнику²³³.

В деле *Australia and New Zealand Banking Group Ltd. v Westpac Banking Corporation*²³⁴ австралийский банк по ошибке уплатил банку Вестпэк по кредиту одного из своих клиентов, а затем обратился за возвратом ошибочно уплаченной суммы. Ответчик возражал, указывая, что вернуть денежные средства, именно те, которые уплачены австралийским банком, невозможно,

---

²³² (1996) A.C. 669. термин был дан теории, например, Birke Häcker в статье *Proprietary Restitution After Impaired Consent Transfers: A Generalised Power Model*, опубликованной в *The Cambridge Law Journal*, 68 [2009]. – P. 327.

²³³ (1996) A.C. 669.

²³³ Birks P. *Property and Unjust enrichment: Categorical Truths* // *New Zealand Law Review*. – 1997. – P. 654.

²³⁴ (1988) 164 CLR 662.

поэтому банку необходимо в иске отказать. Суд же отметил, что само по себе то, что конкретные денежные средства уже не могут быть на момент рассмотрения дела идентифицированы, не показатель того, что суд в силу только этого обстоятельства должен применять реституцию. Суд удовлетворил требования заявителя, и обязал Вестпэк вернуть деньги как если бы они были собственностью австралийского банка.

В 1996 году рассматривалось дело, которое особенно остро поставило вопрос о соотношении реституционного требования и вещных средств защиты права. Это дело *Macmillan Inc. v Bishopsgate Investment Bank Plc*²³⁵.

Дело и реальные события, которые подлежали оценке судами, были крайне сложны. Если предельно упростить произошедшее, то Макмиллан передал часть своих акций, которые должны были находиться в доверительном управлении в пользу организации. Акции при этом стали использоваться Максвеллом в обеспечение безопасности крупных займов, но дело прогорело. После краха Максвелла акции Макмиллана оказались в руках нескольких добросовестных покупателей. Вместе с тем, Макмиллан, равно как и институт, который управлял акциями, не получали уведомление о продаже акций. Макмиллан (во многом с целью определения применимого к отношениям сторон право права Англии, а не Нью-Йорка) заявил реституционное требование. Изначально суды признали требования справедливыми, а существующие отношения носящими реституционный характер: судья Миллет (Millet J.) пришёл к выводу, что требования Макмиллана с очевидностью следует относить к реституционным, а также провёл различие между исками из неосновательного обогащения, возникшего из умаления вещных прав, которые для возникновения требуют наличие вещной основы, и исками из неосновательного обогащения, возникающего из противоправного поведения ответчика. Однако уже в апелляционной

---

²³⁵ (1996) 1 All ER 585.

инстанции судьи единодушно отклонили данную позицию и увидели явный вещный характер требования.

Анализируя это дело, Питер Бёркс писал, что изначально неправильно поставлен вопрос: как неправильно говорить о соотношении реституции и обязательств, поскольку традиционно в рамках курса обязательственного права затрагиваются и вопросы реституции, и никто не оспаривает обязательственную природу ряда реституционных требований, так же и неправильно утверждать, что реституция и вещное право живут на различных планетах и не пересекаются, более того, данные понятия находятся в различных областях. Все права возникают из каких-то событий, так, обязательства появляются из договора, из противоправного поведения сторон, из неосновательного обогащения. Точно так же и вещные права, как указывает Бёркс, возникают на основании явлений и событий – из согласия другого лица на передачу права, из прямого заявления об учреждении доверительного управления. Даже если вещные права не возникают из-за противоправного поведения или неосновательного обогащения, неправильным будет с логической точки зрения противопоставлять вещные права и реституцию²³⁶. С логической точки зрения неосновательное обогащение может, по мнению учёного, быть причиной возникновения вещных прав. А с учётом сложившегося в англо-американской правовой семье крайне широкого понимания вещных прав, реституция может быть причиной их возникновения в рамках этой системы права.

Грэхэм Вирго различал понятия «реституция» и «неосновательное обогащение» и отмечал, что в то время как требования из неосновательного обогащения всегда носят личный характер, реституционные требования могут иметь различную правовую природу, и, в том числе, иметь вещный характер. Реституционные требования, полагает английский правовед, могут возникать не только для возврата неосновательного обогащения, но и для

---

²³⁶ Birks P. Там же.

виндикации имущества. При этом реституционные требования, связанные с виндикацией могут носить как личный характер, когда ответчик получил имущество, которое принадлежало истцу, так и вещный характер, если права на данное имущество к моменту заявления требований у истца сохранились²³⁷. Он исходит из тезиса о том, что вещные права, возникающие в силу закона, не могут иметь своим основанием неосновательное обогащение.

Борроуз признаёт возможным существование чисто вещных отношений и вещных отношений, которые возникли на основании неосновательного обогащения. Как правило, учёные, которые проводят такое различие, настаивают на том, что второй вид отношений является более слабым, поскольку к ним применим принцип «изменившейся обстановки» (change of position), который означает, что если лицо, неосновательно обогатившееся за счёт другого лица, при этом вело себя в момент обогащения и впоследствии добросовестно, потратило денежные средства (вложило их в имущество, заключило сделку, даже подарило их), при том, что, не имея данных денег, данное лицо не стало бы осуществлять такие траты, такое лицо не считается в части произведённых расходов неосновательно обогатившимся, и данную сумму не обязано возвращать.

Грэнхэм (R. V. Grantham) и Рикетт (C. E. F. Rickett) длительное время изучали проблематику соотношения вещных прав и реституции и в 1997 году опубликовали статью, в которой дали ответ Питеру Бёрксу, в части его взглядов на описываемую правовую проблему. Они писали, что права возникают из событий, и одним из таких событий может выступать неосновательное обогащение, в частности, для возникновения вещных правоотношений, а вместе с тем, и сами вещные права могут выступать событием (в смысле причины, основания возникновения правовых отношений), и само по себе существование вещного права предполагает

---

²³⁷ Burrows A. Proprietary restitution: unmasking unjust enrichment // L.Q.R. - 2001.

наличие прав и обязанностей. Поэтому решая, какова природа требования, суд должен ответить на вопрос, какова причина возникновения спорной ситуации, что её породило – вещное право или неосновательное обогащение. Если суд приходит к выводу, что вещное право породило спорное отношение, и такое вещное право у истца сохранилось, суд должен применять соответствующие нормы о вещных правоотношениях. При этом право на защиту от неправомерных посягательств на принадлежащее лицу имущество, право на использование данного имущества – ключевые права, которые входят в содержание вещного права, поэтому если речь идёт об их защите, нужды в применении реституции нет. Одним словом, если титул не перешёл к другому лицу, и вещное право сохранилось у первоначального правообладателя, нужно предъявлять вещные иски, и избегать реституционного требования, если титул уже перешёл к лицу, неосновательно обогатившемуся за счёт первоначального правообладателя, можно обращаться с реституционным требованием²³⁸.

Крайне важный вывод, касающийся соотношения вещных прав и неосновательного обогащения и реституции, был сделан в деле *Foskett v McKeon*²³⁹. МакКеон контролировал компанию, собирающую деньги от нескольких перспективных покупателей, планирующих вкладывать деньги в развитие, эксплуатацию земельных участков в Португалии. Хотя земельные участки были проданы, вклада в их улучшение произведено не было, и денежные фонды, как потом выяснилось, были потрачены. МакКеон в это время застраховал жизнь на 1 миллион британских фунтов, а впоследствии совершил самоубийство. Более 20,000 британских фунтов при этом составили 40 % страховой премии и были оплачены денежными средствами португальских компаний, занимающихся земельными участками. Узнав это,

---

²³⁸ Grantham R.B. and Rickett C.E.F. Property and Unjust Enrichment: Categorical Truths or Unnecessary Complexity? // *New Zealand Law Review* – 1997.

²³⁹ [2001] 1 A.C. 102; [2000] 2 W.L.R. 1299.

компании обратились с иском, требуя выплатить не только неправомерно использованные ранее принадлежавшие им деньги, но и процент от выплаченного одного миллиона. Дети покойного МакКеона возражали, указывая, в частности, что помимо данной страховой премии, их отцом во время жизни выплачивались и другие две, а, значит, данная сумма не обусловлена оплатой последней страховой премии.

Очевидно, истцы в деле руководствовались логикой неосновательного обогащения, поскольку при неосновательном обогащении, в отличие от взыскания убытков, не доказывается размер потерь, действует так называемая «теория выгоды» (gain-based theory), когда лицо может получить столько, насколько обогатилось за его счёт другое лицо.

Тем не менее, суд пришёл к другому выводу, хотя и удовлетворил требования заявителей, указав, что перемещение имущества истцов охватывается вещным правом, но не правом неосновательного обогащения. Судья Хоффманн (Lord Hoffmann) отметил, что данное требование – не требование из неосновательного обогащения, по крайней мере, если не использовать это слово в простонародном, обыденном, ненаучном значении. Речь идёт о виндикации вещи. А поскольку в вещных отношениях дискреция суда минимальна, ни вопросы разумности или справедливости или иные аналогичные вопросы судом не рассматривались вовсе.

В настоящее время сферой пересечения вещных прав и реституции признаются²⁴⁰:

- 1) Отсыскание имущества (tracing).

Так, в деле *Re Diplock*²⁴¹ в нарушение фидуциарной обязанности и в связи с ошибкой, которая содержалась в завещании, представители

---

²⁴⁰ На основании анализа, приведенного в *Cases and materials on the Law of Restitution* by A. Burrows, E. McKendrick, J. Edelman. 2-nd edition. Oxford University Press, 2005. – P. 647-760.

²⁴¹ *Re Diplock* [1948] Ch 465, Court of Appeal.

наследодателя вопреки его воли передали большую часть денег различным благотворительным организациям. Благотворительные организации, действуя добросовестно, смешали поступившие деньги с другими имеющимися. Истец оспорил передачу, и была произведена процедура отыскания имущества, имеющая реституционную природу.

2) Траст, возникший в результате судебного решения (также на пересечении с правонарушением).

3) Траст, возникший в результате ошибки (trust imposed on the mistaken payment) и траст, существующий в силу злоупотребления влиянием и недобросовестного поведения (trust held to exist on the basis of undue influence/unconscionable behavior).

Подтверждением выступают дела Chase Manhattan Bank NA v Israel-British Bank (London) Ltd и Louth v Diprose соответственно.

4) Некоторые случаи суброгации (subrogation).

Например, такой вывод сделан в делах Lord Napier v Hunter, Boscawen v Bajwa.

5) Прекращение контракта, условия которого были полностью выполнены обеими сторонами, с возвратом вещных прав, которые были переданы в рамках контракта (rescission of an executed contract which has revested the proprietary rights to goods or land transferred under the contract).

Так, в деле Car and Universal Finance Co. Ltd v Caldwell²⁴² мистер Колдвелл продал свой Ягуар за почти 1000 фунтов. Однако чек оказался недействительным, о чем Колдвелл незамедлительно уведомил ассоциацию автомобилистов и полицию. В это время покупатель успел продать машину дилерам, которые, в свою очередь, перепродали ее несколько раз, пока она не оказалась у компании Car and Universal Finance Co. Ltd. Покупатель был добросовестным. Несмотря на то, что дело затрагивало права добросовестной третьей стороны, суд принял

---

²⁴² Car and Universal Finance Co. Ltd v Caldwell [1964] 2 WLR 600.

решение о допустимости признания первоначального договора расторгнутым, поскольку Колдвелл выступал невиновной стороной, недвусмысленно выразившей намерение прекратить договор. Стороны были возвращены в положение, существовавшее до заключения договора.

Необходимо отметить следующее. Последнее время учёные всё чаще проводят различие между реституцией и неосновательным обогащением. Бёркс в последних трудах уже напрямую пишет о том, что данные понятия необходимо различать. На основании изложенного необходимо делать выводы дальше (и правоведа делают эти выводы). Вещные иски могут быть связаны с реституционным требованием (в статье 1997 года Бёркс даже категорично заявляет, что, все попытки возражать против того, что виндикация является реституционным требованием, тщетны и ничтожны²⁴³). Согласно классическим воззрениям вещные иски могут как иметь реституционный характер, так и не иметь его (в таком случае применяется в чистом виде виндикация, преимуществом которой является то, что иск может предъявляться к лицу, непосредственно не обогатившемуся за счет лица, утратившего владение вещью).

Что же касается соотношения реституции и виндикации в России, то этот вопрос рассматривался многими учеными, однако до сих пор не является решенным.

Есть несколько основных точек зрения:

- 1) Виндикация и реституции – самостоятельные способы защиты права. Конкуренция между ними невозможна.

Например, Е.А. Суханов писал, что виндикационный иск представляет собой «особый вещно-правовой способ защиты права собственности и по своим условиям и последствиям четко

---

²⁴³ Birks P. Property and Unjust enrichment: Categorical Truths // New Zealand Law Review. – 1997. – P. 658.

отличается от реституции»²⁴⁴. Такая же позиция выражена К.И. Скловским,²⁴⁵ О.С. Иоффе²⁴⁶, и Д.А. Беловой²⁴⁷. Позиция подтверждается рядом судебных актов (в частности, п. 34 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126, Постановления Президиума ВАС РФ от 01.07.2003 № 11224/02, от 17.10.2000 № 2868/00, от 04.12.2001 № 2434/01, от 05.02.2013 № 11906/12).

- 2) Виндикация и реституция являются самостоятельными способами защиты права собственности, которые могут конкурировать в определенных случаях. Вместе с тем, возможность конкуренции была опровергнута судами высших инстанций (в частности, в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения»).
- 3) Требование о реституции может носить виндикационный характер (если у истца имеется титул владения). Представители такой точки зрения Н.В. Рабинович²⁴⁸, Д.О. Тузов, О.В. Гутников. Ю.К.

---

²⁴⁴ Суханов Е.А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения // <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition07&issid=2009002000&docid=5>.

²⁴⁵ Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. - 2002. - № 8. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд. М., 2010. - С. 672.

²⁴⁶ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. - С. 71-73.

²⁴⁷ Гражданское право: Учебник / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Юрист, 2005.

²⁴⁸ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. - С. 135.

Толстой писал, то когда нет основания для применения конфискации, требование о возврате исполненного является виндикационным, кондикционным или деликтным²⁴⁹.

Есть следующие выделяемые в литературе отличия реституции и виндикации:

– Основание и цель

Основанием виндикационного иска является право собственности. «Собственник именно в силу права собственности и на основании этого права требует устранения создавшегося разрыва между принадлежащим ему правом на вещь и фактической возможностью ей обладать»²⁵⁰. Как подчеркивал Д.М. Генкин, виндикационный иск вытекает из самого содержания субъективного права собственности²⁵¹. Реституция – общее последствие недействительности сделки. Цель виндикационного иска «состоит в восстановлении нарушенного владения вещью, в возвращении вещи непосредственно в фактическое или хозяйственное обладание собственника»²⁵². Задача реституции более широкая: «охрана имущественного оборота и правопорядка в целом»²⁵³, восстановление сторон в положении, существовавшем до заключения недействительной сделки, возвращение сторонам переданного имущества, независимо от прав на такое имущество.

---

²⁴⁹ Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. - С.115.

²⁵⁰ Иоффе О.С. Гражданско-правовая защита интересов личности в СССР / Под ред. Б.Б. Черепахина. М.: Юридическая литература, 1969. - С. 185.

²⁵¹ Генкин Д.М. Право собственности в СССР. Госуд. Изд. Юридической литературы. М. 1961. - С. 192.

²⁵² Иоффе О.С. Там же.

²⁵³ Сеницын С.А. Там же.

Иногда такое мнение оспаривается. В.А. Белов полагает, что «виндикационный иск никак не может быть направлен на защиту права собственности в целом. Не может быть он направлен и на защиту одного только правомочия владения, ибо правомочие — это только юридическая возможность, в то время как чужое незаконное владение вещью — реальное фактическое состояние. Перед нами — иск, направленный на возвращение собственнику фактического владения вещью (передачу вещи в руки или под контроль собственника), т.е. иск, направленный на ликвидацию неосновательно образовавшегося несовпадения личности того, кто правом обладает, с личностью того, кто право осуществляет²⁵⁴».

Относительно направленности реституции на возвращение имущества сторонам сделки в силу того, что оно было им ранее передано, а не в силу того, что у них имеются ни них права, Д.О. Тузов пишет: «без объекта защиты нет, разумеется, и самой защиты», а если встать на позицию сторонников идеи о том, что реституция производится независимо от прав сторон на переданного имущества и «вообще независимо от каких-либо их правовых качеств, становится непонятно, каков объект подобной защиты»²⁵⁵.

Кроме того, часто объектом реституции называется право собственности, а целью — защиту права собственности: «объединяет реституцию и виндикацию то, что оба иска

---

²⁵⁴ Белов В.А. Виндикационный иск (к вопросу о толковании ст. ст. 301 и 302 ГК РФ) Законодательство. - 2008. - № 1.

²⁵⁵ Тузов Д.О. Природа реституционных правоотношений // Юридические науки. - 2003. - С. 38.

направлены на защиту права собственности, а если говорить конкретнее – возврат владения»²⁵⁶.

– Волевой фактор

Виндикация применима, только если имущество выбывает из владения собственника помимо его воли; основанием реституции является сделка, которой присущ волевой фактор. Вместе с тем, очевидно, неправильно говорить о воли лица, совершающего сделки в силу насилия.

– Правовая природа

Виндикационный иск признается производным от права собственности, а реституционный - от недействительности сделки, имеющим синаллагматический характер. В этой связи реституционное правоотношение возникает между сторонами сделки, а виндикационное может возникнуть между собственником и любым незаконным владельцем. Обязанность вернуть переданное по недействительной сделке может быть поставлена в зависимость от передачи исполненного другой стороной, что недопустимо при удовлетворении виндикационного иска. Из этого вытекают и процессуальные отличия: так, предмет процессуального доказывания различен – право собственности для виндикационного и недействительность сделки для реституционного иска.

Подчеркивается обязательственная природа реституции, и она противопоставляется абсолютной природе виндикации.

Виндикация часто рассматривается как правомочие

---

²⁵⁶ Шанхаев С.В., Селиверстов А.В. О практике применения исковой давности при рассмотрении споров о выселении граждан из занимаемых жилых помещений // Право в Вооруженных Силах. - 2012. - № 11.

собственника²⁵⁷. Не отрицая существование права на защиту как неотъемлемую часть всякого правомочия, Б.Б. Черепахин утверждал, что после нарушения абсолютное субъективное право хотя и не образуется в целом в относительное, но выделяет из себя относительные правомочия²⁵⁸. Он же отмечал, что в момент нарушения права собственности существенная разница между абсолютными и относительными правоотношениями сводится на нет. Д.О. Тузов исходит из относительной природы виндикационного требования.

Помимо этого, выделяют и такие критерии как поссесорная и петиторная защита права собственности, возможность истребования только индивидуально-определенных вещей, или и индивидуально-определенных и определенных родовыми признаками.

Полагаем, такие отличия действительно отчасти основаны на законодательстве, однако не всегда отражают существо отношений. В рамках действующего законодательства справедливо говорить о том, что, по сути, реституция – часть виндикации, если истребуется индивидуально-определенная вещь. Вместе с тем, такое положение не соответствует природе правовых явлений.

Реституция в англо-американском праве признается основанной на принципе «выгоды», обогащения (*gain-based theory*) в отличие, например, от компенсации, основанной на принципе «утраты», потери (*loss-based theory*). Большая часть правонарушений имеет последствием именно компенсацию –

---

²⁵⁷ Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. Уфа, 2001. - С 95-116.

Малиновский Д.А. Актуальные проблемы категории субъективного вещного права: Дисертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2002. - С. 70.

²⁵⁸ Черепахин Б.Б. Приобретение права собственности по давности владения // Советское государство и право. - 1940. - № 4. - С. 53.

лицу оплачиваются его потери, которые необходимо доказать. Принцип выгоды означает, в частности, что если лицо получило денежные средства безосновательно от другого лица и вложило в выгодное мероприятие (например, в результате обмана получило денежную сумму и ее вложило в акции, которые принесли впоследствии выгоду, либо открыло бизнес), данная сумма должна быть возвращена потерпевшему.

Несмотря на то, что в российском праве нет аналогичного положения, следует признать положения о реституции и неосновательном обогащении основанными на принципе «выгоды»: имущество возвращается не в силу того, что лицо претерпело убытки, потери в имущественной сфере, а в силу того, что основание предоставления не было законным/ отсутствовало/ отпало (при неосновательном обогащении), либо в силу признания договора недействительным (при реституции). Однако при применении мер ответственности и при удовлетворении виндикационного иска применяются иные критерии: ответственность наступает в размере потерь, которые претерпело потерпевшее лицо, виндикационный иск подлежит удовлетворению только после того, как собственник докажет наличие у него действительного право собственности на истребуемую вещь, поскольку только тогда становится очевидным размер и форма потерь собственника. Имущество при применении виндикации возвращается не потому, что другое лицо обогатилось за счет собственника, а потому что последний претерпевает неблагоприятные последствия чужих действий и лишен возможность пользоваться и владеть принадлежащим ему по праву имуществом. Таким образом, виндикационный и реституционный иск/иск из неосновательного обогащения – различные по своей правовой природе иски.

Соотношение виндикации и реституции – вопрос, окончательно не решенный ни в российском праве, ни в странах англо-американской семьи права. Вместе с тем, следует признать, что виндикационный и

реституционный иск/иск из неосновательного обогащения – различные по своей правовой природе иски. В то время как реституция/неосновательное обогащение направлены на восстановление справедливого положения, недопущение обогащения одного лица за счет другого, основаны на принципе «выгоды», которую получает обогащаемый, виндикация основана на принципе «потери», то есть направлена на возврат имущества, которое принадлежит собственнику в связи с тем, что отсутствие правовой возможности владеть и пользоваться имуществом приносит имущественные неудобства собственнику.

§ 3.4. Реституция как мера защиты и санкция

Ряд учёных рассматривает реституционные отношения как меру ответственности. К таковым относятся С.Н. Братусь (применительно к реституции недобровольной), И.В. Матвеев, Л.Г. Вострикова²⁵⁹.

Довольно распространённой точкой зрения является точка зрения, согласно которой недействительные сделки – неправомерные, противоправные деяния. Так, О.С. Иоффе писал, что «недействительная сделка неправомерна и, следовательно, является не сделкой, а правонарушением»²⁶⁰. В.А. Рясенцев писал, что «недействительная сделка представляет собой неправомерное действие. По ней нельзя требовать исполнения, так как она не создаёт тех прав и обязанностей, которые возникают на основе действительных сделок данного вида»²⁶¹. Н.В. Рабинович относил недействительные сделки к «правонарушениям особого порядка», не деликтным правонарушениям, поскольку такие сделки нарушают норму права, установленный правопорядок²⁶². А поскольку

---

²⁵⁹ Вострикова Л.Г. Валютное право: Учебное пособие для вузов. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. - С. 274.

²⁶⁰ Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. – С. 306.

²⁶¹ Советское гражданское право / Отв. ред. В.А. Рясенцев. М., 1988. - С. 72.

²⁶² Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., ЛГУ, 1960.

«неправомерные действия, являясь правонарушением, влекут возникновение правоохранительных правоотношений, то есть правоотношений ответственности, возлагающих на виновную сторону обязанность претерпеть неблагоприятные последствия»²⁶³, реституция является ответственностью.

С.Н. Братусь принудительное осуществление реституции считал юридической ответственностью. При этом добровольное исполнение обязанности восстановить прежнее положение он не относил к мерам юридической ответственности, равно как и признание сделки ничтожной²⁶⁴.

И.В. Матвеев писал, что любая реституция, в том числе и двусторонняя, является санкцией. Учёный исходил из идеи о том, что всякая недействительная сделка, в полном объёме, а не сделка в части, пусть бы одна сторона выступает правонарушителем, а другая – потерпевшей стороной, является правонарушением. В случае её совершения стороны несут ответственность друг перед другом (как в случае со сделкой, совершённой в нарушение простой письменной формы) или перед государством (при заключении сделки, противной основам правопорядка и нравственности). «Поскольку всякое правонарушение по своей природе является нарушением юридических норм, то действующее законодательство за данное деяние (действие или бездействие) предусматривает юридическую ответственность и виды санкций, которые применяются к правонарушителям», делает вывод И.В. Матвеев²⁶⁵.

---

²⁶³ Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.Д. Денисова. - С. 337. Цит. по Мындра Д.И. Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2003. - С. 71.

²⁶⁴ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М.: Городец, 2001. – С. 138.

²⁶⁵ Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. - С. 32.

Ф.Р. Салаватов писал, что «приведение сторон в первоначальное положение, в любом случае, предполагает наступление юридической ответственности, которая возможна без применения мер принудительного характера при наличии определенного уровня правовой культуры сторон по сделке»²⁶⁶.

Полагаем, неправильно называть реституционные отношения (независимо от формы их существования) гражданско-правовой ответственностью, а недействительные сделки правонарушением. Оспоримая сделка может быть оспорена только узким кругом лиц, а до этого признается действительной и должна исполняться.

В соответствии со сложившимся в литературе, наиболее распространённым подходом ответственность подразумевает, что правонарушитель, лицо, подвергнутое гражданско-правовой ответственности, терпит имущественные потери. Гражданско-правовая ответственность – «одна из форм юридической ответственности, состоящая в возложении невыгодных имущественных последствий на лицо, допустившее нарушение гражданских прав и обязанностей»²⁶⁷. М.Н. Малеина определяет гражданско-правовую ответственность как «вид санкции в форме правоотношения, характеризующуюся неблагоприятными последствиями имущественного и иногда неимущественного характера на стороне правонарушителя (должника), обеспеченными государственным принуждением и сопровождающимися осуждением правонарушения и его субъекта»²⁶⁸.

---

²⁶⁶ Салаватов Ф. Р. Недействительность предпринимательских сделок по приватизации государственного и муниципального имущества. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Казань, 2006. – С. 108.

²⁶⁷ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав.

²⁶⁸ Гражданское право: Учебник. Ч. 1. / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Юристъ, 2005.

Реституционные отношения (двусторонняя реституция) означают возврат переданного по недействительной сделке имущества. Если изначально предполагалась эквивалентность требований сторон, то и при возврате имущества сторонами друг другу она сохраняется в полном объёме.

Эта же позиция выражена в статье М.И. Полякова: «Содержанием нормы п. 2 ст. 167 ГК РФ являются меры восстановительного характера: предполагается, что будет возвращено то же самое имущество, которое выбыло из обладания лица по недействительному основанию (в результате же применения мер ответственности передается имущество, которое потерпевшему никогда не принадлежало)»²⁶⁹.

Правонарушитель отдаёт имущество, ему принадлежащее, и только это производит эффект несения имущественных потерь.

Но реституция носит посессорный характер. Этой позиции придерживаются многие авторы: Г.Н. Амфитеатров, К.И. Скловский, Д.В. Лоренц, В.С. Ем, Е.А. Суханов²⁷⁰. Объясняя причины, по которым законодатель отказался выдвинуть обязательным условием наличие права на имущество для требования его по реституции, К.И. Скловский писал: «ближайшей целью реституции является восстановление прежнего

---

²⁶⁹ Поляков М.И. Реституция в недействительных сделках // Нотариус. - 2011. - № 1.

²⁷⁰ См.: Гражданское право. Учебник. В 4 т. Том 1: Общая часть / Под ред. Е.А. Суханова; Амфитеатров Г.Н. Война и вопросы виндикации // Ученые записки ВШЭ. Вып. III. М., 1945. - С. 46, 50 - 51; Скловский К.И., Ширвис Ю. Последствия недействительной сделки // Закон. - 2000. - № 5. - С. 112 - 113; Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. - 2002. - № 8. - С. 108 - 109; Лоренц Д.В. Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации: Автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. юрид. наук. Краснодар. - 2008. - С. 8, 17; Лоренц Д.В. О юридической природе истребования имущества, составляющего наследственную массу // Хозяйство и право. - 2008. - № 5. - С. 116 - 117; Суханов Е.А. Вещные права и права на нематериальные объекты // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2007. - № 7. - С. 26.

положения, при этом обоснованно предполагается, что прежде стороны имели право на имущество, переданное по сделке; если же такого права не было, то реституция никак не мешает заинтересованным третьим лицам прибегнуть к своей защите – точно так же, как применение посессорных средств, восстанавливая нарушенный мир, не исключает петиторного иска. Более того, если третьи лица имели не вещное, а обязательственное, т.е. личное, требование, то возврат имущества только облегчает защиту. Например, если вещь была отдана в аренду хранителем, который был обязан обеспечить ее сохранность, но не передавать ее в пользование, по какой причине аренда и является ничтожной, то после реституции, т.е. возврата вещи хранителю, возможно не только истребование вещи в натуре от хранителя, но и взыскание убытков от ее износа вследствие хозяйственной эксплуатации; при этом лицо, отдавшее вещь на хранение, не обязано доказывать свой титул (как при виндикации), а может ограничиться лишь своей легитимацией в качестве стороны в договоре хранения»²⁷¹.

Более того, если мы говорим о том, что реституция – общее последствие всех видов недействительных сделок, а, значит, и ничтожных сделок, то должны иметь в виду, что ничтожная сделка не порождает никаких правовых последствий, она недействительна с момента заключения. Не важно, какой точки зрения мы придерживаемся – что реституция аннулирует правовой эффект сделки, что с момента своего заключения в силу предписания закона юридические последствия не наступают, что недействительная сделка не является юридическим фактом, ясно одно – ничтожная сделка не влечёт переход права собственности к приобретателю по ней. В.П. Шахматов подчёркивал, что «право на полученное по недействительно сделке

---

²⁷¹ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010.

имущество отсутствует в этих случаях есть лишь обладание, и притом незаконное, чужим имуществом»²⁷².

Очевидно, если у стороны нет права собственности на переданное в рамках недействительного договора имущество, возвращая чужое имущество, никаких потерь в имущественной сфере сторона не претерпевает. Возвращая своё имущество в рамках двусторонней реституции, сторона также не претерпевает имущественных потерь, в связи с эквивалентным характером реституционных правоотношений. Позиция о том, что реституция не относится к мерам ответственности, в связи с тем, что сторона недействительной сделки не несёт имущественных потерь, высказана в учебнике гражданского права под ред. Е.А. Суханова²⁷³.

И.В. Матвеев полагает, что при двусторонней реституции стороны несут потери: контрагентами могли быть сделаны затраты на ведение переговоров; сторона, вступая в договор, преследовала определённые цели, и их не добились, в случае признания договора недействительным; стороны несли бремя налогов и сборов по договору; часто стороны несут расходы на перевозку при передаче имущества²⁷⁴. Однако вряд ли можно говорить о том, что это «имущественные потери», о которых идёт речь применительно к ответственности. Те же последствия наступают в случае законного расторжения договора одной из сторон (при невиновном поведении другой стороны, в случаях, предусмотренных договором), да и вообще они являются последствиями признания сделки недействительной, и не всегда будут иметь место (например, часто стороны не производят никаких затрат на перевозку

---

²⁷² Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. - С. 247.

²⁷³ Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть (отв. ред. Е.А. Суханов). - М.: «Волтерс Клувер», 2008.

²⁷⁴ Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – С. 40.

имущества, потому, что имущество может быть вручено, или передаётся объект недвижимости – например, земельный участок; и налоговое бремя не всегда несут стороны сделки, не говоря уже о затратах на ведение переговоров).

Ещё в качестве одного аргумента против того, чтобы признавать реституцию мерой ответственности называют то, что по общему правилу обязанность вернуть исполненное возникает не только у лица, «виновного» в совершении недействительной сделки, но и у лица, вступавшего в обязательственное отношение добросовестно. Некоторые отличительной чертой оспоримых сделок называют отсутствие вины у сторон²⁷⁵. Не может быть безвиновной внедоговорной ответственности, если иное прямо не предусмотрено законом и не обусловлено чрезвычайным характером отношений.

По сути, при осуществлении реституции речь идёт об исполнении обязанности. О.В. Гутников отмечает, и данную позицию поддерживает А.В. Черярин, «обязанность вернуть исполненное по недействительной сделке ничем не отличается от любой другой гражданско-правовой обязанности». На основании того, что применение последствий недействительности сделок выступает в качестве одного из способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), делается вывод, что «правовых оснований относить реституцию к мерам юридической ответственности не имеется»²⁷⁶.

Не относит реституцию к мерам ответственности и К.И. Скловский. Он считает, что реституция не является способом защиты права, а уже только на

---

²⁷⁵ Дегтярева Н.И. Санкция недействительности в российском праве: вопросы теории и практики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2011. - С. 26.

²⁷⁶ Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2008. – С. 187-188, Черярин А.В. Недействительные сделки и их последствия: спорные вопросы действующего законодательства и судебной практики // Российский судья. - 2006. - № 8.

основании этого не является ответственностью. Вместе с тем, сам вывод о том, что реституция способом защиты права не является, не основан на законе, что прямо признаёт учёный: «отрицание публичных черт в ст. 166 ГК, интерпретация этой нормы как способа защиты частного права, права собственности (вопреки прямому указанию в ст. 166 ГК, что она защищает интерес) будут вести и к росту числа злоупотреблений, и к неустойчивости оборота»²⁷⁷.

Этот вывод К.И. Скловским делается на том основании, что необходимость аннулирования договора – мера чрезвычайная, и необходимо прекратить практику признания недействительными договоров по любым незначительным поводам, с применением последствий их недействительности в виде возврата всего переданного по такому договору. «Ведь трудно оправдать такое положение, когда сначала закон нарушается, а потом нарушение используется нарушителем в своих интересах, когда истец горячо убеждает суд в том, что он самым серьезным образом нарушил закон при совершении сделки и потому ему должна быть непременно предоставлена судебная защита»²⁷⁸. Учёный вообще исходит из того, что реституционный иск защищает не право, а оборот.

То, что реституция – не мера ответственности может быть выведено из функций ответственности. Выделяют несколько функций ответственности, главная из которых – компенсационная (компенсаторно-восстановительная) функция, которая проявляется в ликвидации неблагоприятных последствий у потерпевшего (кредитора) за счет нарушителя (должника), то есть цель ответственности – возмещение потерпевшей от правонарушения стороне понесенных ею имущественных потерь. У стороны недействительной сделки может не быть никаких потерь, более того, возможна ситуация, когда возврат

---

²⁷⁷ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010.

²⁷⁸ Там же.

исполненного по сделке – последнее, чего желает такое лицо. И, как уже было показано выше, возмещение происходит не за счёт нарушителя.

Данный вопрос являлся предметом рассмотрения в судах.

В деле № А54-2281/2009С22 истец указывал, что договор уступки права требования является ничтожным в силу статьи 168 ГК РФ, поскольку уступка исключительно реституционного требования приводит к утрате права, защищаемого этим требованием, и противоречит закону, вследствие чего недопустима в силу пункта 1 статьи 388 ГК РФ, объясняя свои доводы тем, что реституция, предусмотренная статьей 167 ГК РФ, не может быть отнесена к обязательственным отношениям, а является мерой юридической ответственности в связи с нарушением обязательных предписаний и запретов, содержащихся в правовых нормах. Суд апелляционной инстанции (Двадцатый арбитражный апелляционный суд) полностью поддержал доводы истца, прямо подчеркнув в Постановлении от 08.09.2010, что реституция, предусмотренная статьей 167 ГК РФ, является мерой юридической ответственности в связи с нарушением обязательных предписаний и запретов, содержащихся в правовых нормах. Уступка права требования на этом основании была признана не влекущей юридических последствий, а право требования денежных средств – не перешедшим²⁷⁹.

Выводы суда следует признать неправильными, если только не признавать правильными подходы к ответственности как к необходимости дать отчёт о своих действиях, инициативному, неуклоняемому, строгому, полному исполнению своих обязанностей, как это делал, к примеру, В.А. Тархов²⁸⁰ (речь идёт о позитивной ответственности).

---

²⁷⁹ Аналогичная позиция выражена в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 26.09.2003 № А56-34784/02.

²⁸⁰ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.

Таким образом, реституционные отношения (двусторонняя реституция) в действующем российском праве не являются мерой гражданско-правовой ответственности.

Не выступают они в таком качестве и в странах англо-американской правовой семьи. Комментируя изменения в *The Restatement, Third of Restitution and Unjust Enrichment* Майкл Трейнор (Michael Traynor) отметил, что право реституции включает в себя не только меры защиты, но и ответственность, но дальше описывает ситуации, когда реституция приводит к ответственности, но не называет само реституционное правоотношение мерой ответственности или санкцией²⁸¹.

То, что реституция в странах англо-американской правовой семьи традиционно не относится к ответственности, подтверждается и классической «триадой»: после *Restatement of Law* (1937) установилось деление на договоры (contracts), правонарушения (torts) и реституцию (restitution).

Наиболее устоявшейся в настоящий момент является позиция, согласно которой есть сфера пересечения реституции и ответственности, то есть реституция – не мера ответственности, но есть правонарушения, которые порождают реституцию, а именно:

- 1) Незаконное использование имущества в собственных целях (conversion).

Например, такая возможность подтверждена судьями в делах *United Australia Ltd. v Barclays Bank*²⁸², *Lamine v Dorell*²⁸³.

О неправильности данной позиции уже написано достаточно много. См., например, Иоффе О.С. Обязательственное право 1975. – С. 51.

²⁸¹ *The Restatement (third) of Restitution and Unjust Enrichment: some introductory suggestions* by Michael Traynor.

²⁸² *United Australia Ltd. v. Barclays Bank* [1941] AC1 (HL).

²⁸³ *Lamine v. Dorell* (1701) 2 Ld. Raym. 1216, 92 ER 303.

2) Иные нарушения вещных прав.

Например, в деле *Ministry of Defence v Ashman* ответчики жили в помещении, предоставляемом только семьям служащих Королевских Воздушных Войск. После того, как муж (военнослужащий) отставил семью, они должны были переехать из жилого помещения, но остались, поскольку им больше негде было жить. Суд пришел к выводу о наличии неосновательного обогащения в связи с оплатой аренды в размере значительно меньшем, чем плата, предусмотренная для данной категории граждан, как последствие противоправного нарушения владения с причинением вреда (*trespass*). Было использовано понятие «реституционное возмещение убытков» (*restitutionary damages*).

3) Нарушение права интеллектуальной собственности.

4) Нарушение фидуциарной обязанности (*fiduciary duty*).

Реституционными были признаны обязанность вернуть тайно полученное обогащение в рамках фидуциарных отношений в деле *Regal (Hastings) Ltd. v Gulliver*²⁸⁴, а также обязанность адвоката вернуть обогащение, возникшее в результате использования информации о трасте, полученной от клиента, в деле *Broadman v. Phipps*²⁸⁵.

5) Злоупотребление доверием (*breach of confidence*).

Так, в деле *Spycatcher* были присуждено реституционное возмещение. Обстоятельства были следующие: бывший член британской Службы безопасности МИ5 написал книгу о своих шпионских действиях, в нарушение законодательства и трудового договора. Вне Великобритании книгу опубликовали. Один из ответчиков в деле выкупил права на опубликование в газете книги и опубликовал отрывок за несколько дней до его публикации в США. Доказать нарушение авторских прав, иных прав в рамках интеллектуальной

---

²⁸⁴ *Regal (Hastings) Ltd. v. Gulliver* [1942] 1 All ER 378 (HL) 392.

²⁸⁵ *Broadman v. Phipps* [1967] 2 AC 46 (HL).

собственности, оказалось невозможно, поэтому присуждена реституция была за нарушение обязанности не разглашать конфиденциальную информацию.

Поскольку нарушение договора (a breach of contract) рассматривается как правонарушение в рамках англо-американской правовой семьи, то реституция наступает за правонарушение в виде нарушения условий договора. Так, в деле *Attorney General v Blake*²⁸⁶ истец получил реституцию в размере полученной от нарушения договора выгоды ответчика. Ответчик получил порядка 60 000 фунтов от нарушения договора, вместе с тем, это не привело к нарушению имущественной сферы истца, то есть несмотря на то, что нарушение договора имело место, выгода не была напрямую обусловлена потерями истца. В этой ситуации истец предъявил реституционное требование, и выиграл дело. Вместе с тем, суд подчеркнул, что данная ситуация исключительная и по общему правилу реституция не применяется в подобных спорах.

Следует отметить, что поскольку реституция не относится к формам ответственности, признание реституции универсальным средством защиты не умаляет возмещения убытков как универсальной формы гражданско-правовой ответственности.

Несмотря на то, что реституция – не мера ответственности, есть основания для отнесения ее к санкции.

Авторы «Комментария к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий» под ред. А.П. Сергеева называют реституцию особой санкцией: «По своей юридической природе двусторонняя реституция – особая санкция, в которой выражено отрицательное отношение государства к сделке, не соответствующей тем или иным требованиям закона. Однако эта санкция не относится к мерам гражданско-правовой ответственности, а значит, не требует для своего

---

²⁸⁶ *Attorney General v Blake* [2001] 1 AC 268.

применения установления вины сторон и иных условий гражданско-правовой ответственности», – отмечает А.П. Сергеев²⁸⁷.

А.В. Волков также называет признание сделки недействительной и применение последствий недействительности сделки санкцией, не являющейся мерой ответственности²⁸⁸.

С.Н. Братусь отмечал, что под санкцией могут пониматься любые правовые последствия правонарушения, предусмотренные законом для какого-то конкретного случая, в том числе и те, что не связаны с использованием силы государственного принуждения. Д.Н. Кархалев в диссертационном исследовании²⁸⁹ приходит к диссертационном исследовании приходит к заключению, что гражданско-правовые меры защиты - это предусмотренные законом санкции, которые применяются в принудительном порядке или осуществляются добровольно в форме восстановления положения, существовавшего до нарушения, либо пресечения действий, нарушающих право (или создающих угрозу его нарушения), либо признания субъективного права (или факта).

Н.И. Дегтярева называла реституцию мерой ответственности и защиты права, но не ответственностью²⁹⁰. В.Б. Исаковым была выделена категория «санкции недействительности». Сущность усматривалась автором в аннулировании юридического значения фактической предпосылки, не возникновении правовых последствий, на которые рассчитывали субъекты

---

²⁸⁷ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий // Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010.

²⁸⁸ Волков А.В. Формализм против субъективизма в гражданском праве // Современное право. - 2010. - № 1.

²⁸⁹ Кархалев, Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

²⁹⁰ См. Дегтярева Н.И. Санкция недействительности в российском праве: вопросы теории и практики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2011.

общественных отношений²⁹¹. «В теории и на практике, – пишет Н.И. Дегтярева, – возникает вопрос о соотношении категорий «защита права», «санкция недействительности» и «юридическая ответственность». В юридической литературе система мер охраны подразделяется на два крупных блока: 1) меры защиты пресекающего, эквивалентно-компенсационного, восстановительного и обеспечительного действия и 2) меры ответственности, объединенные по единому признаку направленности на поражение правовых возможностей правонарушителя (пресекающе-поражающие, штрафные и компенсационные)». К первой группе автор относит защиту права посредством «средств пресекающего и обеспечительного свойства, направленных на лишение акта силы юридического факта – меры недействительности в гражданском праве восстановление нарушенного состояния осуществляется посредством кондикции, виндикации и реституции. При этом реституция (приведение положения сторон в первоначальное состояние) является специальным средством охраны права»²⁹². «Целью юридической ответственности является наказание нарушителя, а целью применения санкции недействительности правового акта – распределение неблагоприятных последствий и возложение долга по восстановлению нарушенных прав на началах справедливости»²⁹³.

Н.С. Малеин пишет, что в составе систем санкций выделяются меры защиты и меры ответственности. Ответственность характеризуется тремя признаками: государственным принуждением, отрицательными последствиями для правонарушителя и осуждаемым виновным поведением. Санкции, которые применяются независимо от наличия двух последних

---

²⁹¹ Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1984. - С. 124

²⁹² Дегтярева Н.И. Санкция недействительности в праве // Вестник науки ТГУ. - 2011. - № 1(4). - С. 61-62.

²⁹³ Там же, с. 62.

признаков, относят к мерам защиты²⁹⁴. Меры защиты в узком смысле, в отличие от ответственности, могут применяться независимо от вины и состава правонарушения.

Как известно, ответственность – всегда санкция за правонарушение, но не всякая санкция – ответственность. Санкция не всегда должна быть связана с лишениями для нарушителей. Поэтому нельзя согласиться с мнением А.Ф. Квитко о том, что двусторонняя реституция не может считаться санкцией, так как не связана с претерпеванием сторонами дополнительных неблагоприятных последствий²⁹⁵.

Санкция определяет возможные нарушения предписаний закона, установленной и/или одобряемой/допускаемой государством модели поведения.

Нет оснований не относить реституционные правоотношения к санкциям, если принимать позицию о широком значении понятия «санкция». Бесспорно, что в любом случае реституция относится к мерам защиты. Реституция имеет восстановительную и превентивную функцию.

Ученые стран англо-американской правовой семьи в основном относят реституцию к санкциям/мерам защиты (remedy). Так, Джексон, оценивая уже устаревшую систему «договор – правонарушение – реституция», говорил, что нельзя ставить данные категории в один ряд, поскольку договор и правонарушение порождают обязательства, а реституция – санкция²⁹⁶. Палмер писал, что реституция может пониматься в трех значениях: как мера возмещения за нарушение обязательства, признаваемого законом (например,

---

²⁹⁴ Цит. по Мындра Д.И. Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Екатеринбург, 2003. - С. 71.

²⁹⁵ Квитко А.Ф. Последствия недействительности ничтожных и оспоримых сделок // Закон. - 2005.

²⁹⁶ Цит. по: Degeling S, Seymoue J. Collective claims for unjust enrichment // Civil Justice Quaterly. – 2010. – Vol. 29(4). P. 449-477.

реституционный интерес в рамках договора – мера возмещения за нарушение договорных обязательств), как процедура защиты права от нарушений гражданских обязательств (например, при применении траста, возникшего в результате судебного решения (constructive trust) или права удержания имущества, предусмотренного правом справедливости (equitable lien)) и как основание иска.

Как указано выше, в странах англо-американской правовой семьи применяется принцип «выгоды». В России данный принцип не закреплен законодательно, но также и не признается доктриной, чужд российской системе права. Вместе с тем, как представляется, он мог бы выступать хорошим средством повышения дисциплины сторон имущественного оборота и соответствовать представлениям о справедливости. Кроме того, может быть рассмотрена возможность применения принципа «изменившейся обстановки». Данная концепция предполагает, что²⁹⁷:

- 1) лицо может использовать принцип как основание для освобождения от необходимости удовлетворения реституционных требований только если самостоятельно докажет все требуемые элементы, то есть бремя защиты лежит на ответчике;
- 2) в связи с необходимостью возврата имущества положение ответчика существенно ухудшится;
- 3) ответчик уже лишился имущества в силу своих действий/ бездействий либо действий/ бездействий третьих лиц, например, в ситуации, когда имущество было украдено;
- 4) ответчик доказывает, что потраченная/ утерянная/ иным образом вышедшая из владения вещь именно та, которая была передана безосновательно истцом;
- 5) ответчик действовал добросовестно;

---

²⁹⁷ J. Edelman Change of position: a defence of unjust disenrichment // Boston University Law Review. -Vol. 92. - P. 1013-1017.

- б) утрата имущества произошла ранее предъявления иска о неосновательном обогащении;
- 7) ответчик не полагал, что за предоставление должен оплатить какую-то сумму/ произвести встречное предоставление.

Таким образом, реституция может рассматриваться как санкция/мера защиты как в рамках российского права, так и в англо-американской правовой семье. Двусторонняя реституция в действующем российском праве не является мерой гражданско-правовой ответственности, поскольку стороны недействительной сделки в результате произведения реституции в силу эквивалентного характера последней не несут имущественные потери, отсутствие вины как признак ответственности должен быть прямо назван законом и быть обусловлен чрезвычайным характером правоотношений, что нельзя признать справедливым по отношению к недействительным сделкам и реституции. Поскольку реституция не относится к формам ответственности, признание реституции универсальным средством защиты не умаляет возмещения убытков как универсальной формы гражданско-правовой ответственности. Наиболее устоявшейся в странах англо-американской правовой семьи в настоящий момент является позиция, согласно которой есть сфера пересечения реституции и ответственности, есть правонарушения, которые порождают реституцию, однако реституция – не мера ответственности.

ВЫВОД:

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать выводы:

- 1. В действующем российском праве закреплена реституция как особое охранительное правоотношение, санкция, не являющейся мерой ответственности.**

2. Поскольку реституция не относится к формам ответственности, признание реституции универсальным средством защиты не умаляет возмещения убытков как универсальной формы гражданско-правовой ответственности.
3. Реституция в российском праве не рассматривается как имущественное правоотношение, вместе с тем, судами не определена ее правовая природа. Часто реституция рассматривается как обязательственное правоотношение, однако Концепция развития гражданского законодательства и последние изменения в ГК РФ позволяют сделать вывод, что законодатель отрицает такой подход.
4. Реституция в странах англо-американской правовой семьи рассматривается преимущественно в качестве меры защиты, которая подлежит применению при некоторых правонарушениях, а также при нарушении вещных прав.
5. Соотношение виндикации и реституции – вопрос, окончательно не решенный ни в российском праве, ни в странах англо-американской правовой семьи. Вместе с тем, следует признать, что виндикационный и реституционный иск/иск из неосновательного обогащения – различные по своей правовой природе иски. В то время как реституция/неосновательное обогащение направлены на восстановление справедливого положения, недопущение обогащения одного лица за счет другого, основаны на принципе «выгоды», которую получает обогащаемый, виндикация основана на принципе «потери», то есть направлена на возврат имущества, которое принадлежит собственнику в связи с тем, что отсутствие правовой возможности владеть и пользоваться имуществом приносит имущественные неудобства собственнику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ развития представлений об институтах реституции и неосновательного обогащения в России и странах англо-американского права позволяет прийти к выводу о том, что подход к реституции должен быть принципиально пересмотрен.

Исторически институт реституции как в Древнем Риме, откуда берет корни термин, так и в Великобритании, России, Австралии, США, возник как средство, направленное на восполнение пробелов в праве, поскольку того требовала справедливость. В большинстве стран мира, включая изучаемые страны, неосновательное обогащение рассматривается как институт, имеющий субсидиарное применение. В то же время положения о последствиях недействительности сделок имеют обязательный характер в России и, в целом, очевидно, что в ГК РФ положения о реституции были закреплены с целью наказания лиц, нарушающих требования законодательства, предъявляемые к сделкам. Представляется, для этого нет оснований.

Реституция должна стать единой мерой защиты интересов всякого лица, за счет которого другое лицо неправомерно, безосновательно обогатилось. В странах англо-американского права давно пишут о том, что реституция не может определять только одну узкую сферу права, а представляет собой набор идей, которые находят применение во всех отраслях права²⁹⁸. Это утверждение совершенно справедливо.

Представляется, реституция в России должна стать родовым, универсальным понятием, охватывающим любые не имеющие правовые основания факты присвоения чужого имущества, заключающегося как в

---

²⁹⁸ Hedley S. On cutting the legal system down to size, or Contract, Tort and Restitution // Legal studies. – 1988. -Vol. 8, No. 2. - P. 140.

получении путём передачи имущества, в частности, денежных средств, получении услуги, принятии работ без соответствующего вознаграждения.

Реституция подлежит применению не только в частной, но и в публичной сфере (к неправомерно взысканным налогам, иным обязательным платежам в бюджет, таможенным, акцизным сборам, регистрационным сборам, плате за проведение экспертизы; во всех случаях неосновательного обогащения публично-правового образования за счёт частного лица).

Реституция должна носить субсидиарный характер. Субсидиарность реституции по отношению к иным правовым институтам может оказать положительный эффект и позволить, с одной стороны, защитить интересы потерпевшей стороны, с другой, предусмотреть все ситуации, когда законодатель такую защиту не находит необходимой (например, когда публичные, либо общественные интересы превалируют).

Введение универсальной меры реституции, единого принципа реституции:

- позволит объединить многочисленные институты права, имеющие сходную правовую природу, но разъединённые по принципу отрасли права;
- сделать отношения с публично-правовыми образованиями более предсказуемыми и стабильными, менее зависимыми от нормотворчества конкретного органа власти;
- позволит возвращать неосновательное обогащение вне зависимости от того, какое лицо обогатилось – частное или публичное, и вне зависимости от того, в связи с какими действиями такое обогащение произошло – при исполнении договора или выполнении публично-правовым образованием функций частного лица, либо при исполнении административно-властных полномочий;

- позволит исключить из Гражданского кодекса дублирующие положения о неосновательном обогащении нормы о последствиях недействительности сделок, но при этом сохранит возможность применения к этим ситуациям особого регулирования, если оно будет признано необходимым;
- ряд вопросов – относительно сроков давности, возможности применения статьи 395 ГК РФ о процентах за пользование чужими денежными средствами снимется и окажется решённым в пользу истца по данной категории дел.

Некоторые учёные²⁹⁹ пишут давно о том, что необходимо публичное регулирование института неосновательного обогащения. Полагаем, институт носит гражданско-правовой характер и поэтому положения законодательства должны содержать прямую ссылку на возможность применения реституции к публичным отношениям.

Предлагаемые изменения в Гражданский кодекс потребуют изменения подходов в судебной практике, что может в первое время оказаться непростым, вместе с тем, введение реституции как универсальной меры позволит гарантировать правовую защиту прав участников гражданского оборота, а также налоговых, бюджетных и ряда иных отношений, сделает имущество в большей степени защищенным институтом.

---

²⁹⁹ См. Williams R. Unjust Enrichment and Public Law A Comparative Study of England, France and the EU. – Oxford and Portland: Hart Publishing, 2010. – P. 294.

БИБЛИОГРАФИЯ

Исследование выполнено с применением информационных источников и справочно-правовых систем, в числе которых:

- 1) База правовой информации LexisNexis;
- 2) Журнальный архив JSTOR (jstor.org);
- 3) Интернет, включая сайты <http://scholar.google.com>, www.arbitr.ru, <http://ouclf.iuscomp.org>, <http://civil.consultant.ru>;
- 4) Информационно-правовой портал ГАРАНТ-Максимум;
- 5) Консультант Плюс. Системы: Консультант Бизнес: Версия Проф, КонсультантПлюс: Эксперт-Приложение, КонсультантПлюс: Проекты правовых актов, КонсультантПлюс: Документы СССР, КонсультантАрбитраж: Арбитражные суды всех округов, КонсультантАрбитраж: Все апелляционные суды, КонсультантСудебнаяПрактика: Суды общей юрисдикции;
- 6) Справочно-правовая система HeinOnline;
- 7) Справочно-правовая система Westlaw.

Список нормативных актов

- 1) Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (1985 г.).
- 2) Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Венская конвенция 1980 г.).
- 3) Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. Газ. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ – 2001. - № 24. – Ст. 2421; - № 30. – Ст. 3051; 2004. - № 13. – Ст. 1110.
- 4) Restatement of Law: Restitution and Unjust Enrichment.
- 5) Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012 (в ред. от 29.06.2015).
- 6) Гражданский кодекс 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

- 7) Гражданский кодекс 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
- 8) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. - № 32. – Ст. 3301 (с изменениями, вступающими в силу с 29.12.2015).
- 9) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. - № 5. Ст. 410 (с изменениями, вступившими в силу с 01.07.2015).
- 10) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. –2001. - № 49. – Ст. 4552; 2004. - № 49. – Ст. 4855; 2007. - № 1(ч.1). – Ст. 21.
- 11) Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. - № 46. - Ст. 4532 (с изменениями, вступившими в силу с 01.05.2015).
- 12) «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).
- 13) Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. –2002. - № 1(ч.1). - Ст. 3 (в ред. от 13.07.2015).
- 14) Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. - № 1. Ст.16 (с изменениями, вступающими в силу с 24.07.2015).
- 15) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. - № 1 (Ч.1.) – Ст. 1; 2002. - № 44. – Ст. 4295 (с изменениями, вступающими в силу с 08.08.2015).
- 16) Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Рос. газ. – 2005. – 12 янв.; СЗ РФ. – 2007. - № 1 (ч.1) – Ст.13, 14 (в ред. от 13.07.2015).

- 17) Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ// СЗ РФ. – 1998. - № 31. - Ст. 3824 (с изменениями, вступающими в силу с 08.06.2015).

Специальная литература

- 1) Abbot E.V. Keener on quasi-contracts // Harvard Law Review. – 1897. – Vol. 10, No. 8. - P. 479-512.
- 2) Armstrong M. Reparations litigation: what about unjust enrichment // Oregon law review. – 2002. – Vol. 81. – P. 771-782.
- 3) Auckland C. Unjust Enrichment and De Facto Relationships: the end of a marriage of convenience // U. L. Rev. – 1999.
- 4) Barker K. Rescuing Remedialism in Unjust Enrichment Law: Why Remedies are Right //The Cambridge Law Journal. – 1998. Vol. 57, No. 2.
- 5) Beatson J. Law of Quasi Contract // International & Comparative Law Quarterly. - 1989.
- 6) Birks P. An introduction to the law of restitution. – Oxford: Clarendon Press, 2003. - P. 524.
- 7) Birks P. At the expense of the claimant: direct and indirect enrichment in English law. // URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/birks.shtml>.
- 8) Birks P. Equity in the Modern Law: An Exercise in Taxonomy //University of Western Australia Law Review. – 1996. – Vol. 26.
- 9) Birks P. No consideration: restitution after void contracts // Western Australian Law Review. Vol. 25. - P. 195-234.
- 10) Birks P. Property and unjust enrichment: categorical truths // New Zealand Law Review. – 1997.
- 11) Birks P. The foundations of unjust enrichment: six centennial lectures. - Victoria University Press, 2002. P. 146.

- 12) Birks P. Unjust Enrichment. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 318.
- 13) Buckland W.W. The Text-book of Roman law from Augustus to Justinian. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- 14) Burrows A. The law of restitution. – Oxford University Press, 2011. // URL:http://www.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=3T78CivfXpQC&oi=fnd&pg=PR9&dq=The+Law+of+restitution+Burrows&ots=nLlxVXnbld&sig=Fk5Uju_y05mdRMCUaFmEymnSVw&redir_esc=y#v=onepage&q=The%20Law%20of%20restitution%20Burrows&f=false.
- 15) Burrows A. Proprietary restitution: unmasking unjust enrichment // Law Quarterly Review. – 2001.
- 16) Burrows A. Understanding the Law of Obligations: essays on Contract, Tort and Restitution. – Hart Publishing, 1998. P. 223.
- 17) Burrows A., McKendrick E., Edelman J. Cases and Materials on the Law of restitution. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 1045.
- 18) Chen-Wishart In defence of unjust factors: a study of rescission for duress, fraud and exploitation // URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/chen-wishart.shtml>.
- 19) Chong A. Choice of law for unjust enrichment/restitution and the Rome II Regulation // International and comparative law quarterly. – 2008. P. 1-25.
- 20) Conaglen M., Turner P. Subrogation, accounting and unjust enrichment // Cambridge Law Journal. – 2010.
- 21) Corbin A. L. Quasi-Contractual Obligations // Yale Law Journal – 1912. – Vol. XXI, No. 7. P. 533-554.
- 22) Costigan G.J. Implied-in-fact contracts and mutual assent // Harvard Law Review. – 1920. – Vol. 33. – P. 376-400.
- 23) Dagan H. The Law and Ethics of Restitution. – Cambridge University Press, 2004. // URL:

http://www.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=4Cze_wAxp7IC&oi=fnd&pg=PA1&dq=Langbein,+The+later+history+of+restitution,+in+Restitution+&ots=llg89FvheW&sig=5nnyf9AzzWI61ZFgmxTu3Tb-BBo&redir_esc=y#v=onepage&q=Langbein%2C%20The%20later%20history%20of%20restitution%2C%20in%20Restitution&f=false.

- 24) Dagan H. Unjust enrichment: a study of private law and public values. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. - P. 195.
- 25) Davies P.S. Contract and unjust enrichment: a blurry divide // Law Quarterly Review. – 2010.
- 26) Devies P.S. No leapfrogging of contract in unjust enrichment // Cambridge Law Journal. – 2012.
- 27) Dawson Unjust enrichment: a comparative analysis. – Boston: Little, Brown & Co, 1951. – P. 92-109.
- 28) Degeling S, Seymoue J. Collective claims for unjust enrichment // Civil Justice Quaterly. – 2010. – Vol. 29(4). P. 449-477.
- 29) Devis P.W. Restitution - concept and terms // The Hastings Law Journal. – Vol. 19. – P. 1167-1198.
- 30) Devonshire P. Account of profits for breach of fiduciary duty // Sydney Law Review. – 2010. – Vol. 32. – P. 389-410.
- 31) Dickson B. Unjust enrichment claims: a comparative overview // Cambridge Law Journal. – 1995. – Vol. 54.
- 32) Drassinover A. Unrequested benefit in the law of unjust enrichment // The University of Toronto law journal. – 1998. – Vol. 48, No. 4.
- 33) Edelman J. Change of position: a defence of unjust enrichment // Boston University Law Review. – Vol. 92.
- 34) Edelman J. Restatement of the law third, restitution and unjust enrichment // American law institute. – 2011. – P. 311-314.
- 35) Edmund O., Belsheim // Harvard Law Review. - Vol. 45, No. 3.

- 36) Epstein R. A. The ubiquity of the Benefit Principle // S. Cal. L. Rev. – 1993. – Vol. 67.
- 37) Gallo P. Unjust enrichment: a comparative analysis // The American Journal of comparative law. – 1992. – Vol. 40, No. 2. – P. 431-465.
- 38) Giglio F. Gain-based recovery // Oxford Journal Legal Studies. – 2008. – Vol. 28. No. 3.
- 39) Giglio F. Restitution for wrongs: a comparative analysis. // URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/giglio.shtml>.
- 40) Glover J. Equity, restitution and the proprietary recovery of value // U.N.S.W.L.J. – Vol. 14.
- 41) Goff R., Jones G Law of Restitution The Law of Restitution. London Sweet & Maxwell, 1966. P.26-28.
- 42) Goymour A. Books reviews: the law and ethics of restitution // The Cambridge Law Journal. – 2006. – Vol. 64. – P. 456-458.
- 43) Grantham R.B., Rickett C.E. Disgorgement for Unjust Enrichment? // Cambridge Law Journal. – 2003. - Vol. 62.
- 44) Grantham R.B., Rickett C.E. Property and unjust enrichment: categorical truths or unnecessary complexity? // New Zealand Law Review. – 1997. – P. 669-685.
- 45) Gray C. The choice between restitution and compensation // European Journal of international law. – 1999. – Vol. 10. – Issue 2, - June.
- 46) Gummow W.M.C. Moses v. Macferlan 250 Years On. //AUSTL. L.J. – 2010. – P. 881-898.
- 47) Hacker B. Proprietary restitution after impaired consent transfers: a general power model // The Cambridge Law Journal. – 2009. – 68.
- 48) Halliday P. Restitution and public bodies: overview and update // Jud. Rev. – 2007. Vol. 12.
- 49) Hand L. Restitution or unjust enrichment // The Harvard Law Review Association. – Vol. 11. – No. 4. – P. 249-257.

- 50) Hedley S. On cutting the legal system down to size, or Contract, Tort and Restitution // Legal studies. – 1988. -Vol. 8, No. 2.
- 51) Hedley S. Unjust enrichment // Cambridge Law Journal. – 1995. – No. 54(3). – P. 578-599.
- 52) Hedley S. Unjust Enrichment as the Basis of Restitution – An Overworked Concept // Legal Studies. – 1985. - Vol. 5.
- 53) Hedley S. Unjust Enrichment: a Middle Course? // Oxford University Commonwealth Law Journal. – 2002. - Vol. 2.
- 54) Hedley S. Use and abuse of unjust enrichment: essay on the law of restitution // Civil Justice Quarterly Publication Review. - 1992.
- 55) Hunt Ch. D. L. Unjust Enrichment Understood as Absence of Basis: a Critical Evaluation with Lessons from Canada. // URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/hunt.shtml>.
- 56) Jackman I. M. N. The Varieties of Restitution. – Federation Press, 1998. // URL: http://www.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=cFmqQvR9hKsC&oi=fnd&pg=PR3&dq=Jackman+I.+M.+N.+&ots=MqMY95iJD0&sig=88fuOtMhuuCbBuiSifLAZ_KFbqg&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.
- 57) Jackson R.M The Restatement of Restitution //Miss. L.J. – 1937. – Vol. 10.
- 58) Jeffrey P. Failure of consideration // Modern law review. 2003. – Vol. 66. – P. 1-14.
- 59) Jeffrey P. The nature and scope of restitution. Boomsbury Publishing. – 2000. – P. 480.
- 60) Johnston D., Zimmermann R. Unjustified enrichment: key issues in comparative perspective. - Cambridge University Press. - P. 730.
- 61) Jolowicz H., Nicholas B. Historical introduction to the study of Roman law. 3-d edition, Cambridge University Press, 1972. // URL: <http://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=Nwg9AAAAIAAJ&oi=fnd&>

[pg=PR11&dq=schultz+classical+roman+law&ots=nwpr_sCWb7&sig=UiN
LpgegDLAbnFnvoPizxEq9yZg#v=onepage&q&f=false.](http://www.ouclf.iuscomp.org/articles/krebs.shtml)

- 62) Keener W.A. Quasi-Contract, its nature and scope. Harvard Law Review. – 1893, Vol. 7. – No.2
- 63) Klimchuk D. Restitution and Realism // Can. J. L. & Jurisprudence. – 2007. – Vol. 20.
- 64) Klippert G.B. The judicial nature of unjust enrichment // The University of Toronto Law Journal. – 1980. – Vol.30, No. 4.
- 65) Krebs T. In Defence of unjust factors. // URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/krebs.shtml>.
- 66) Kull A. Restitution and Reform // Southern Illinois University Law Journal. – 2007. – Vol.32. – P. 83-92.
- 67) Kull A. Restitution as a remedy for breach of contract. //S. Cal. L. Rev. - 1993-1994.
- 68) Kull A. Restitution's outlaws // Chicago-Kent Law Review. – 2003. – Vol. 78. – P. 17-32.
- 69) Law of Quasi Contract. 2nd ed. 1989. 1989 S.J. Stoljar. Reviewed by J. Beatson. I.C.L.Q. 1990, 39(3), 730-732 [International & Comparative Law Quarterly].
- 70) Laycock D. Scope and Significance of Restitution // Tex. L. Rev. – 1988. – Vol. 67.
- 71) Logan D.W. Restatement of restitution // American Law Institute. – 1987. – P. 153-159.
- 72) Machel F. The defence of 'change of position' in English and German law of unjust enrichment // German Law Journal. - Vol. 05. - No. 01.
- 73) McInnes M. Enrichments and reasons for restitution: protecting freedom of choice // McGill Law Journal/Revue de droit de McGill. – Vol. 48. - P. 420-475.

- 74) Mewett A. The quasi-contractual liability of governments //University of Toronto L.J. – 1959. Vol. XIII, No. 1. – P. 56-72.
- 75) Min T. Restitution and risk allocation // Sal. Annual Review. – 2004. – Vol. 5. P. 436-402.
- 76) Neyers J.W., McInnes M., Pitel S. Understanding unjust enrichment. – Hart Publishing, 2004. – P. 415.
- 77) Odudu O., Virgo G. Inadequacy of compensatory damages // Restitution Law Review. P. 112-121.
- 78) Oklahoma Uniform Jury Instructions, Civil, Chapter 23, Article PART ONE, Section Instruction 23.10 - QUASI-CONTRACT (QUANTUM MERUIT OR QUANTUM VALEBANT). // URL: [Oklahoma Uniform Jury Instructions Website](#). Accessed June 30, 2008.
- 79) Palmer E. Book review. Santa Clara Law Review. 1979. - Vol. 19. - P. 1143.
- 80) Patterson E.W. The scope of restitution and unjust enrichment // Missouri Law Review. – 1936. – Vol. I, No. 3. – P. 223-236.
- 81) Perillo J.M. Restitution in a contractual context // Columbia Law Review. – 1973. – Vol. 73. – P. 1208-1226.
- 82) Restatement of the Law Third, Restitution and Unjust Enrichment. 2011. American Law Institute. Reviewed by James Edelman. L.Q.R. 2012, 128(Apr).
- 83) Roberts C.L. The case for restitution and unjust enrichment remedies in patent law // Lewis & Clark Law Review. – 2010. – Vol. 14. P. 101-132.
- 84) Saiman Ch. Restitution in America: why the US refuses to join the global restitution party // Oxford Journal of Legal Studies. – 2008. – Vol. 28, No. 6.
- 85) Saprai P. Restitution without corrective justice // URL: www.trinitinture.com/documents/saprai.pdf.

- 86) Schreuer Ch. H. Unjust enrichment in international law // The American Journal of comparative law. – 1974. – Vol. 22. P.281-301.
- 87) Seavey W.A., Scott A.W. Restitution // The Law Quarterly Review – 1938. - Vol. 54. - P. 29-45.
- 88) Sebok A.J. Reparations, unjust enrichment, and the importance of knowing the difference between the two // NYU Annual survey of American law. – 2003. – Vol. 58. – P. 652-567.
- 89) See A.W.L. An introduction to the law of unjust enrichment. Legal Studies Research Paper, 2013.
- 90) Sheehan D. Tracing the modern criticism of the mistake of law bar // The University of East Anglia Norwich Law School Working Papers Series. – 2009. – April.
- 91) Sheehan D. Unjust enrichment or restitution of transfers sine cause // URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/sheehan.shtml>.
- 92) Sheflin A. The law of restitution by G. Palmer //Santa Clara Law Review. 1977. – Vol. 19. – P. 1141-1149.
- 93) Shelton B.A. Unjust enrichment and the Deglman case // Alta. L. Rev. – 1961. – No. 30.
- 94) Sherwin E. Reparations and unjust enrichment // Boston University Law Review. – 2004. – Vol.84. – P. 1143-1165.
- 95) Singh S. Short notes on restitution of contracts. URL:
- 96) Smith A. Fiona Trust & Holding Corporation and others v Privalov and others and other matters // All England reporter. – 2010.
- 97) Smith L. Property, subsidiary, and unjust enrichment // URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/smith.shtml>.
- 98) Smith S. The structure of Unjust Enrichment Law: is Restitution a Right or a Remedy //Loyola of Los Angeles Law Review. – 2002. – Vol. 36. – P. 1037-1062.

- 99) Spillane Ch. Unjust Enrichment and De Facto Relationships: The End of a Marriage of Convenience // Auckland U. L. Rev. – 1999. –P. 318-319.
- 100) Stevens J. Restitution or property? Priority and title to share in the conflict of laws // The modern law review. – 1996. – Vol. 59. – P. 741-746.
- 101) Stoljar S. Unjust enrichment and unjust sacrifice // Mod. L. Rev. – 1987. – Vol. 50. – No. 5.
- 102) Sullivan T.J. The concept of benefit in the law of quasi-contract. 1975. – Vol. 64:1. – P. 1-26.
- 103) Swadling W.J. The Law of Restitution // All England Annual Review. Lecture in Laws, Queen Mary & Westfield College, University of London. - 1992.
- 104) Swadling W.J. The role of illegality in the English law of unjust enrichment // URL: <http://ouclf.iuscomp.org/articles/swadling.shtml>.
- 105) Swadling W.J. Policy arguments for proprietary restitution // Legal Studies. - 2008. – Vol. 28. – No. 4. P. 506-530.
- 106) Swain W. Unjust enrichment and the role of legal history in England and Australia // UNSW Law Journal. Vol. 36 (3).
- 107) Tettenborn A. Law of Restitution in England and Ireland // URL: https://books.google.ru/books?id=LfR4ZqlVocIC&pg=PA47&lpg=PA47&dq=c+restitution+car+and+universal+finance+v+caldwell&source=bl&ots=nCnswwb_Ia&sig=QQ5jyVBm-zk8Kjlhz_i6De-yEb4&hl=ru&sa=X&ei=vTVsVe_KGIKuswGe64HAAw&ved=0CCYQ6AEwBA#v=onepage&q=c%20restitution%20car%20and%20universal%20finance%20v%20caldwell&f=false.
- 108) Traynor M. The Restatement (third) of restitution and unjust enrichment: some introductory suggestions.
- 109) Thurston E. S. Recent Developments in Restitution: 1940-1947 // Michigan Law Review – 1947. – Vol. 45. – No.8. – P. 935-941.

- 110) Virgo G. Restitution from public authorities: past, present and future // *Jud. Review.* – 2006. – Vol. 11.
- 111) Virgo G. *The principles of law of restitution.* 2nd ed. Oxford University Press, 2006.
- 112) Visser D. P. *Rethinking Unjustified Enrichment: A Perspective of the Competition and Enrichment Remedies*//*Acta Juridica.* – 1992.
- 113) Wade J. W. *The Literature of the Law of Restitution* // *Hastings L.J.* – 1967. – Vol. 19. – P. 1087-1118.
- 114) Walker P.A. *Change of position and restitution for wrongs: ‘Ne’er the twains shall meet?* //*Melbourne University Law Review.* - Vol. 33. - P. 236-268.
- 115) Wall D. A. *The law of restitution and the Federal Government* // *Northwestern University Law Review.* – 1971. – Vol. 66. – No. 5. – P. 587-625.
- 116) Weinrib E. *The law and ethics of restitution: book review* // *Virginia Law Review.* – 2005. – Vol. 91:861. - P. 861-878.
- 117) Wigmore J.H. *A summary of quasi-contracts* // *American Law Review* – 1981. – Vol. 25
- 118) Williams R. *Unjust enrichment and public law. A comparative study of England, France and the EU.* – Oxford and Portland: Hart Publishing, 2010. – P. 294
- 119) Winfield P.H. *The American Restatement of the law of restitution* // *The law quarterly review.* 1938. – Vol. CCXVI. – P. 529-542.
- 120) Winterton D. *Contract theory and gain-based recovery: a review of Katy Barnett, accounting for profit for breach of contract: theory and practice.* // Oxford: Hart Publishing. 2012.
- 121) Woodward F. *The Law of Quasi Contracts,* 1913.
- 122) Wu Tang Hang *An unjust enrichment claim for the mistaken improver of land* // *Conveyancer and Property Lawyer.* - 2011. Vol. 1.

- 123) Zakrzewski R. Unjust enrichment and public law. A comparative study of England, France and the EU: publication review // *British Tax Review*, 2012. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. I. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2009, с. 490. Т. II, с. 452.
- 124) Акатова Е.А. Новое в Гражданском кодексе Российской Федерации: недействительные сделки // *Российский судья*. - 2012. - № 10.
- 125) Александров Н.Г. Законность и правоотношение в советском праве. М., 1955. – 134 с.
- 126) Алексеев С.С., Архипов С.И., Корельский В.М. и др. Теория государства и права. Учебник / Под ред. С.С. Алексеева. 1998.
- 127) Амфитеатров Г.Н. Война и вопросы виндикации // *Учен. Зап. ВИЮН*. Вып. III. М., 1945.
- 128) Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / Под ред. Новоселовой Л.А., Рожковой М.А. Вып. 13.
- 129) Андреев В.К. О концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности // *Российский судья*. – 2010. - № 9.
- 130) Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра, 2010. - 464 с.
- 131) Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Том I. Введение и общая часть – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/73/553.html>.
- 132) Арзамасцев А.Н. Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву. Л., 1956.
- 133) Артемов А.В. Недействительность сделок и их последствия: некоторые аспекты // *Юрист*. - 2002. - № 6.

- 134) Афолина Е.И. О правовых последствиях незаключенных сделок // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа, 2005. - № 3, 2006. - № 1.
- 135) Байбак В.В. Реституционные, кондикционные и виндикационные требования в гражданском обороте // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007.
- 136) Бевзенко Р.С., Фахретдинов Т.Р. Зачет в гражданском праве: опыт исследования теоретической конструкции и обобщения судебной практики. - М.: Статут, 2006. - 172 с.
- 137) Белов В.А. Виндикационный иск (к вопросу о толковании ст.ст. 301 и 302 ГК РФ) // Законодательство. – 2008. - № 1.
- 138) Белов В.А. Чертова дюжина вопросов (о судьбе института недействительности сделок) // «Корпоративный юрист». – 2005. – № 4.
- 139) Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
- 140) Братусь М.Б. Вещно-правовые способы защиты права собственности. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – Москва, 2005. - 203 с.
- 141) Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. Государственное издательство юридической литературы. М. 1963. -196 с.
- 142) Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М.: Городец, 2001.
- 143) Былков В.В. Проблемы правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – Ростов-на-Дону. – 2004.

- 144) Бычкова, Г. П. Защита должников в Римском праве: На материалах Дигест Юстиниана // Сибирский Юридический Вестник. – 2001. - № 1.
- 145) Вавилин Е.В. Концепция развития российского гражданского законодательства: основные направления // Юрист. – 2010. - № 3.
- 146) Вавулин Д.А., Федотов В.Н., Емельянов А.С. Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности» (постатейный). - М.: «Юстицинформ», 2011.
- 147) Витрянский В.В. Некоторые основные положения концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации об обязательствах // Журнал российского права. – 2010. - № 1.
- 148) Витрянский В.В., Суханов Е.А. Основные проблемы частного права. Сборник статей к юбилею доктора юридических наук., профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. - 575 с.
- 149) Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие (2-е издание, переработанное, дополненное и исправленное). - М.: Проспект, 2011.
- 150) Волков А.В. Формализм против субъективизма в гражданском праве // Современное право. 2010, № 1. - С. 35 – 39.
- 151) Волочай Ю.А. Гражданско-правовая конструкция приобретения права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Германии. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2010.
- 152) Вострикова Л.Г. Валютное право. Учебное пособие для вузов. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006.

- 153) Гаврилов Е.В. Понятие и признаки права собственности: комплексный подход // Законодательство и экономика. 2010. - № 11. С. 8 - 11.
- 154) Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью противной закону // Учен. зап. ВИЮН. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. Вып.5. 1947.
- 155) Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958. № 6.
- 156) Гербутов В.С. Навязанное обогащение. К учению об обогащении по российскому праву // Вестник гражданского права. – 2011. - № 2.
- 157) Гербутов В.С. Обзор диссертаций на тему неосновательного обогащения // Вестник гражданского права. – 2008. - № 2.
- 158) Гордон М.В.. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 2. Харьков. 1960.
- 159) Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость: научно-практическое пособие по применению гражданского законодательства / Под ред. В.Н. Соловьева. – М.: Юрайт, 2010.
- 160) Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. Т. I. М. Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944.
- 161) Гражданское право: Учебник / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. М.: Юристъ, 2005.
- 162) Гражданское право: Учебник. В 4 т. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2008. Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость: науч.-практич. пособие по применению гражданского законодательства (под общ. ред. В.Н. Соловьева). - М.: «Издательство Юрайт», 2010.

- 163) Гранат М.А. Неосновательное обогащение в гражданском праве России. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – 2005.
- 164) Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав // URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/1/>.
- 165) Григорьев М. Виндицируй незримое // ЭЖ-Юрист. – 2010. - № 15.
- 166) Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. - Москва, издательство «Зерцало», 2003 г. (воспроизводится по пятому изданию С.-Петербург, 1916 г.).
- 167) Гримм Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Выпуск первый. Дерпт, 1891. Груздев В.В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. 272 с.
- 168) Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. Сената и проекта Гражданского уложения (издание 4-ое, пересмотренное и дополненное) С.-Петербург, типография М. М. Стасюлевича, 1913 г.
- 169) Гурвич М. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. – 1925. – № 2 (14).
- 170) Гутников О.В. К вопросу о понятии недействительных сделок // Статут. 2006.
- 171) Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2008. – 491 с.
- 172) Данилов И.А. Классификация составов недействительных сделок // Нотариус. 2009. № 5. С. 20 - 24.
- 173) Данилов И.А. Сделки с пороками воли, вызванными внешним воздействием на сторону сделки // Юрист, 2011, № 2. С. 36 - 40.

- 174) Данилов И.А. Сущность деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые // Юридический мир. 2010. № 5. С. 18 - 21.
- 175) Данилов И.А. Вопросы совершенствования гражданского законодательства, регулирующего отношения в сфере недействительности сделок: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Москва, 2006. - 187 с.
- 176) Дегтярева Н.И. Санкция недействительности в праве // Вестник науки ТГУ. 2011. - № 1(4).
- 177) Дегтярева Н.И. Санкция недействительности в российском праве: вопросы теории и практики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2011. - 31 с.
- 178) Дихтяр А.И., Анисимова Е.С. Обязательства, связанные с неосновательным обогащением: вопросы теории и практики.
- 179) Добрачев Д.В. Денежный долг и убытки как реституционные последствия расторжения договора // Адвокат. - 2012. - № 2. - С. 40 - 53.
- 180) Дубровин В.В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования): Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2010.
- 181) Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения
Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2001
- 182) Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // – URL: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition07&issid=2010012000&docid=20>
- 183) Егоров Ю.П. К вопросу о последствиях недействительности сделок // – URL: <http://www.advocate-realty.ru/press/unitpress/?id=426800>

- 184) Егорова М.А. Аннулирование договора в российском законодательстве // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 63 - 74.
- 185) Егорова М.А. Возврат исполненного при изменении и расторжении договора купли-продажи «Журнал российского права», 2009 г. № 3.
- 186) Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2010.
- 187) Ермолова О.Н., Мотыван Е.А. Общие положения о договорах в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. – 2011. - № 1. - С. 43 - 47.
- 188) Ермолова О.Н., Мотыван Е.А. Общие положения о договорах в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. – 2011. – № 1.
- 189) Желонкин С.С. К вопросу о правовой природе двусторонней реституции как общем последствии недействительности сделок // Современная наука. - 2010. - №1 (1).
- 190) Задорожный В.И. Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики. – Тамбов, 2005.
- 191) Золотько Н.В., Ганжала В.А. Некоторые проблемы применения норм о неосновательном обогащении (гл. 60 Гражданского кодекса РФ) // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. - 2005. - № 4.
- 192) Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. Свердловск, 1980.
- 193) Илюшина М.Н. Недействительность сделок как гражданско-правовое последствие коррупционных правонарушений // «Законы России: опыт, анализ, практика». – 2009. – № 12. - С. 26 - 31.

- 194) Интервью с Шевелевой Н.А., деканом юридического факультета СПбГУ // Закон. – 2011. – № 5.
- 195) Иоффе О.С. Гражданско-правовая защита интересов личности в СССР / Под ред. Б.Б. Черепашина. М.: Юридическая литература, 1969.
- 196) Иоффе О.С. Обязательственное право. URL: http://www.civillex.net/book/ioffe_Objazatpravo.pdf.
- 197) Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955.
- 198) Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. Юрид. лит., 1984.
- 199) Кабанов Р. Добросовестный приобретатель // ЭЖ-Юрист. 2010, № 18. С. 6.
- 200) Калмыков Ю.Х. Принцип всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве. – Саратов, 1987.
- 201) Каменецкая М.С. Расторжение гражданско-правового договора по законодательству Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2003. - 32 с.
- 202) Камышанский Владимир Павлович. Ограничения права собственности (Гражданско-правовой анализ). Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. СПб., 2000. - 357 с.
- 203) Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2011. - 48 с.
- 204) Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. - 876 с.

- 205) Кархалев Д.Н. Динамика обязательства вследствие причинения вреда // Российский судья. – 2011. - № 6.
- 206) Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург. – 2010.
- 207) Кархалев Д.Н. Реституционное охранительное правоотношение // Налоги. – 2009. - № 27.
- 208) Квитко А.Ф. Последствия недействительности ничтожных и оспоримых сделок // Закон. - 2005.
- 209) Климович А.В. Взыскание неосновательного обогащения в странах общего права. URL: <http://law.isu.ru/ru/science/vestnik/20032/klimovich.html>.
- 210) Козацкая В.Э. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный преступлениями: взгляд на проблему // Гражданское право. - 2010. - № 4. - С. 41 - 44.
- 211) Козацкая В.Э. Правовые формы возмещения преступного вреда // Адвокатская практика. - 2009. - № 1.
- 212) Козяр Н.В. Проблемы «конкуренции» исков при применении последствий совершения ничтожных сделок // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. Выпуск № 8 (103), том 16.
- 213) Колосова Н.М. К вопросу о конституционных санкциях// Журнал российского права. - 2009. - № 3.
- 214) Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М.: ФГОУВПО «Российская академия государственной службы при Президенте РФ» 2010. - 186 с.

- 215) Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий / Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010.
- 216) Кондрат Е.Н. Правовая природа недействительных сделок // Законодательство. - 2011. - № 4. - С. 22-29.
- 217) Концепция развития российского законодательства / Под ред. Хабриевой Т.Я., Тихомирова Ю.А. М., 2010.
- 218) Концепция развития российского законодательства. / Под ред. Хабриевой Т.Я., Тихомирова Ю.А. Москва Юриспруденция, 2014.
- 219) Курцев И.А. Проблемы реализации охранительной функции права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2008. - 29 с.
- 220) Кушхов Р. А. Соотношение требований из неосновательного обогащения с другими гражданско-правовыми требованиями о возврате имущества (теория и практика). Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Москва. - 2006. - 182 с.
- 221) Леднева (Тютинина) Ю.В. Правовая природа ответственности за нарушения валютного законодательства Российской Федерации // Налоги. - 2010. - № 3. - С. 22 - 26.
- 222) Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Изд-во МГУ, 1981.- 240 с.
- 223) Ломидзе О., Ломидзе Э. Возврат полученного по недействительной сделке, виндикация, кондикция: соотношение способов защиты нарушенного гражданского права // Хозяйство и право. 2008.
- 224) Лоренц Д.В. К дискуссионным моментам информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 2008 г. № 126 по вопросам виндикации // Бюллетень нотариальной практики. - 2009. - № 4. - С. 4 - 9.

- 225) Лоренц Д.В. О юридической природе истребования имущества, составляющего наследственную массу // Хозяйство и право. – 2008. - № 5.
- 226) Лоренц Д.В. Проблемы ограничения реституции // Современное право. – 2009. - № 7.
- 227) Лоренц Д. В. Юридическая природа реституции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 12.
- 228) Малиновский Д.А. Актуальные проблемы категории субъективного вещного права. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2002.
- 229) Малофеев А.В. Модернизация гражданско-правовых норм о недействительности сделок с пороками воли, в проекте концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Современная наука. - 2010. - №1 (1).
- 230) Малофеев А.А. Желонкин С.С. Юридическая характеристика конфискационной санкции за совершение сделок, предусмотренных ст. 169 и ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. - № 4(48).
- 231) Мамедкеримова Н.А. Недействительность сделок по незаконному содержанию по российскому гражданскому праву. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Дагестанский государственный университет. 2002.
- 232) Маркин А.Н. Претора как сакральный и правовой институт в Древнем Риме // Вестник Удмуртского университета. - 2008, вып. 2. // – URL: http://vestnik.udsu.ru/2008/2008-11/vuu_08_052_01.pdf.
- 233) Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. – 176 с.

- 234) Матвеев И.В. Правовая природа недействительных сделок: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М., 2002. - 192 с.
- 235) Махненко Р.Н. Основания и последствия расторжения договора в российском гражданском праве: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2006.
- 236) Мейер Д.И. Русское гражданское право // URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/45/>.
- 237) Мозолин В.П. Модернизация права собственности в экономическом измерении // Журнал российского права. - 2011, № 1. - С. 26 - 30.
- 238) Мозолин В.П. О гражданско-процессуальном правоотношении // Советское государство и право. Издательство академии наук СССР. – 1955. – № 6.
- 239) Мозолин В.П. Роль гражданского законодательства в регулировании комплексных имущественных отношений // Журнал российского права. – 2010. - № 1. - С. 26 - 31.
- 240) Мозолин В.П., Рябов А.А. О трех сферах имущественных отношений, регулируемых гражданским законодательством // Законодательство. – 2009. - № 6. – С. 24-29.
- 241) Моргунов С.В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. М.: Статут, 2006. - 301 с.
- 242) Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. Типография А.И. Мамонова и Ко, 1883. – 732 с.
- 243) Мындра Д.И. Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М. - 2002. 192 с.
- 244) Налоги и налоговое право. Учебн. пособие / Под ред. А.В. Брызгалина.

- 245) Насыров Р.Г. Содержание сделки по советскому гражданскому праву. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридическим наук. – М. – 1981. - 198 с.
- 246) Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М.: НОРМА, 2004.
- 247) Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006.
- 248) Недействительность сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная. Догматическое исследование Н. Растеряева. Руководство к торговым и гражданским сделкам. Санкт-Петербург. Тип. Товарищества «Общественная польза»
- 249) Новак Д.В. В чем ценность владения и при чем здесь кондикция? // Вестник гражданского права. – 2009. - № 3.
- 250) Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут. – 2010. – 416 с.
- 251) Новак Д.В. . Неосновательное обогащение в гражданском праве: сравнительно-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М. – 2006 – 230 с.
- 252) Новак Д.В., Гербутов В.С. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения // Вестник ВАС РФ. – 2014. - № 1.
- 253) Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. – М.: «Зерцало», 2007.
- 254) Новицкий И.Б. Римское право.— Изд. 7-е стереотипное. - М., Ассоциация «Гуманитарное знание», 2002, Издательство «ГЕИС», оригинал-макет, 2002 - 310 с.
- 255) Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. – М., 1954.

- 256) Оболонкова Е.В. Односторонний отказ от исполнения обязательства: Научно-практическое исследование. - М.: Юридическая фирма «Контракт», «Волтерс Клувер», 2010.
- 257) Омельченко О.А. Римское право: Учебник. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: ТОН — Остожье, 2000 - 208 с.
- 258) Осаке К. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика // Журнал российского права. – 2007. - № 5.
- 259) Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М. – Издательство «НОРМА», 2-е издание, переработанное. – 2008.
- 260) Останина Е.А. О правовой природе исполнения обязательства // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. - № 21(159). – С. 53-58.
- 261) Паршина О.В., Смирнов А.С. Виндикация, признание сделок недействительными и реституция как способы защиты права собственности: спорные вопросы теории и практики // Культура: управление, экономика, право. – 2012. - № 2.
- 262) Понарин В.Я. Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. – 1988 г. – №1. – С. 41-46.
- 263) Перова Н.В. К вопросу о действительности трудового договора в современном трудовом праве России // Российский ежегодник трудового права. 2009, № 5 / под ред. Е.Б. Хохлова. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 146 - 160.
- 264) Петражицкий Л.И. Иски о незаконном обогащении // Вестник права. - 1900. - № 1.
- 265) Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Тома I-III (воспроизводится по изданию С.-Петербург, 1896 г.). М.: Издательство «Зерцало», 2004.

- 266) Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Издание 5, исправленное. – М.: «Статут», 2003, - 351 с. (Классика российской цивилистики).
- 267) Поляков М.И. Гражданско-правовые последствия недействительных сделок с жилыми помещениями: Монография. М.: Юрист, 2007. 152 с.
- 268) Поляков М.И. Неприменение реституции в недействительных сделках с жилыми помещениями // Нотариус. 2010, № 5. С. 16 - 20.
- 269) Поляков М.И. Реституция в недействительных сделках // Нотариус. – 2011. - № 1.
- 270) Понарин В.Я. Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. – 1988 г. – №1
- 271) Потапенко С.В., Зарубин А.В. Признание сделки недействительной и применение последствий её недействительности в виде реституции как способы защиты гражданских прав // Нотариус. - 2010. - № 3.
- 272) Практика применения Гражданского кодекса РФ частей второй и третьей // Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Издательство Юрайт. – 2011.
- 273) Практическая налоговая энциклопедия (под ред. Брызгалина А.В.). Том 3 Судебная практика по налоговым спорам, связанным с применением положений части первой Налогового кодекса России.
- 274) Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. Том 1. М.: Издание Ф.Н. Плевако, 1874.
- 275) Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Издательство Ленинградского Университета, 1960.
- 276) Ревенко А. Сирец А. Проблемы недействительности сделок. – URL: <http://www.sgpi.ru/userfiles/Problems%20ned%20sdelok.pdf>.

- 277) Римское частное право. Учебник под редакцией проф. Новицкого И.Б. и проф. Перетерского И.С. – URL: <http://elib.mesi-yar.ru/books/yf-mesi/2009/novitskii.pdf>.
- 278) Ровный В. В. Эвикция. Проблемы конкуренции исков и права собственности // Сибирский Юридический Вестник. - 2000. - № 2.
- 279) Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. - 2010.
- 280) Рудоквас А.Д. Статья: Opus magnum: монографии Д.О. Тузова о недействительности сделок в гражданском праве // «Вестник гражданского права». - 2009. - № 2.
- 281) Рыжинкова Е.Н. Гражданско-правовые последствия недействительности сделок. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03. С-Петербург. ун-т МВД РФ.
- 282) Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки Московского университета. – Вып. 144. Труды юридического факультета. Кн. 3. – М.: Издательство МГУ, 1949. - С. 85-106.
- 283) Салаватов Ф.Р. Недействительность предпринимательских сделок по приватизации государственного и муниципального имущества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань. – 2006.
- 284) Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1963.
- 285) Сарбаш С.В. Возврат уплаченного как последствие неисполнения договорного обязательства // Хозяйство и право. – 2002. - № 6.
- 286) Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. - 636 с.

- 287) Синайский В. И. Русское гражданское право. – М., «Статут», 2002. – 638 с.
- 288) Сеницын С.А. Виндикация, реституция и кондикция: проблемы соотношения // Законодательство. – 2003. - № 8.
- 289) Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 8.
- 290) Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. - 893 с.
- 291) Скловский К.И., Ширвис Ю.В. Последствия недействительной сделки // Закон. - 2000. - № 5.
- 292) Слесарев А.В. Обязательства вследствие неосновательного обогащения. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – Екатеринбург. – 2000.
- 293) Советское гражданское право / Под ред. В.А. Рясенцева. Ч. 2 1987.
- 294) Соловьев В.Н. (под общ. ред.) Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость: науч.-практич. пособие по применению гражданского законодательства - Издательство Юрайт. – 2010.
- 295) Соломина Н.Г. К вопросу о соотношении требования о возврате неосновательного обогащения с требованием о возврате исполненного по недействительной сделке // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. - №2. – С. 7-10.
- 296) Соломина Н.Г. Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения. - М.: «Юстицинформ», 2009.
- 297) Соменков С.А. Расторжение договора по гражданскому законодательству Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - 212 с.

- 298) «Страхивание» залога через крупные сделки и ограничения реституции // Интересные дела президиума ВАС 24 сентября // URL: <http://pda.arbitr.ru/press-centr/smi/62951.html>.
- 299) Суханов Е.А. Вещные права и права на нематериальные объекты // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2007. - № 7.
- 300) Суханов Е.А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным истребованием имущества из чужого незаконного владения. URL: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition07&issid=2009002000&docid=5>.
- 301) Сыздыкова, Г. О гармонии ст. 49 (ч. 2, п. 2) и ст. 157 ГК РК с ГПК РК (из судебной практики). Юрист. - 2005. - № 1.
- 302) Тархов В.А. Ответственности по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1973.
- 303) Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственности и право собственности. Уфа, 2001.
- 304) Тигранян А.Р. Актуальные проблемы теории ничтожных и оспоримых сделок: Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Москва, 2006. - 205 с.
- 305) Тигранян А.Р. Классическая теория ничтожных и оспоримых сделок и теория права оспаривания Годэме. // Юридический мир, - 2006. - № 6.
- 306) Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.
- 307) Томилова Ю.Ю. Охранительное правоотношение в механизме правового регулирования. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М, 2004. - 220 с.
- 308) Трофимов В.Н. Недействительность сделок: сборник судебной практики с комментариями. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 368 с.

- 309) Трофимова Марина Павловна. Функции юридической ответственности. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Саратов, 2000. - 209 с.
- 310) Тузов Д.О. Иски, связанные с недействительностью сделок. Теоретический очерк. Томск: Пеленг, 1998. – 72 с.
- 311) Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискация при недействительности сделок (о возникновении права собственности государства по основаниям, предусмотренным статьями 169 и 179 ГК РФ) // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. трудов в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / Под ред. Д.О. Тузова. М.: Статут, 2008.
- 312) Тузов Д.О. Общие вопросы недействительности сделок в проекте Концепции совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. - № 6.
- 313) Тузов Д.О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Томск. – 2006. - 365 с.
- 314) Тузов Д.О. Природа реституционных правоотношений // Вестник Томского государственного университета. – 2003. - № 279. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03. - Томск: Томский государственный университет, 1999. - 211 с.
- 315) Тузов Д.О. Реституция и виндикация: проблемы соотношения // Вестник ВАС РФ. - 2002. - № 3.
- 316) Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. - 602 с.

- 317) Туктаров Ю.Е. Требование о возврате полученного по недействительной сделке / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006.
- 318) Тютин Д.В. Налоговое право. Курс лекций (издание второе, дополненное). – Для системы Гарант. – 2012.
- 319) Федоренко Н.В., Лапач Л.В. Сделки с имущественными правами: проблемы реституции // Вестник ФАС Северо-Кавказского округа, № 2, март-апрель 2003.
- 320) Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. – М., 1951.
- 321) Халфина Р.О. Право личной собственности граждан в СССР. М., 1955.
- 322) Хаскельберг Б.Л. Об основании и моменте перехода права собственности по договору на движимые вещи (рукопись статьи). Томск, 1999.
- 323) Хвостов В.М. Система римского права. Семейное право. Наследственное право (конспект лекций). – М.: Типография Вильде, 1909.
- 324) Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 1999.
- 325) Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х т. Т. 2 / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1998.
- 326) Чаусская О.А. Гражданское право. Учебник. М.: Дашков и К, 2007.
- 327) Чельшев М.Ю. Вопросы межотраслевых связей гражданского права в Концепции развития гражданского законодательства и проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // История и теория цивилистической науки. - 2011. - № 1.

- 328) Черепахин Б.Б. Приобретение права собственности по давности владения // Советское государство и право. - 1940. - № 4.
- 329) Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/22>.
- 330) Черярин А.В. Недействительные сделки и их последствия: спорные вопросы действующего законодательства и судебной практики // Российский судья. – 2006. - № 8.
- 331) Шанхаев С.В., Селиверстов А.В. О практике применения исковой давности при рассмотрении споров о выселении граждан из занимаемых жилых помещений // Право в Вооруженных Силах. – 2002. - № 11.
- 332) Шахматов В.П. Основные понятия сделки по советскому гражданскому праву. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Свердловский юридический институт. 1951.
- 333) Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленными ими последствия. Томск: ТГУ, 1967.
- 334) Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права М., издание Бр. Башмаковых, 1911.
- 335) Шестакова Н.Д. Иски прокурора о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности: Препринт. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – 16 с.
- 336) Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. 2-е изд., испр. и доп. /Предисловие д.ю.н., проф. С.М. Казанцев, д.ю.н., проф. Н.А. Чечина. – СПб.: Издательство Р.Русланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 360 с.
- 337) Шестакова Н.Д. Недействительность сделок: процессуальный и материальный аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург. 2001.

- 338) Шиняева Н. ВС поправил суды, не увидевшие разницы между реституцией и кондикцией. URL: pda.pravo.ru/review/view/109754/.
- 339) Шкундин З.И. Реституция в недействительных сделках //Арбитраж. - 1969. - № 13.